

СТОЛИЦА

№ 33 (39)
1991г. 1руб. 30коп

иллюстрированный еженедельник

АКРОМБАНК
АКЦИОНЕРНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ
РОССИЙСКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ
БАНК

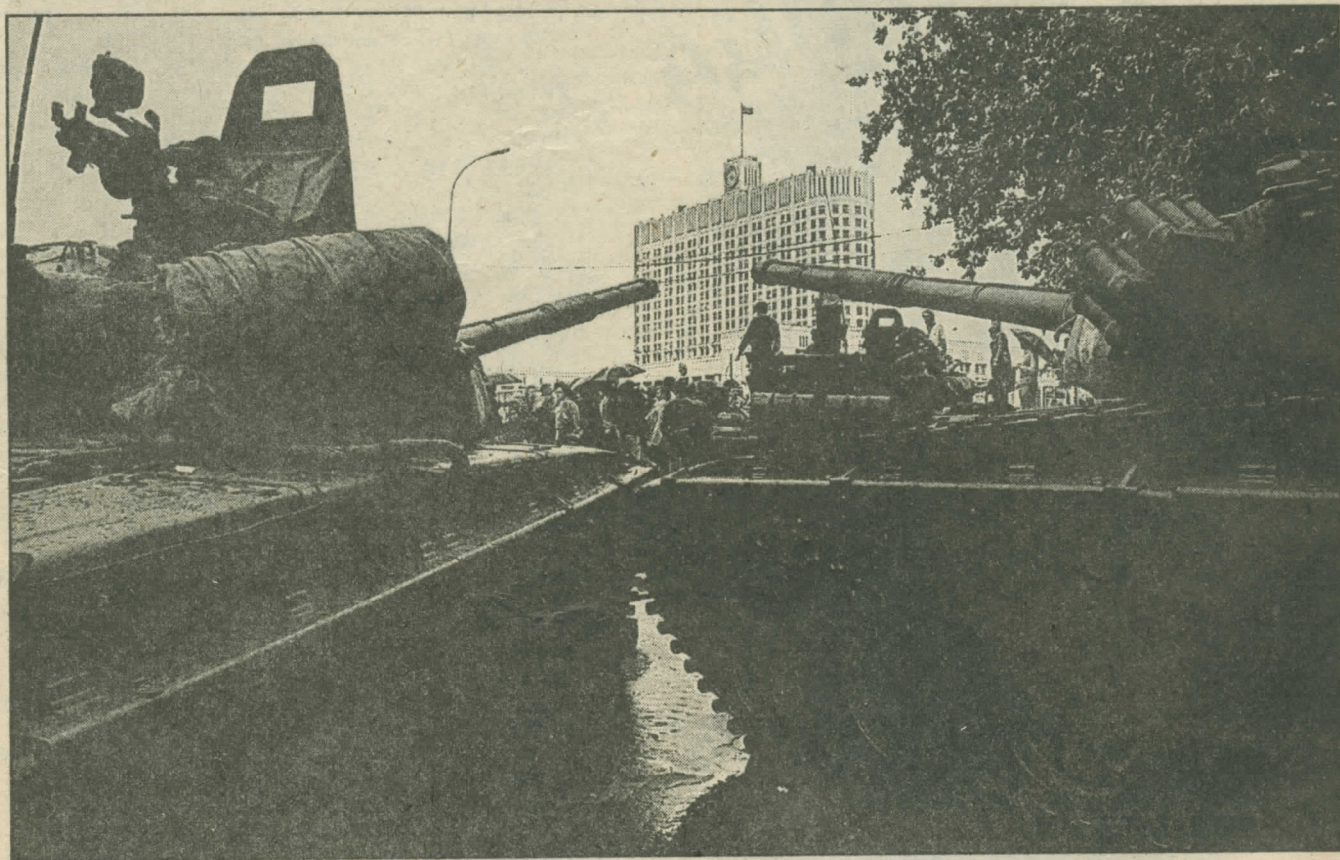
Учредители банка —
промышленные предприятия и
строительные организации и
России, Татарстана, мечети
Москвы и Казани, агрофирма
«Украина».

- кредитование и другие банковские операции
- установление контактов с зарубежными инвесторами
- финансирование паломничества мусульман в Мекку,
христиан в Иерусалим

АДРЕС: Москва, Столешников переулок,
д. 6, строение 2, ☎ 229-11-31

ТРИ ДНЯ, КОТОРЫЕ ПОТРЕЯСЛИ МИР

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО,
публицист, председатель
Крестьянской партии
России:

**«НАДО
РАСЧИСТИТЬ
ГНОЙНИК»**

Если бы не абсолютное мужество Ельцина, Хасбулатова, Силаева, которые прямо назвали попытку переворота 19—21 августа государственным преступлением, влекущим за собой, фигурально говоря, тюрьму и виселицу, то мы бы с вами здесь не сидели. Такое четкое заявление о характере этого переворота, о том, что за ним последует, было необходимо. В результате этих решительных действий две лейб-гвардейские дивизии стали думать иначе, а многотысячные толпы москвичей встали на защиту Вер-

ховного Совета России. Мне удалось побывать более чем в двадцати столицах мира. Скажу откровенно, такого необычного города, в котором мужчины, женщины и дети несколько ночей подряд заслоняли бы собой свободу, надо еще поискать.

Главная задача сейчас — наказать преступников. Надо расчистить гнойник, выкачать гной, который может отравить организм. Определенно заявить, что Кравченко не просто «не справился» с очередной работой. Нет, он — государственный преступник. Необходимо рас-

следовать и поведение в этой предательской тишине Лукьянова — «давнего друга» президента. Нужна как минимум мощная комиссия депутатов, которая обладала бы большими правами: лишать полномочий депутатов, запятнавших себя участием в мятеже, привлекать к ответственности тех, кто поддержал путчистов, — будь то маршал или репортер, который лгал в газетном материале. И делать это немедленно. Не позволять Лукьянову перенести на более поздние сроки Чрезвычайный съезд народных депутатов СССР. Такая задержка будет предательством для демократии. Определить, кто есть кто, требовать выяснения всех обстоятельств, наказания всех виновников, где бы они ни находились — в Краснодаре или в ЦК КПСС. Если же этот путч, эту попытку опять загнать нас в ГУЛАГ мы оставим «без последствий», то, как сказала Елена Боннэр, мы заслужим того, чтобы нас назвали быдлом.

Следует позаботиться, чтобы не получили распространения те мелодии, которые прозвучали в выступлении на сессии Верховного Совета России помощника президента СССР Г. Шахназарова. Из его слов можно было заключить, что он не против чрезвычайного положения как такового, а всего лишь против методов, какими оно осуществлялось. Речь идет о попытке свести все к разговору о средствах и смириться с неизбежностью чрезвычайного положения.

Нам, людям, едва выползшим из-под пресса абсолютной диктатуры ЦК КПСС, предстоит еще определить тот странный синдром, когда хунта — впервые за всю советскую историю — решила не вплетать в свой лексикон такие слова, как «коммунизм», «социализм», etc. Мы должны знать, зачем это делается. Вопреки ли КПСС? Но тогда почему эта партия не выступила ни с единым словом негодования, опровержения? Или же это тонкий расчет, политическая игра?

Мы должны знать все это не только ради собственного спокойствия, но и ради будущего житья наших детей и внуков. Что скрывалось за бандитами, которые, как сказал А.Н. Яковлев, интеллектуально ничего из себя не представляют?

Да, общественное расследование в средствах массовой информации необходимо. Но должен еще сказать свое веское слово — Закон.

**Андрей ЛУКЬЯНОВ,
бригадир ансамбля
песни и пляски «ОКНО»**

ВСЕ ПОЗАДИ

На 20 августа в Киноцентре на Красной Пресне намечалось празднование первой годовщины журнала «Столица», куда и я был приглашен.

19-го из журнала позвонили и сказали, что «по этическим соображениям» юбилей будет отменен. Я возмутился. Я считал иначе. Мне казалось, что открыто проведенный праздник одного из самых демократических изданий явится актом открытого неприятия и непризнания этого «ЧККГБ». Так я думал 19-го, не зная, что уже есть баррикады, нуждающиеся в мужиках.

Сейчас уже все позади. Сейчас — это вечером 22-го, когда я пишу. И ловлю себя на мысли, что за эти дни все мы, словно статистики, научились думать цифрами и числами, ибо никогда ранее, по крайней мере я, не ощущали, что день состоит из конкретных часов и минут, каждая из которых может оказаться последней.

Сейчас все позади. Позади первый испуг моего четырехлетнего сынишки от впервые увиденного танка. Нам с женой не с кем было его оставить и пришлось взять с собой. Это было днем 20-го. Еще не было жертв, еще казалось, что их и не будет. Когда малыш увидел настоящий танк, он, неожиданно для меня, заплакал... и заплакал я — здоровый 33-летний бугай и, стыдливо отвернувшись от жены, вытер глаза. Все эти дни моя семья была рядом со мной на баррикадах, а может быть, это я был с ней.

Мы защищали Родину, территорию которой сузилась в те дни до маленького пятачка на набережной у «Белого дома». Мы защищали Россию, которая стала состоять из конкретных людей — моего мужественного Российского правительства, которым я впервые в жизни горжусь.

Я горжусь теми людьми, москвичами, которые были рядом. Я встаю на колени перед той хрупкой женщиной, крикнувшей нам: «Окружайте танки!» — и первой кинувшейся им навстречу. Тогда мы не знали, что это наши танки — Российские. Москвичи, я хочу признаться Вам в любви. Я горжусь, что родился в одном городе с Вами.

Сейчас все позади. Я знаю, что жив мой друг, тележурналист Максим Иванников, телефон которого молчал все эти дни. Макс, ну откуда я мог знать, что ты находился совсем рядом, в «Белом доме», и с трудом дозвонился до мамы и на всякий случай попрощался с ней.

Сейчас все позади. И я плачу вместе со всеми по людям, отдавшим жизнь, защищая всех нас, мою жену, сынишку, меня. Спасибо Вам, их мамы и папы, их жены и дети. Вечная им Слава!!! Вечная им Память!!!

Я хочу поблагодарить этот «КГБЧК», и не только потому, что уверен в резких, ощутимых демократических переменах, но и потому, что ситуация эта проявила всех нас, раскрыла нас. Я знаю сегодня, что чего стоит. Я знаю, чего стоит Горбачев, интерес к которому лично у меня пропал года два назад, а уважение — сегодня.

Я знаю, что я сам не дерьмо. Я проверил себя. Это мое важнейшее открытие.

Андрей Мальгин

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО

В Советском Союзе глохо обстоит дело с охраной окружающей среды. Поэтому у нас, советских, неважно со здоровьем. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить события трех дней августовского московского переворота.

Судите сами. Сначала скоропостижно заболевает президент Горбачев. Как стало известно, от

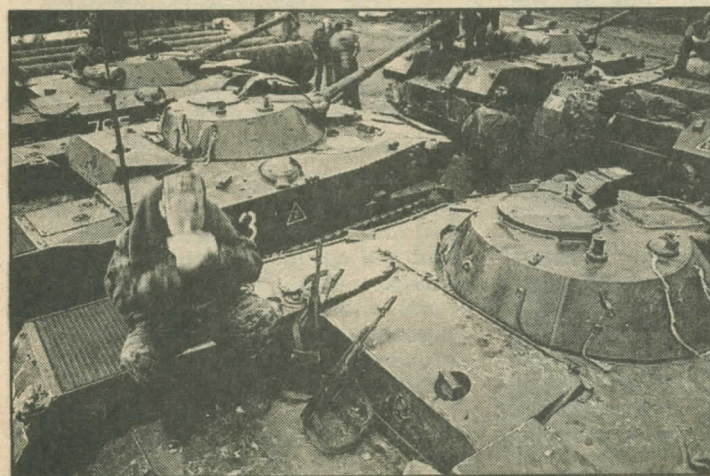
А.Н.Яковлева, накануне президент пожаловался ему в телефонном разговоре на радикулит. А наутро его так скрутило, что пришлось вице-президенту Янаеву принимать дела. Как более здоровому, по всей видимости. Но вот незадача: вечером того же дня, в понедельник, Янаев на пресс-конференции предстал перед журналистами совершенно больным. Его мучил насморк, и он непрерывно оперировал сразу двумя носовыми платками: одним вытирал пот со лба, другим пытался сдержать течение из носа. У него явно была высокая температура, что заставило корреспондента итальянской газеты «Стампа» участливо осведомиться, а как у самого Янаева дела со здоровьем. Ничего, спасибо, ответил вице-президент, возложивший на себя обязанности, видимо, еще более больного президента.

Наутро плохо себя почувствовал еще один из заговорщиков — премьер Павлов. К вечеру с ним случился гипертонический криз. Здоровье его, по всей видимости, ухудшилось настолько, что, как и в случае с Горбачевым, он не сумел даже удержать в руках перо, чтобы написать заявление об отставке. Не дожидаясь заявления, его место занял заместитель — Догужиев. Любопытно, что в среду вечером, когда с путчем было покончено, перед журналистами на пресс-конференции предстал в качестве главы правительства совсем другой зам Павлова — Щербаков. Что ж, видимо, и Догужиев слег.

Но и это еще не все. В самый разгар событий, во вторник, агентство

Рейтер распространило информацию, что серьезно заболел министр обороны маршал Язов. Вместо него, сообщило агентство, командование войсками принял генерал армии Моисеев. Тут все вспомнили, что да, странно, что ключевая фигура в заговоре так и не появилась на людях. Министерство обороны вскоре опровергло сообщение западных клеветников, но вот живого и здорового Язова оно нам так и не предъявило.

В среду вечером новый сюрприз: объявился министр иностранных дел Бессмертных, которого третий день с огнем искали как правые, так и левые силы, а больше всех выражал беспокойство почему-то его коллега Геншер. Когда все в Москве улеглось, Бессмертных всплыл из

небытия и провел пресс-конференцию, на которую пришло на удивление мало журналистов. Один из них, впрочем, не преминул поинтересоваться: а где же вы, господин хороший, были все это время? «Приболел, — потупив взор, произнес кроткий министр, — вот и доктор мой сидит, может подтвердить». И неопределенно махнул рукой куда-то в сторону кулис.

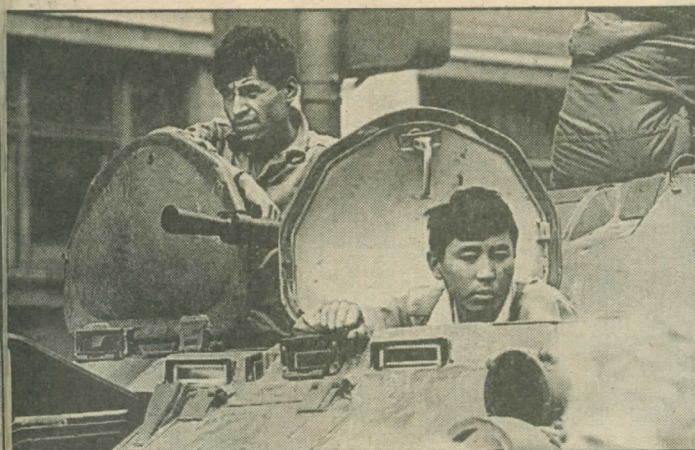
А если вспомнить, что наш предыдущий премьер Рыжков был не далее как прошлой зимой смещен после того, как пережил инфаркт, поневоле задумаешься: что за мор такой нашел на наших руководителей? А ведь никто из них не живет в отравленном газами городе: круглогодично на дачах, за городом. Продукты едят специально выращенные. Даже икру потребляют не советскую, содержащую канцерогены, а привезенную иранскую. Что же со здоровьем-то такие проблемы?

Или вот возьмем того же Горбачева. Досталась ему по наследству от прежних владельцев дача в Крыму — в Ореанде (точнее, от царя еще досталась). Но вот выяснилось, что соседняя Ялта стала сильно загрязнять море, из-за чего этот приморский город Всемирная Организация Здравоохранения исключила из числа курортов. Пришлось затратить многие миллионы рублей, чтобы отгрохать для президента новую дачу — в злополучном Форосе (он теперь, наверное, во все энциклопедии мира войдет). А раз дача, значит, и строения для прислуги, для охраны, для помощников, для гостей, специальный аэродром, специальная бухта и даже специальная

телебашня (всю эту историю на страницах «Столицы» обнародовал Ю.Черниченко). И все ради экологии. Вот как о своем здоровье беспокоится Михаил Сергеевич!

Кстати, недавно в США вышла книга Гейл Шихи «Горбачев». Так вот в ней я с изумлением прочел, что наш президент, оказывается, принимает ежедневно радиоактивные ванны и потому неизменно свеж и бодр. Так вот почему, оказывается, он не сразу прореагировал на сообщение о Чернобыльской аварии: думал, наверное, что это на пользу здоровью населения пойдет. Но это я так, к слову.

А вообще-то у нас что ни делается, все к лучшему. Теперь у нас

Горбачев чуть ли не национальный герой. Вырвался из лап бандитов. Вырвался из плена, как граф Монте-Кристо (или Пьер Безухов). В результате повысил себе рейтинг, который в последнее время упал ниже некуда.

Вспоминается разговор месячной давности с тогдашним послом США Джеком Мэтлоком. «Вот странно, — сказал я ему за обедом, — зачем это Горбачев форсирует подписание Союзного договора между республиками? Он же должен понимать, что после подписания договора возникнет необходимость прямых президентских выборов. А выборы эти Горбачев непременно проиграет, так как поддержкой населения не пользуется». «Почему же проиграет?» — обиделся за Горбачева Мэтлок и стал приводить примеры, когда президентами США становились люди, пользовавшиеся за несколько месяцев до выборов поддержкой не более двадцати—тридцати процентов населения (среди них, помнится, был назван президент Трумэн). «Могут произойти события, — сказал посол Соединенных Штатов, — после которых рейтинг Горбачева может резко возрасти».

Я с сомнением покачал головой. А сейчас думаю: нет, все-таки г-н Мэтлок оказался дальновидным экспертом. Доведись Горбачеву участвовать в выборах президента СССР в день своего освобождения, он, пожалуй что, эти выборы мог выиграть.

Впрочем, если бы ему позволили выставить свою кандидатуру на выборах президента США, он бы и эти выборы выиграл. Причем с еще более впечатляющим результатом.

Если, оговорюсь я, здоровье не подведет.

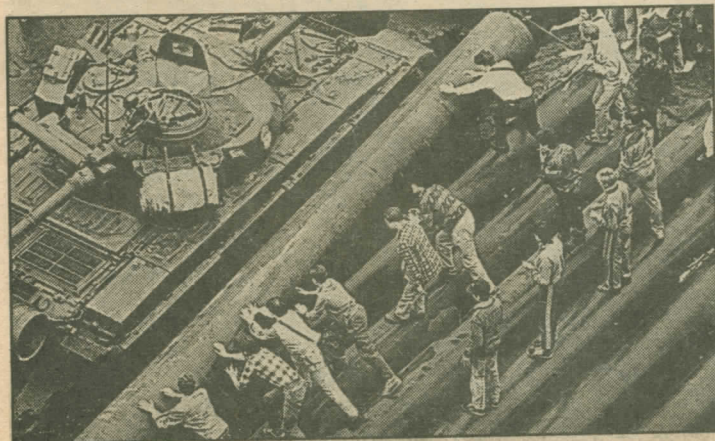
Григорий КРОШИН,
парламентский обозреватель
«Столицы»

НА НЕМ БЫЛИ ИМПОРТНЫЕ ТУФЛИ...

(подробности акции
освобождения Горбачева)

Сейчас, с течением дней, в этом странном деле становится важным все. Все приобретает значимость. До мельчайших подробностей. До деталей быта, до прически и выражения глаз действующих и даже, на непросвещенный взгляд, вполне бездействующих лиц этого уникального спектакля (в том смысле, в каком Шекспир считал нашу жизнь театром), этого фарса с трагическим исходом...

И вроде все уже известно о том, что происходило в стране в эти жуткие августовские дни с 19-го по 22-е. Ну, кажется, уже все непосредственные участники столь необычной для советского человека детективной операции под кодовым названием «Вызволение президента» высказались и устно, и письменно. Но теперь, оказывается, важно уже не столько, **ЧТО** там было, сколько **КАК**. Как, какой походкой шел поверженный, еще несколько минут назад такой грозный шеф КГБ Крючков? Как в первые минуты вел себя избалованный в предательстве, бывший еще недавно та-

ким всемогущим маршал Язов? Как держал себя (или вовсе не держал) наш законно избранный президент Горбачев? Как он был одет? Как выглядела первая леди страны в той иррациональной для нее ситуации? И так далее. От этих деталей — кто знает, — может быть, будет зависеть в самом ближайшем будущем установление истины в этом до сих пор еще довольно мутном факте переворота.

По всему по этому, несмотря на, казалось бы, имеющуюся у нас картину самого процесса освобождения Горбачева из лап путчистов, я решил поделиться с читателем теми подробностями, которые мне удалось «выудить» у одного из участников проведенной акции, народного депутата РСФСР **Владимира ЛЫСЕНКО**.

— В каком состоянии вы нашли узника по прибытии в Форос?

— В общем-то в нормальном состоянии. Он к этому времени уже, видимо, был хорошо подготовлен. Дело в том, что путчисты, а также Ивашко и Лукьянов вылетели в Крым примерно в 14 часов, а в 16 они приземлились на местном аэродроме Бельбек, что рядом с дачей Горбачева. К этому времени связь у президента была уже вновь налажена, он уже многое знал о происходящем, имел возможность пообщаться с внешним миром, в том числе и с заграницей. Принять прибывших заговорщиков он наотрез отказался. Они сидели в комнате для гостей. Горбачев через некоторое время получил по своей связи сообщение, что к нему направляется российский самолет с Силаевым, Руцким и депутатами на борту. Когда мы сели в том же аэропорту Бельбек, нас встретил... первый секретарь Крымского обкома

КПСС. В соответствии со старой «доброй» традицией... Он тут же проводил нас к Горбачеву. Нам попросили располагаться и немного подождать в комнатах для гостей. Я ходил по этим комнатам, там было множество дверей, я открыл одну из них и вдруг увидел... Крючкова, Ивашко, Лукьянова, Тизякова, Бакланова. Мне стало как-то не по себе от такого нелепого зрелища, и я быстро закрыл дверь...

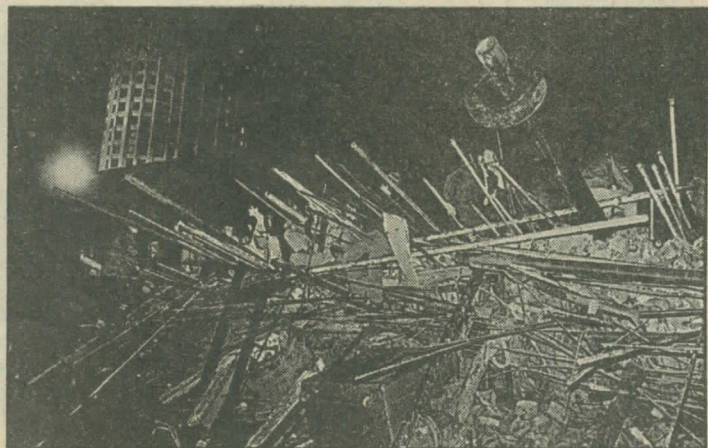
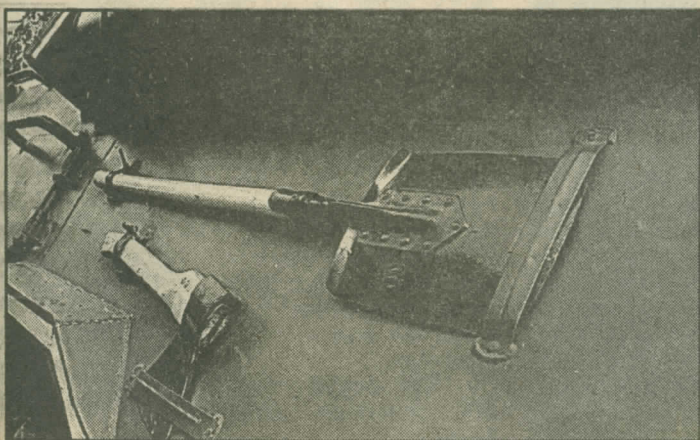
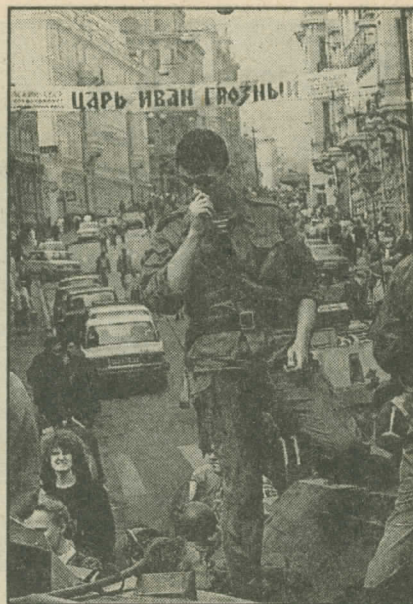
Я успел заметить, что, однако, Язова там почему-то не было. Мне потом сказали, что он ушел в комнату к генералу, который командовал охраной Горбачева. По-видимому, Язов решил от остальной компании как-то отмежеваться. Кстати, механик, который встречал их самолет в аэропорту, сказал мне, что из самолета первым вышел Бакланов, а последним Язов. Выглядел он, по его словам, как размазня, если говорить по-русски. Он, наверное, был уже в очень плохом состоянии, его чуть «кондрашка» нехватила...

— Итак, как вас встретил президент?

— Держался он, я считаю, нормально. Беседа с нами длилась почти два часа, он часто улыбался, шутил даже. То есть вел себя в привычной своей манере. Не производил совершенно впечатление раздавленного обстоятельствами человека. Выглядел хотя и усталым, но не подавленным и не испуганным. Одет он был в свитер, пижамные брюки, на нем были импортные туфли, если вам это интересно.

— Он, как вы думаете, ожидал именно такого исхода?

— Не знаю... Во всяком случае, он не ждал такого скорого освобождения. Они с семьей уже, видимо, настраивались на самое худшее: с Раисой Максимовной случился

ехал и Крючков... Все остальные преступники, видимо, ехали за нами в другой машине.

— **Охрана осталась верна Горбачеву?**

— Да, абсолютно. И Горбачев очень много раз подчеркивал это. Он сказал, что этих людей надо обязательно наградить. Они заверили его, что будут верными ему до конца, будут защищать президента, если даже придется положить всю дивизию. Он неоднократно повторил, что охрана была его последней надеждой.

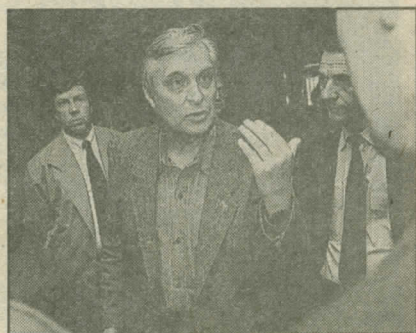
— **Как вы возвращались в Москву?**

— Я летел в российском самолете. Там три салона: один — правительственный, где находилась семья Горбачева. Силаев отдал ему этот свой салон, он как бы несколько изолирован от двух других салонов, а в тех летели мы с Силаевым и Руцким. По прилету Силаев вышел через задний люк (а передний был пока закрыт), чтобы выяснить, какая ситуация на аэродроме. Я шел через этот люк последним и мог наблюдать, как в салоне подошел к Крючкову один человек в штатском из охраны Горбачева и еще двое в военной форме — из команды Руцкого и объявили: «Вы арестованы, просьба следовать за нами». Крючков безвольно встал с кресла и, совершенно не сопротивляясь, покорно пошел за ними. По словам многих, Крючков был одним из самых умных из всей бравой восьмерки.

— **А Язов?**

— Язов вышел из Ил-62, который приземлился через 10 минут после нас. Он шел первым, держался прямо, как генерал, а за ним — вся команда Руцкого с автоматами наперевес. Внешне в этот момент он держался наиболее достойно. Команда Руцкого, мне кажется, готова была наброситься на Язова в любой момент и растерзать его. Такое было впечатление. Но он спокойно дошел до здания аэропорта, а там какие-то люди в штатском, видимо, горбачевская охрана, оттеснив ребят Руцкого, завели Язова в какую-то комнату вместе с его заместителем (не помню его фамилию), и с ними еще пошел наш, российский, министр внутренних дел Баранников, и они там еще в течение часа что-то выясняли.

— **Как формировалась российская делегация для поездки в Крым?**

удар... Смотреть на нее было очень тяжело.

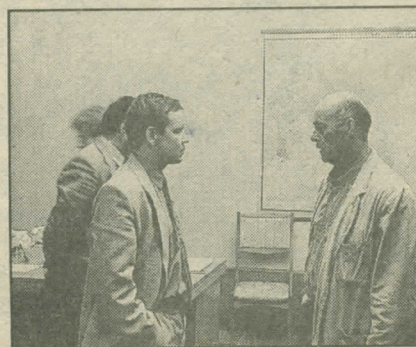
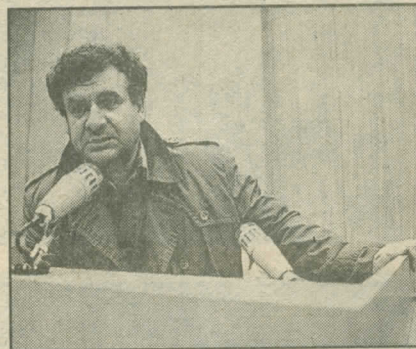
— **Когда это случилось с ней?**

— Когда им стало известно из сообщения какой-то западной радиостанции, что Лукьянов сказал кому-то, что Горбачев настолько плох, что в этом состоянии его даже нельзя показать по телевизору. Она тут же представила себе, что теперь от них можно ждать самого страшного, что они постараются сделать все для того, чтобы и в самом деле довести его до такого «состояния», подогнать задним числом действительность под сказанное Лукьяновым...

...Мы стояли в комнате, где он с нами беседовал, как вдруг по лестнице к нам стала спускаться Раиса Максимовна. Ее трудно было узнать. Она шла очень медленно, была еще очень слаба. Она подошла к каждому из нас, со всеми поздоровалась за руку, поблагодарила за помощь, а с Примаковым расцеловалась.

— **Как вел себя Крючков?**

— А Крючкова близко я увидел уже тогда, когда была отдана команда «по машинам». Тут для меня была неожиданность: там стояло несколько черных машин, и я думал, что все их займет команда Горбачева, семья его, охрана, но... Вижу, что к одной из этих черных машин идет... Крючков! Причем кто-то из охранников, смотрю, любезно так провожает его к машине, и он садится в нее один, без какой-либо еще охраны. То есть в той же свите, в которой ехала команда Горбачева,

— Она формировалась Рудким. Он применил, надо сказать, этакий традиционный пролетарско-крестьянский принцип: составил список, в котором должны быть представлены все категории — кто-то от рабочих, кто-то от автономий... и так далее. Меня вообще не хотели включать туда... Я слышал, что сначала вроде и Яковлев хотел поехать...

— И Шеварднадзе?

— Нет, мне сказали, что Шеварднадзе отказался, мотивируя тем, что в его поездке, как он считал, нет необходимости. По-видимому, у него сейчас какие-то сложные взаимоотношения с Михаилом Сергеевичем. Примаков с Бакациным позвонили, выразили желание поехать, академик Шаталин позвонил, начал давать советы, как там нам надо поступать, но сам решил не ехать... Любимов тоже где-то потерялся... И в конечном итоге оказалось, что депутатов осталось всего четыре человека. Яковлев в последний момент, по моему, опоздал. Самолет уже начал заводиться, а тут Примаков с Бакациным бегут, их удалось забрать. А Сергей Адамович Ковалев опоздал, и его уже не пустили в самолет.

— Как Горбачева встретили в Москве?

— Ну... Его встретили аплодисментами, уж не знаю, искренними или нет... Но, во всяком случае, каких-то расшаркиваний с его стороны по отношению к встречающим я не заметил. Все свои слова благодарности он сказал в основном в адрес России, в адрес москвичей, в адрес народа. По моим наблюдениям, он был счастлив. Такая деталь: когда Примаков тащил его к машине, чтобы скорее уехать с аэродрома, он ему несколько раз повторил: «Подожди, я хочу еще подышать свободным воздухом Москвы». То есть он вдруг совершенно четко почувствовал, что весь кошмар для него кончился. Что раз он на этой земле, в окружении людей, которые его уже будут охранять, он в полной безопасности. Он сказал тут же, что полк КГБ, который находится в Кремле, своим приказом вывел из подчинения органам и что полк этот будет теперь находиться в непосредственном подчинении президента СССР.

Вот и вся эпопея...

**Владимир КОЗЛОВСКИЙ,
нью-йоркский корреспондент
«Нового русского слова» и
русской редакции Би-би-си**

НОЧЬ НА УЛИЦЕ ЧАЙКОВСКОГО

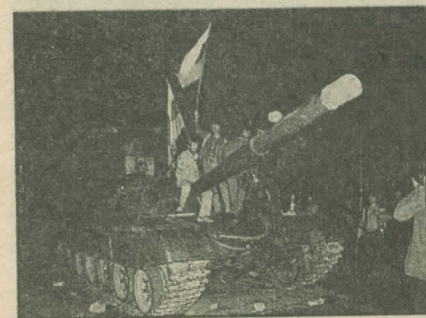
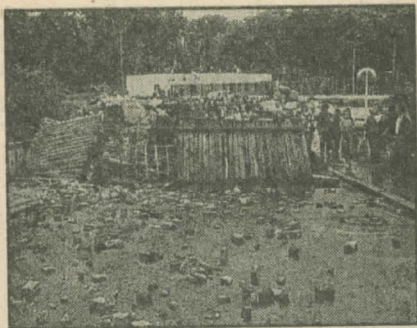
Примерно в полночь в телефонной трубке раздались хлопки. «Это что — выстрелы?» — спросил заведующий корпунктом ЮПИ Джерри Нэдлер, чья контора находится на Кутузовском напротив «Украины». Я сказал, что съезжу посмотрю и перезвоню ему.

Пять долларов оказались сильнее комендантского часа, и один из уватистых господ, гнездящихся на подступах к гостинице «Россия», довез вашего покорного слугу к 4-му таксопарку, у которого в те дни стояли под пустячной охраной грузовики с боезапасом примкнувших к Ельцину таманцев. Со стороны Садовой над крышами домов действительно летели в небо трассирующие очереди. Занималось зарево пожара. Я вздохнул и побежал в ту сторону.

На протяжении всей ночи у меня работал магнитофон, поэтому все цитаты в нижеследующем — подлинные.

Москва, «Белый дом» России, на рассвете 22 августа 1991 года

«Я туда пройду, где стреляют?» — спросил я на полдороге бегущего навстречу мужчине. «Да, пройдете, — сказал он. — Там уже танки горят». «Танки горят?» — «Один». — «А как можно поджечь танк?» — «Бензином». «Когда кинешь в мотор бензиновую бомбу, он вспыхнет», — объяснил подошедший к нам молодой человек. На углу Проточного и ул. Чайковского двое подростков поставили на тротуар бутылку с бензином, заткнутую чем-то белым. Впереди же разворачивалась волшебно и жуткая картина.

Мне показалось, что из перегоревших улиц Чайковского троллейбусов (в основном № 10 и «Б») горят штук пять, то есть около половины, хотя на следующий день оказалось, что полыхали всего два. Горел и прижавшийся одним углом к борту тоннеля бронетранспортер, то есть БМП-2. Танки бы, говорят, прошли через троллейбусы, даже их не заметив, но БМП застряли в них. К тому же по крайней мере один из них был парализован железным штырем, просунутым ему в гусеницу. Мне не понравились услышанные в толпе разговоры о том, что в полыхающей машине может взорваться боекомплект.

Какие-то ребята бросили черный шланг на балкон второго этажа над дверью сбербанка, хозяйка надела его на кран в квартире, и они поливали БМП водой. Сбоку, у троллейбуса с рекламой американского детектива «Удар в спину» (там было написано «Производство США», но на следующий день «США» зачеркнули и написали «СССР»). Потом над «СССР» появилось «КПСС»), стояли на отшибе две скорых помощи. Через открытую дверь правой машины японцы снимали телекамерой труп, у которого было снесено полголовы. Было без пяти минут час.

До этого у меня на пленке стоит чудовищный ор и свист (увидев, как гибнут люди, толпа совершенно осатанела, а некоторые были и не совсем трезвы), но у скорой помощи было удивительно тихо. На асфальте, опершись спиной о вторую машину, сидел мужчина с окровавленными руками и перебирал документы погибшего. «Усов, Владимир Иванович», — сказал он, видимо, не рассмотрев в темноте (надо было «Александрович»).

«Ну, если вы его сами-то не знаете, — запротестовал врач скорой, — так вы же не имеете права отбирать от него все документы!» «А вот

на это мне наплевать», — спокойно сказал мужчина. «Так его же сдавать же, мы должны же знать, хотя бы под какой фамилией!» — зашумел врач. «Вот я тебе и предлагаю вложить вот этот листок к нему в рубашку», — пожал плечами мужчина.

«Андрей! — крикнул кому-то врач. — Один документы забрал, вон товарищ, и не отдает!» «И не буду отдавать!» — сказал мужчина. — Я его доставал. Его задавило танком, когда он доставал другого. Танк вот этот, ну, бээмпэшка эта, 536-я, вертелась и таскала сзади за собой человека, вывалившегося из люка. Он знал об этом. Он еще раз ткнулся в троллейбусы. Мы подошли его доставать, и он сдал назад. Он на карачках вылезал и не успел...»

Во второй скорой сидел окровавленный мужчина в расстегнутой на груди рубашке и держал раскрытые ладони вверх, как хирург при надевании резиновых перчаток. На груди у него было несколько глубоких порезов и круглая кровавая дырка, похожая на входное пулевое отверстие. «У него пулевые ранения, господин врач?» — спросил я. «Да, одно пулевое», — сказал медик. «А как вас зовут?» — спросил я у пострадавшего, который был парализован бодр, несмотря на ранения. «Эстров Геннадий Арсеньевич, — сказал он. — 51 год».

«Открыли заднюю дверь БТРа и стреляли в меня, — объяснил Эстров. — Ну, не только в меня, вы не поймите неправильно: во всех стре-

ляли. Вот мне в грудь попали, вот мое ранение». Рядом сидел в машине его знакомец, назвавшийся Алексеем. Он был в крови, хотя и без царапины, и сообщил, что они с раненым уже успели «поддаться». «То есть уже после стрельбы?» — удивился я. «Да», — ухмыльнулся Алексей. Я заметил, что это нетрадиционный медицинский метод.

В этот момент в горящем троллейбусе снова что-то громко взорвалось, хотя было неясно, что в них может рваться. За троллейбусом стояла, завалившись чуть набок в обломки какого-то забора, другая БМП, по которой ходил уже совершенно обалдевший солдатик в танковом шлеме и кричал в мегафон: « Попрошу всех отойти от машины! Я не нервный, я нормальный! Не подходите к машинам ближе пяти метров! Отойдите от БМП! Я прошу вас, чтобы не было больше жертв! Не надо накалять обстановку! Солдаты тут ни при чем!»

БМП окружала кричащая толпа очень злых молодых людей. По броне ходил другой солдат с непокрытой головой, подбитым глазом и автоматом. Неподалеку в начало стенки тоннеля уткнулся другой бронетранспортер с белым штырем, торчащим из гусеницы (штырь еще лежал там на следующий день, но потом уже исчез). Ребята с ведром деловито обсуждали, как залить ему воду в воздухозаборник, чтобы он совсем уже вышел из строя.

«Никто не собирался давить!» — кричал в мегафон солдатик в шле-

ме. — А просто вы сами прыгали, понимаете! Это не «Жигули» вам!» «Как ты к матери придешь своей?!» — орала ему в ответ обступившие машину люди. «У них нет связи между собой!» — крикнул в мегафон молодой мужчина, стоявший рядом с солдатиком и представившийся только что демобилизовавшимся офицером. — Им надо просто-напросто связаться между собой. И если сейчас найдется пять-шесть человек, которые на любого солдата кинутся, то будет кровь, вы поймите!.. Я не проповедник, я бывший офицер, но давайте, ребята, отходите от машин: они спокойно уедут, и все!»

«Отойдите от машины, дайте им отдохнуть!» — начал командовать в мегафон с БМП длинноволосый бородач, который, наверное, сорвал себе голос в ту ночь, пытаясь совладать с разъяренной толпой. Он сказал, что его фамилия Аникеев. Он пытался навести подобие порядка на фоне горящих троллейбусов и расплывавшейся в каплях редкого дождя огромной лужи крови в начале тоннеля, медленно текшей в сторону моста, под которым горели огоньки трех БМП. Наверху на тротуаре на расстоянии метров двадцати друг от друга лежали два сгустка мозгов, выпавшие, очевидно, когда милиционеры несли двух убитых к себе в машину, чтобы отвезти в больницу (они сказали мне, что увезли также одного тяжелораненого). Рядом со сгустком побольше лежал смятый стаканчик из «Макдоналдса».

Горящую БМП скоро потушили. Пожарные, быстро потом исчезнувшие, залили водой горящие троллейбусы, среди которых запутались и оказались в плену пять боевых машин.

«Надо выпустить все машины!» — распорядился кто-то из активистов в мегафон. — На каждой машине находится по представителю президента РСФСР!» «Это же вещественные доказательства!» — крикнула ему пожилая женщина. — Ты что! Судить надо, судить их!» «Выпускать их, выпускать, ребята!» — возразил кто-то ей. «Они уходят, чтобы они нам не мозолили глаза!» — ловко объяснил активист. — Организуйте проход!» Толпе понравился этот довод, тем более, что боевая техника должна была ретироваться под мост, откуда выхода в другую сторону не было.

Церемония официальной сдачи

происходила следующим образом. Из троллейбусов под оглушительные крики окружившей тоннель толпы лениво выползла задом одна БМП. «По крови там не топчитесь!» — кричали в мегафон, а активисты между тем сцепились за руки и образовали в тоннеле проход для отходящей техники. В луже крови лежали два больших камня и круглый дорожный указатель голубого цвета со стрелкой в середине. Впереди БМП покорно шел подполковник с грязной палкой, к которой был привязан носовой платок. Толпа требовала белого флага и вот получила его. Через несколько минут кто-то притащил белую тряпку, и подполковник привязал ее к палке вместо платка.

«Мужики, наша взяла!» — взорвалась толпа. «А! И против танков есть управа, даже без пуль и без гранат!» — кричали рядом со мной. «Давай, давай, пошел на металлолом, сука!» — хрипел один малый на проползающую мимо БМП. Ушла она, впрочем, недалеко, метров на пятьдесят, после чего Аникеев вдруг командовал: «Глуши мотор! Никуда больше не пойдешь!» «Пускай как памятник стоит!» — раздалось в мегафон.

Большинство окружившего тоннель народа, а набежало туда уже несколько тысяч человек (хотя, надо сказать, в окрестных домах окна по большей части так и не зажглись), приветствовало такой поворот событий. Но не все. «Сожгут его здесь! Сожгут! — слышится у меня голос на пленке. — Пускай уйдет отсюда под мост!» «Но он штурмовал! Убивал! — возражали ему. — Значит, он должен оставить оружие здесь! Капитулировать!» «Надо разоружить его! — кричал другой. — Разоружить, и пускай уходит! Раз он поднял белый флаг, он должен оставить оружие здесь!»

Эта эскалация требований привела к тому, что дело застряло на мертвой точке, с которой события не были сдвинуты и приходом генерал-лейтенанта Смирнова, державшегося весьма спокойно, несмотря на то, что его окружали очень возбужденные люди. Он пришел в сопровождении депутатов, имена которых я не смог узнать в этом оре и толчее. Все это время капитулировавшая БМП стояла поперек проезжей части с белым флагом, торчащим у нее из зада. Рядом с древком флага висела пластиковая бирка с выцарапанными словами: «Топливо

ДЗ. Заправлен 5.05.91. Заправщик» — и неразборчивая закорючка. «А это толку чуть! — отмахнулся бывалый парнишка с БМП. — Его сто лет не меняли! Это делается перед строевыми смотрами, не раньше...»

Из толпы уже кричали: «Сдирайте погону!» Но генерала Смирнова окружали активисты, один из которых просил его убрать своих солдат, бросив машины в тоннеле: «Мы охраняем людей, вы заберите своих людей и оставьте железо в покое! Вы же можете дать своим солдатам распоряжение, чтобы они оставили технику! Ребята, давайте мы вызовем сварщиков, они заварят люки, чтобы никто ваше вооружение не взял!»

«Будет разбираться суд, а не вы!» — кричал в мегафон один из депутатов, которые привели генерала. — Мы живем в правовом государстве. Или, по крайней мере, стремимся...» «Вы отдайте им боевую технику!» — шумели в ответ из толпы, которую удалось отчасти утихомирить двум священникам — протоиерею Георгию Докунину и иерею Ростиславу Синкевичу.

Юрий ГАЛЬПЕРИН,
писатель (Швейцария)

«НАД ВСЕЙ РОССИЕЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО»

В Советском Союзе государственственный переворот. Объявлено чрезвычайное положение. Много раз это случалось в разных местах земного шара. Теперь случилось у нас дома. И я не знаю, что делать. Что вообще должны делать люди в таких случаях?

Если бы я был в Ленинграде, я бы нашел, что предпринять. Но до дома тысячи километров. Не дослушав последние известия, я шагнул к телефону. Сыну сначала, потом другу, потом брату, но в Ленинград дозвониться не удалось. После безуспешных попыток связаться с родным городом набираю номер в Москве: голос друга бесцветный, серый. «Ты откуда? — говорит он.

— Из Берна?!» Голос расцветает. «Да, я еду в редакцию, — говорит он мне, — прямо сейчас». «Конечно, еду, — говорит он жене, — какой разговор!» «Что на улицах?» — «Тихо, очень мало народу. Мало машин. Все очень странно...» И вдруг добавляет: «Под окнами ползает какая-то техника». Его голос снова блекнет, он стал цвета покрытой пылью брони. «Что будем делать?..» Друг молчит. Он тоже не знает. «Надо ехать в редакцию», — решает он. «Осторожней езжай!» «Ты держи связь, — вдруг кричит он мне снова ярким голосом. — Держи с нами связь...» «Я с вами...» Мне становится легче. Но в трубке раздаются гудки. И опять я остаюсь один. А там, за три тысячи километров отсюда, танки на улицах Москвы.

По радио повторяют сообщение. Меня тошнит. Самозванный комитет ненавистных народу людей свою акцию спасения советской страны начал со лжи, как это обычно водится в таких случаях. Президент Горбачев заболел, он больше не способен управлять государством. Благородные спасители отечества возложили это бремя на свои плечи. Они взывают к чувству долга всех советских людей... Перед кем? В этом надо будет еще разобраться. Но о чувстве долга нам напомнили вовремя. Спасибо.

Они лгут с самого начала. Первые слова — и уже ложь. «Над всей Испанией безоблачное небо», — сообщило мадридское радио 17 июля 1936 года, безобидные эти слова были сигналом для путча франкистов. Вот и мы дожили. На ум приходят слова Э.Хемингуэя: «Фашизм — есть ложь, изрекаемая бандитами». И для нас теперь это не просто *bon mot*.

Звонит телефон. Он звонит не умолкая. Я и не думал, что у меня в Швейцарии столько друзей. Не успеваю отвечать на вопросы. В перерыве между звонками набираю номер одной русской знакомой. Она живет с мужем над Цюрихским озером. «Я не знаю, что надо делать, — всхлипнула она. — Мои родители, они ведь не выносят коммунистов. И это всем известно!» — «А кто их выносит? Не могут же они всех за это!..» — «И младший брат в армии. Если что, он откажется стрелять...» — «А если согласится?» — «Тогда еще хуже».

Коллега, американский журналист, сообщил: «Есть информация: на Москву движется Рязанская ди-

визия». В Рязани (196 км на юго-восток от столицы) — центр подготовки воздушно-десантных войск. Там тон задают офицеры с опытом афганской войны. Прошлой осенью эта дивизия перешла в подчинение КГБ. Парашютисты в октябре репетировали путч, в полном боевом снаряжении собирая картошку вокруг Москвы. Мозги у ребят в элитарных частях основательно промыты и правильно запудрены. А если кто и откажется стрелять, за невыполнение боевого приказа в условиях чрезвычайного положения предусмотрен расстрел на месте. Будет ли приговор приведен в исполнение? Никто не знает, у нас нет опыта, мы еще не испробовали прелести чрезвычайного положения.

Раздается звонок из редакции, мне предлагают немного поработать. Я накидываю пиджак — на улице жара, но мне холодно — и через три минуты паркую машину возле свежотремонтированной виллы на Юстингервег: советское информационное агентство. Входная дверь не заперта. Все равно звоню и поднимаюсь на первый этаж. В коридоре растерянные женщины. Шеф, Ю.Пушкин, в своем кабинете. Он пожимает мне руку, он помнит мое лицо, мое имя — у него профессиональная память; Он доброжелателен к молодому коллеге, но, к сожалению, информации интересной у него нет. Он отвечает на вопросы неохотно, он дает понять, что знает не больше других. И сам расспрашивает. Ощущение, что он более склонен собирать информацию, чем распространять ее. Он считает, всем надо оставаться на местах. И работать. Не стоит делать опрочечивых выводов, лучше подождать, изучить ситуацию, во всем разобраться.

«Международные отношения сохраняются в прежнем виде, — говорит он. — И это очень важно. И экономические отношения тоже должны остаться прежними». «А туризм?» — «И туризм!» — «У нас на осень запланирована поездка в Ленинград, всей семьей». «Езжайте спокойно, — отвечает он, — все будет нормально». Ю.Пушкин не из тех, кто много говорит, да и ситуация не особенно располагает к откровению. Но он выдавливает из себя: «Сняли президента... Ну и что?» «А войска в столице, а чрезвычайное положение?» — «А сами-то вы к событиям как относитесь? Что, по вашему, надо делать?» — «Чрезвычайное положение — новость. Это

впервые. У меня нет опыта...» Звонит телефон. Ю.Пушкин отвечает на вопросы. «Чрезвычайное положение у нас впервые, — извиняется он перед абонентом. — Поймите, у нас нет опыта...» Он уговаривает швейцарского коллегу не отказываться от запланированной поездки в Союз. Все будет нормально. Оплата за услуги в твердой валюте. Я чувствую, что пора уходить. Мы расстаемся без сожаления. Но он просит показать до публикации, что я там о нем написал. Он настаивает. Ну что же, я ему покажу.

Мой знакомый попросил политического убежища в Швейцарии. Ему отказали за недостатком причин. Он протестовал. Протесты помогают, как мертвому банки. И он ждал, что со дня на день его отправят на родину. Он был готов ко всему. «Поздравляю, — сказал я ему, — теперь уж вас точно не выставят». У него задрожали губы: «Как вы можете! У меня там все. Понимаете, все!» Говорить он не в силах, но я понимаю его и без слов. И думаю: такие врачи, как он, пригодились бы в подполье.

Из Киева прилетела мать моей крестницы. Она рада, что вырвалась с сыном в последний момент. «В Киеве тихо, — говорит она, — необычно тихо. Украинское правительство делает вид, будто его нет. Атмосфера растерянности и одновременно напряжения. Информации ноль. Радио, телевидение? Но Москве давно никто не верит. Люди слушают Би-би-си. Западные радиостанции пока не глушат». В ее голосе неприкрытая радость. Она соскучилась по Швейцарии, рада, что наконец-то дома. «Вывалась? Если все тихо, чего ты испугалась?» «Я не успела испугаться», — говорит она и смеется. И я знаю, что она женщина не из пугливых. С кем она дружит в Киеве, я тоже знаю. И то, что она бывала на краю пропасти, мне не надо объяснять.

После обеда телефонная связь с Москвой в полном порядке. Я дозваниваюсь в редакцию журнала со второго раза. Мы говорим с другом, он перечисляет события, впечатления, называет фамилии. Арестован Уражцев, офицер, депутат российского парламента, один из лидеров «Щита», — боролся в армии за права человека. Он умеет говорить с солдатами. Наверное, поэтому и арестовали. «Улицы выглядят, как в Праге 1968-го. Люди кричат на военных: «Фашисты! Фашисты!» Кидают

в них что попало. Спорят. Женщины бросают в люки танков записки. Солдаты толком не знают, зачем их пригнали в Москву. Офицеры отворачиваются. Им стыдно. Не всем, конечно. Но много симпатичных и растерянных...» «Будут ли они стрелять?..» Никто этого не знает. В том числе и солдаты. «Позвонила Е.Боннэр, — вдруг изменившимся голосом быстро передает друг последнюю новость. — ОМОН готовит атаку на здание Российского парламента. Там Б.Ельцин. Люди побежали на помощь». «Держитесь!» «Зво-ни!..»

Ельцин сегодня единственный легитимный представитель власти, избранный народом президент России. Плохой он или хороший, но люди избрали его демократическим путем. Его правительство — единственное законное правительство теперь. Если бы я был там, я бы знал, что мне делать. Как военнообязанный в условиях чрезвычайного положения я должен встать на защиту законной власти, на защиту права моего народа свободно изъявлять свою волю.

Я всегда сторонился политики, я был уверен и остался в том уверен, что примесь политики в литературе способна замутить чистую интонацию, отравить вкус, политика может и высокую поэзию ополшить, превратить в общее место. Но теперь нам не до игры в бисер. Свобода — это еще и право заниматься чистым искусством. А за свободу проливают кровь, а не чернила.

Я быстро передаю информацию, а потом приходится отвечать на звонки, давать интервью, объяснять нюансы, связывать коллег, организовывать перевод материалов, их доставку. Работа отвлекает. Все делается в темпе, в спасительном темпе, избавляющем от раздумий. Но когда я застаю в автомобильной пробке на мосту Лоррене, в памяти всплывают телевизионные кадры: летние проспекты Москвы, забытые бронетранспортеры, мальчишечьи лица солдат. Среди них мог бы оказаться мой старший сын. И мною овладевает бешенство. Видит Бог, крови я не хочу. Если кровь потребует, тогда пусть эта кровь будет моя...

...Я приезжаю домой, поднимаюсь в мансарду и сажусь за компьютер. Я пишу: «Над всей Россией безоблачное небо...»

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

ВЫ ШЛИ ТОЛПОЮ, ВРОЗЬ И ПАРАМИ...

«Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху, да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный...»

...и вот тут мальчишка-алтарник, рожица блином масленым, мякиш, хитрюга, себе на уме, склонился над ухом и пропел:

— А слышали, Горбача скинули? Ну теперь, слава Богу, будет порядок!

Эх... испортил песню... дурак.

Всю службу меня колотило. А успокоился — только когда батюшка вышел проповедь говорить и, запнувшись, сам для себя нежданно, стал читать Пастернака:

*...Вдруг кто-то вспомнил, что
сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.*

*Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры...*

И — солнце в окна! И в эту минуту — 19-го, в понедельник, в половине десятого утра — я остро, почти до восторга, осознал: что бы там, снаружи, ни произошло и что там дальше ни случится — все это *противоестественно* и, значит, бессмысленно, заранее обречено — рядом и в сравнении с этим, вечным и абсолютным:

«Надеющийся на Господа яко гора Сион не подвижится во век... Горы окрест его, и Господь окрест людей Своих от ныне и до века...»

За несколько дней до смуты я начал писать давно выношенные и дословно проговоренные заметки о нашем национальном характере, озаглавленные категорично: «Порча».

Я смел доказывать, что «былого нельзя воротить», что характер, воспетый Лесковым и Некрасовым, А.К.Толстым и Мельниковым-Печерским, ныне — не более чем миф, пыль, клубящаяся на свету в опустевшей комнате... Я утверждал, что яд «социалистического выбора» в разной концентрации растворен в крови каждого из нас, что потребуются многие десятилетия для возрождения изничтоженного генофонда.

В один из этих предсмутных дней в редакцию «Столицы» пришел священник Николай Артемов — известный деятель Русского Зарубежья, лишь теперь, на сороковом году, увидевший свою Родину... как ни странно это слово звучит применительно к судьбе человека, родившегося и всю жизнь проведшего в Германии. Он пришел поблагодарить нас за публикации в защиту

приходов Свободной Российской Церкви, открытых в последние полтора года на территории СССР.

И в этот день, и в один из следующих мы проговорили много часов — и вдвоем, и в компании о.Виктора Усачева, служащего в Подмоскowie в условиях осажденной крепости; потом — в четверг, 15-го, — была дискуссия в Моссовете, где впервые об отношениях Православной Церкви и коммунистического безбожного режима говорили священники Московской Патриархии и пастырей наших братьев и сестер «иже в рассеянии сущих» — говорили, «со единомыслием исповедуя» невозможность дольше мириться с ложью, противиться Истине: «Жить не по лжи».

Мы решили вновь встретиться в понедельник, в самый Праздник, во второй половине дня, чтобы продолжить работу над интервью для «Столицы»...

Это потом, много времени спустя, переглянемся: «Думали ли мы, какой праздник нам предстоит?!» А пока — звучало вполне буднично: «Встретимся после праздника»...

*...И голосами петушиными
Переключалась даль протяжно.
В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.*

— Это я, отец Николай Артемов. Вы живы?

Мы были живы. Мы не хотели признать себя мертвецами. Это не лозунг — но переживание, почти биологическое.

В каком-то смысле, таким образом, мы оказались материалистами

несоизмеримо большими, нежели те, кто хотел испортить нам праздник.

В тот первый вечер, когда Ельцин обратился к Патриарху Алексию II — а через него ко всем верующим России — «не оставаться в стороне от происходящего», многие клирики и миряне, не дожидаясь ответа Святейшего, пришли к «Белому дому». Во второй день, накануне ожидаемого штурма, десятки ополченцев причастились Святых Тайн. В этот день «Столица» распространила листовку с письмом к москвичам, ко всем россиянам жителя города Мюнхена о Николае Артемова:

«Восстановление законной, не бо-гопротивной власти на нашей земле нужно всему миру, а зависит от нас... Тысячелетняя Русь благословляет этот путь. Братоубийственная рознь осуждена святыми Борисом и Глебом. Ответственность за стра-ну и веру явлена святым князем Александром Невским и преподобным Сергием Радонежским. Обличал Ивана Грозного за опричнину Святитель Московский Филипп. Звал к народному ополчению и стоянию в вере против самозванцев-богоотступников Святитель Гермоген. Обличал Петра I за нечестие идолическое бесстрашный Митрофан, Воронежский Святитель...

Наконец, в ближайшие к нам времена приняли на себя, следуя Христу, Святые Новомученики Российские удар мирового богоборчества. Все они открывают нашему народу свет мужества смиренного, который может воссиять нам, если молитвенно и с покаянием обратимся к заступничеству их — тех, кто обильно оросил землю нашу своею кровью.

Над Россией сбывается воочию слово Христово: «Кто не собирает со Мною, тот расточает». Россия на Кресте. Но Крест — не безысходность, а собрание жизни во Истине, победа над смертью.

Святые Новомученики и Исповедники Российские, молитесь Бога о нас!..»

И в первый и во второй смутный день я многократно пытался узнать из источников официальных и частных: почему молчит Патриарх? Услышим ли мы его слово?

19 августа, после Литургии в Кремле, он уехал на дачу, по словам людей из ближайшего его окружения, приболел, и установить с ним связь не имелось возможности. Никаких заявлений в первые два дня и две

ночи Патриархией сделано не было — но у нас есть сведения, что кто-то из архиереев запретил подчиненным оказывать поддержку Народному Ополчению, а кое-кто — и поспешил выйти навстречу ГКЧП с хлебом-солью...

Была ли изоляция Патриарха умышленной или вынужденной? Трагедия это или фарс?

Убеден: расследование обстоятельств переворота предьявит нам, Народу Божию, ответ и на этот вопрос. Сейчас, 23 августа, бесспорно одно: Алексей II оказался в решающие часы едва ли не в одиночестве — и единолично сделал выбор, пусть с опозданием, но взяв на себя Крест тяжкий, в той же мере как и славный. Вначале — потребовал освобождения Горбачева в интервью радио «Свобода». И еще несколько часов спустя, далеко за полночь, после известия о пролитой крови, — обратившись со словом поддержки к Ельцину и с благословением на защиту законной власти — к народу нашему.

Знаю: весьма велико число тех, кого шокировало благословение Патриархом Ельцина на церемонии инаугурации. Но теперь — очевидно: то, что публика приняла за эффектное действие, было часом Истины и для Российского Президента, и, возможно, для Патриарха.

Граждане России ничего еще не знали о ночном воззвании Алексия II, служа утром в среду, 21-го числа, вместе с отцом Николаем и отцом Виктором, молебен Новомученикам Российским, от безбожников изби-

енным, на краю Красной площади, на расстоянии протянутой руки от брони стоявших там танков. Было страшно, люди плакали. Какая уж там вожака попала мне, что называется, под хвост — но я крикнул: «Ребята! Русские солдаты! Шапки долой!!!» — и трое или четверо мигом стянули со стриженных голов картызы... а один стоял прямо против священников, глядя угрюмо исподлобья, и мука мученская черной волной прокатывалась по лицу — но кепчонки своей, нахлобученной козырьком назад, не снимал... пока ее не сорвал подошедший сзади старлей.

Агитация на площади вдруг затухла, ругань утихла — и все, кто вокруг стоял, словно бы вывалился из времени и пространства, данного нам, чтобы прожить, пережить это молитвословие так, как мы смогли и заслужили.

А еще через час я вел отцов проторенной уже дорожкой между домов на Пресне к «Белому дому», к площади Свободной России. И перед нами, и за нами, и вокруг нас шли и шли, шли люди — и уже не смерти, а жизни навстречу.

Вы шли толпою, врозь и парами...

Это я неожиданно вспомнил — и еще другое:

Прощайте, годы безвременщины!..

И мы так шли, едва ли не «сквозь мелкий, нищенский» пастернаковский ольшаник, по вполне деревенской грязи — насквозь, через толпу, и прямо в дом... и вышли на балкон.

Я ничего не смогу сказать про этот второй молебен. Потому что стояли мы — дерзну вывести на бумаге — перед огромной иконой. Это было море людское — но каждое лицо было словно бы само по себе. И все до последнего — запомнились. Прекрасные, чистые, светлые лица! Цвет нации...

Это не было и не могло бы уже никогда снова быть толпой или стадом — как нас всю нашу жизнь гоняли на демонстрации, стадионы и южные пляжи. Эти лики не закрывали и не омрачали даже зонты, по преимуществу траурные...

И тут, когда отец Николай читал уже последние слова молитвы, над дальним углом площади тучи разошлись, приподнялись — и впервые за все эти дни просияло солнце.

— Смотрите, отец Николай!

«Господи, послы Свет Твой и Истину Твою, та мя настависта и введоста мя в гору святую Твою...»

Он улыбнулся — и я увидел не сорокалетнего, седобородого отца, вернувшегося сегодня наконец в Отчий Дом, но того мальчика, которого плачущая мама во дни Венгерского путча ставила на коленки молиться, чтобы Господь спас и сохранил ведущих Его.

— Ну что же вы удивляетесь? Преображение Господне!

Кирилл РЫБАК

И ЧТО МЫ С ЭТОГО ИМЕЕМ?

«Тогда произошло зрелище умиленное и беспримерное. Глуповцы вдруг воспрянули духом и сами совершили скромный подвиг собственного спасения. Перебивши и перетопивши целую уйму народа, они основательно заключили, что теперь в Глулове крамольного греха не осталось ни на эстолько. Уцелели только благонамеренные. Поэтому всякий смотрел всякому смело в глаза, зная, что его нельзя попрекнуть ни Клементинкой, ни Рандкой, ни Матренкой.»

М.Е.Салтыков-Щедрин
«История одного города»

Россия, наверное, единственная страна, где пророками сплошь и рядом оказываются сатирики,

а, скажем, не философы. Конечно, все знали, что у нас ничего людски не делается. Но чтобы до такой степени? Подними любого сантехника или шофера ночью с постели и поручи организацию государственного переворота — он сделает все гораздо лучше, чем секс-бомба Янаев. Сантехник, думаю, продержался бы не меньше недели. А если еще он политически подкован, «Марксизм и восстание», «Советы постороннего» изучал-конспектировал, то, пожалуй, месяц-другой. Вы ведь только подумайте: восемь видных коммунистов, числящих себя верными ленинцами, пытаются захватить власть — и при этом полностью игнорируют указания основоположников на этот счет. То есть НИ ОДНОГО требования, что тот же Ильич предьявлял к вооруженному восстанию, они не выполняют (кому не лень проверить — отсылаю к 34-му тому полного собрания сочинений).

Естественно, ничего у них не выходит. А кто страдает? Да все мы. Когда водевильный путч закончился еще более водевильным арестом зачинщиков и по-геббельсовски картинной стрельбой на квартире у Пуго, прямо-таки обидно стало за великую державу, оскудевшую на настоящих заговорщиков-романтиков. Нет-нет да и прорывалось среди общего антитоталитарного ликования: «Эх, не успели толком в подполье поработать... Мы бы им еще врезали...» Иными словами, из-за своего скорого краха путчисты не дали населению в полной мере проявить массовый героизм и самоотвержение. «Нерастраченную силу» и пафос борьбы пришлось обратить против железного Феликса и зданий на Старой площади. Это во-первых.

Во-вторых, героев могло быть гораздо больше. Вместо того чтоб стрелять и арестовывать, выполняя свое прямое назначение, ГКЧП вяло строгал указы и «болел». В результате все лавры собрал Ельцин и Руцкой со своими ребятами-штурмовиками.

А в-третьих... «...путчистам удалось совершить то, что так и не смогла совершить перестройка, — сорвать маски со всех лицезеров...» — пишет Акрам Муртазаев в «Комсомольской правде». О, святая простота! Да разве ж можно было эту компанию заподозрить в серьезности намерений? Ведь уже на первой (и единственной) пресс-конференции у них лапки дрожмя дрожали — в

прямом смысле слова. А «состав участников»? Если уж они прихватили с собой и Янаева, и Стародубцева, то для полноты картины лишь господина Жириновского не доставало. Так что министров-гекачепистов поддержали отнюдь не самые законченные большевики, а только самые неумные. Никакой гарантии нет, что Михаил Сергеевич в самом деле определил, по его собственному выражению, «кто есть who». Едва ли хоть половина подпольных Пузовых-Яго «засветилась», вряд ли хоть четверть из них покинет насиженные кресла. А иные — чем черт не шутит, пока президент спит, — в связи с серьезной перегруппировкой сил из «вторых» переместятся в «первые», а из «третьих» — во «вторые». Ну да ладно. Пусть их. Пусть изучают печальный опыт предшественников, читают художественную литературу (что очень полезно) — Салтыкова-Щедрина, например. Или Владимира Войновича. У него в «Москве-2042» все чудесно расписано — и про «Великую августовскую революцию», и про «КПГБ» (коммунистическую партию госбезопасности), которая в результате одной революции пришла к власти, и про присоединение церкви к государству при условии отказа от веры в Бога... Начитанность не повредит: в следующий раз, может быть, вся эта свистопляска выйдет у них оригинальнее хотя бы настолько, чтоб не было потом мучительно стыдно и чтоб весь мир не хохотал над обладателями «загадочной русской души», которые готовы на любые жертвы во имя преодоления ими же созданных трудностей.

Ладно, хватит о грустном. Справедливость требует отметить также и великие заслуги «великолепной восьмерки» перед отечной и демократией. Непреходящее значение «августовской революции» 1991 года, как мне представляется, состоит вот в чем:

Во-первых, Михаил Сергеевич все-таки доказал всей планете, какой он замечательный, негнибемый и принципиальный. Самые непримиримые демократы назвали его «своим» президентом. На гребне этой славы можно запросто оставить бразды правления Союзом (который уже точно ничего общего не будет иметь с «социалистическим») и удалиться на почетную пенсию или на ответственный пост где-нибудь в ООН. Большого почета и уважения

просто Генеральному секретарю ЦК КПСС (даже бывшему) достичь просто невозможно, так что лучше и не пробовать...

Во-вторых, подумайте, господа демократы, где были бы вы и где ваши противники, кабы не «августовская революция» 1991 года... Прямо жуть берет, как представишь, что опять надо на митинг, и опять малевать плакат: «Павлова (Язова, Крючкова, Пуго) — в отставку!!!» Не нужно больше никому доказывать «преступную сущность КПСС» и спорить по поводу партийного имущества. Не болят голова за департизацию МВД и за судьбу российского телевидения. Не приходится ждать негиприятностей ни от Кравченко, ни от Прокофьева, ни от Ефимова. Все. А мы-то, левые журналисты, уж сомневаться было начали: оправдан ли наш антикоммунистический раж, не пора ли «их», бедных, пожалеть? Оказалось, не пора, и самые «разнузданные» из нас как раз и оказались прозорливцами.

В-третьих, конечно, развлечение вышло первый сорт! Сколько теперь будет споров в курилках и за кружкой пива, сколько подробностей будет всплывать и с урчанием обсасываться прессой долгие-долгие месяцы... Потом появятся монографии, кинодетективы и научные фолианты, а лет через двадцать ежемесячник «Совершенно секретно» разыщет какого-то одного-единственного свидетеля, который расскажет, что на самом деле все было совсем-совсем не так, а намного загадочнее и круче... Так что в ближайшее время пустые полки магазинов и грязь на улицах никого особенно раздражать не будут.

Кстати, насчет пустых полок — в-четвертых. Один видный политик уже заявил: вы же, дескать, увидели теперь, КТО управлял страной... Они-то, путчисты проклятые, и организовывали повсеместный саботаж. Вот так. Сильный ход. Теперь ни местному, ни республиканскому начальству не нужно ни за что оправдываться. Помилуйте, граждане, это ж все они! Они сыпали гвозди и битое стекло в масло, они прятали продукты; писали нехорошие слова на стенах уборных и бросали бумажки мимо урн. А народ — он что? Он поймет и простит. И исполкомы могут спокойно, по-хозяйски заниматься дележкой имущества КПСС и должностей в совместных предприятиях, освободившихся от партфункционеров...

В-пятых, насчет армии. Впрочем, нет, про армию редактор в ближайшее время просил не писать. Они просто молодцы.

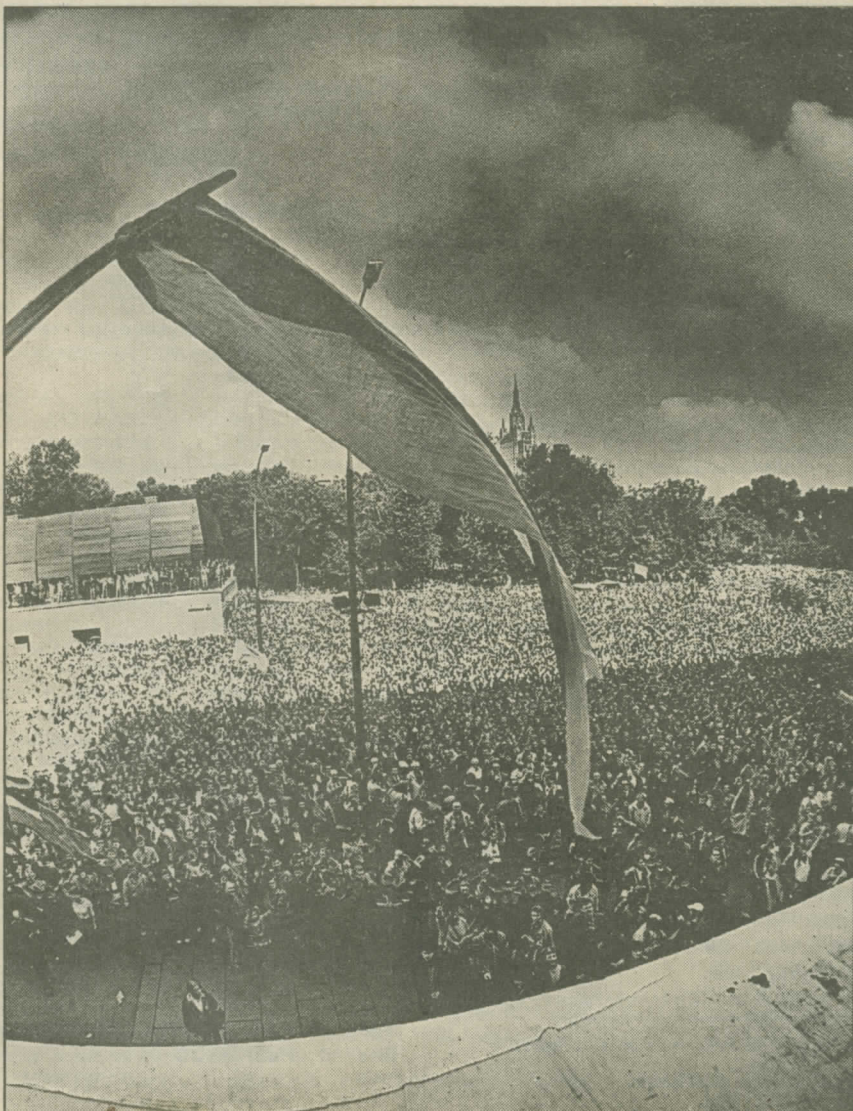
В-шестых, никто уже почти не сомневается, что американские инвестиции и немецкие «гуманитарные» посылки потекут к нам бурливой рекой в качестве награды за приверженность идеалам западной демократии. Так что за Победу, за Родину, за Ельцина будем пить исключительно шотландское виски и баварское пиво.

И наконец, в-седьмых, самое главное! В редакции «Столицы» появится телевизор! Чтобы в случае чего (не дай Бог, конечно, тьфу-тьфу) можно было скоренько узнавать о всех новостях, а не бегать за информацией на угол Столешникова

переулочка к бабушке, торгующей яблоками.

Думаю, господа присяжные заседатели, что всего вышеизложенного вполне достаточно. Предлагаю организаторов государственного переворота не расстреливать и в лагеря не сажать, а назначить каждому из них по среднестатистической пенсии (плюс компенсация, которой вполне должно хватить на предметы роскоши и излишества) и поселить в среднестатистических московских коммунальках, со всеми полагающимися в коммунальках удобствами и прелестями. Пусть живут и радуются вместе с нами (все равно больше года на народных харчах не протянут). Ну а победа — она победа и есть...

Фоторепортаж Э.КУДРЯВИЦКОГО, В.ШИШОВА, Ю.ШТУКИНА

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМIRНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esonews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Esonews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21—311.45.11
Tel.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 28.08.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате
142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1307

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

- 19 Лицензия на преступление
Е. Салина

КЛИНИКА

- 24 Упорный пронзительный крик
А. Минкин

ОТТУДА

- 34 Америка на randevu
М. Эпштейн

ВЗГЛЯД

- 38 «В большевики бы не посла...»
Т. Толстая

КУЛЬТУРА

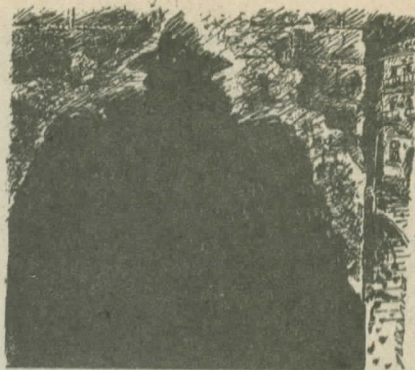
- 42 Долгая дорога истории
Г. Померанц

АРХИВ

- 48 Покушение на Ленина
Г. Нилов

АРТ-БИЗНЕС

- 62 «Фальшаки» и подлинники
Анатолия Зверева
М. Каменский

- 19 Елена Салина:
«...цифры, которыми нас старательно потчует МВД, никакого отношения к уровню преступности в стране не имеют».

- 38 Татьяна Толстая:
«Наблюдать страшно интересно! Смотришь и думаешь — Боже, какой замечательный театр абсурда, театр глупостей, театр дураков... Полное ощущение всеобщего безумия... Зачем мы все, взрослые люди, играем в эти игры?..»

Над номером работали:

П. Смирнов, В. Цыбульский,
О. Проханов, Р. Катеева

На первой странице обложки
фото Э. Кудрявицкого

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

- 48 Официальная версия покушения на Ленина подвергается сомнению.
Г. Нилов доказывает, что на самом деле покушение было организовано людьми из ближайшего окружения вождя.

Елена САЛИНА

ЛИЦЕНЗИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Включила телевизор, а там МВД Союза подводит полугодовые итоги. 1.514.372 преступления, что на 20 процентов больше прошлогоднего. 12.748 убийств и покушений на убийство, 10.862 изнасилования с покушениями, 29.479 тяжких телесных повреждений... Журналисты в зале, как обычно, кивают головами, записывают. Генералы на сцене, то бишь в президиуме, улыбаются, хотя чему — не понятно. Но есть один человек, который знает, отчего веселятся генералы. Они читают его сводки, а в сводках тех — все ложь.

— Все-все? — спрашиваю.

— Все! — подтверждает начальник информационно-статистической службы Московского УВД на железнодорожном транспорте майор милиции Вячеслав ГРАДСКОВ.

Вот скажите, с вами не случилось так: украли в автобусе кошелек, а автобус тем временем пересек границы милицейских епархий? И поди узнай, где именно украли, возле остановки «Школа» или остановки «Парикмахерская». Обнаружили-то пропажу вы дома, а дом ваш охраняет вообще третье отделение милиции. Ни одно из трех связываться с вашим заявлением не хочет.

Пример простой, но настолько характерный, что подкупающий точностью показатель — 1.514.372 преступления — сразу теряет весь смысл. Смело плюсуйте к нему свой похищенный кошелек. Перемножьте все дороги в стране с «нехорошими» автобусами. Не забудьте о вокзалах, пропавших грузах, умело запрятанных трупах, скрывших свой позор изнасилованных женщинах, исчезнувших детях, обложенных данью кооператорах...

Из всего перечисленного следует, что цифры, которыми нас старательно потчует МВД, никакого отношения к уровню преступности в стране не имеют.

Так что же считают генералы? Они упражняются в арифметике с так называемой зарегистрированной преступностью. Сами регистрируют, сами отчитываются, а потом сами себе выписывают премии.

То есть существует, конечно, и научный подход. ВНИИ, Академия МВД, просто умные люди знают, что каждый год 700 тысяч граждан, например, лишаются своих кошельков, документов и прочих ценных вещей. А в отчетах из этого количества карманных краж всплывает почему-то лишь 2—3 %.

Миллионы коммерческих актов по фактам недостач грузов, перевозимых по суше, воде и воздуху, остаются непотребными бумажками, потому что кражами, впрочем, в большинстве не раскрытыми, в дальнейшем именуется только несколько десятков тысяч из них. В итоге ущерб только при железнодорожных перевозках — 10 миллиардов рублей, возврат — 4—5 миллионов.

Но допустим, вам удалось всучить свое заявление и добиться, чтобы и вас посчитали. Вот тут-то и начинается самая чехарда. Назовут ли «ваше» преступление

преступлением, возбудят ли уголовное дело, не прекратят ли его, передадут ли в суд, доследуют ли в случае возврата. Вам кажется, что ваши интересы совпадают с милицейскими, но вы ошибаетесь.

Для вас главное — истина и наказание виноватого. Для них — определенная графа в статотчете. Вас очень условно защищает Конституция, их вполне конкретно — Уголовно-процессуальный кодекс, добрый десяток статей которого позволяет считать нераскрытое преступление раскрытым, а людей — преступниками в обход суда.

Ежегодно без суда в стране признается преступниками до полумиллиона человек (в России свыше 300 тысяч). А как манипулируют классификацией преступлений! Нераскрытые убийства обзываются тяжкими телесными повреждениями, кражи спихиваются в службу БХСС, где главное не раскрыть, а выявить. Совершенно не учитываются оправдательные приговоры судов, когда подозреваемого и близко от места происшествия не было, а «палка» в графе «раскрываемость» уже стоит.

Все ради чего? Правильно, ради нее, родимой. А заодно ради погон и поощрений, денежных вливаний и штатного расписания.

Почти четыре десятилетия советской власти преступность не считал никто — социальных проблем тогда, как известно, не существовало. Первые цифры относятся к 56-му году, к приходу министра Дудорова. Уже умер Сталин, и отдельные робкие голоса смогли прошептать, что не все ладно в королевстве. Уже прокатилась печально известная уголовная амнистия 53-го года валом насилий, грабежей и разбоев, скрыть которые было невозможно. Органы МВД, опасаясь реформирования, оказались перед выбором. Либо признать амнистию трагической ошибкой со всеми вытекающими последствиями, либо использовать разгул преступности, чтобы истребовать себе новых привилегий, подведя под свою деятельность подобие научной базы.

Похоже, торговались с партией серьезно. Реальные

миллионы преступлений в стране, строящей коммунизм, назвать было нельзя. Считать сотнями — смешно. Сошлись на полумиллионе.

Методика тех подсчетов неизвестна. Вячеслав Градсков, серьезно занимавшийся этим вопросом, склонен считать, что вывели некое абстрактное число, приличествующее среднему количеству населения. А дальше все понеслось, как вообще в народном хозяйстве, о т достигнутого.

В 61-м году с введением в действие УК и УПК начинает функционировать Единая система учета преступлений. Настолько несовершенная, что в 65-м году в дополнение к ней по стране рассылается Инструкция о едином учете. Но этого можно было и не делать, потому что цифры по дороге наверх корректировались на всех уровнях: от района до республики. Каждый начальник УВД, под чутким руководством партийного лица, точно знал свою меру и не мог позволить себе такой роскоши, как лишнее убийство на его территории.

Но даже и такая, убогая, кастрированная, статистика все годы, вплоть до 89-го, засекречивалась. Народу предписывалось рукоплескать раскрытым преступлениям и клеймить позором отдельных отщепенцев, нарушавших социалистическую мораль.

В кабинетах тем временем втихую передвигались кадровые фийки, без скандалов и громких разоблачений снимались неугодные руководители. Хитренькие цифры всегда оказывались под рукой, позволяя в нужный момент нагрянуть с инспекторской проверкой и вытащить на свет божий то, что раньше сознательно пряталось.

Очень интересно проанализировать отношения преступников и министров внутренних дел. Если среднегодовой прирост преступности за весь период официальных подсчетов составляет 7—8 %, то с приходом каждого нового министра воры, убийцы и насильники почему-то несказанно активизируются и в 3—4 раза чаще начинают набрасываться на мирных граждан. Чтобы ровно через год успокоиться.

В таблице приведены показатели за первые отчетные годы каждого министра.

Странная цикличность объясняется очень просто. Каждому новому министру — протее очередного партайгеноссе — нужно было выгодно отличаться, оправдать свое назначение и втоптать в грязь предшественника. А заодно, забросав инспекторскими бригадами местных руководителей, провести кадровую чистку с тем, чтобы расставить на местах своих людей.

Общая закономерность не подтвердилась только однажды, в короткое правление Власова — ставленника еще Черненко. Ни тот, ни другой не отличались решительностью, и грандиозных чисток не наблюдалось.

Тяжелее других пришлось Бакатину, который сумел пропустить через себя всю трагедию состояния советской законности и понять, в каком жутком кризисе находится милиция. Именно он, впервые в нашей истории, рассекретил фальшивые цифры и подтвердил, что миллион преступлений скрыто от учета.

Бакатин искренне хотел реальных расчетов и всерьез заинтересовался предложениями Градскова. Но половинчатые условия, как и в других отраслях, не принесли успеха.

Колоссальный всплеск преступности, зафиксированный Бакатиным, оказался даже очень кстати, потому что (как теперь понятно) планировалось чрезвычайное положение. Следом закономерно должно было последовать снижение, и система МВД заранее знала об этом, к снижению готовились на местах. Но Бакатин — совестливый министр, отдававший чуть-чуть правды, — не сумел бы отдать нужный приказ.

Бакатина убрали, предварительно погрозив, с выговором за «рост преступности». Чрезвычайное положение тогда сорвалось, и усилил дисциплинированного Пуго тогда не потребовалось.

А Вячеслав Алексеевич все пишет свои предложения по созданию совершенно новой системы учета, независимых информационных служб. Прошел полный милицейский путь от постового до начальника информационного центра. Пять лет работал в статистической службе МВД Союза, участвовал в массе инспекторских проверок — тогда и убедился, что ни в одном регионе цифры не совпадают с реальностью. Своими выкладками периодически «увольнял» начальство. Потом, естественно, увольняли его, по стандартной схеме с применением психиатрии и исключения из партии.

Финал нелогичен для системы. Градскову удалось не только полностью реабилитироваться, но и восстановиться в должности и в КПСС (из которой он вскоре вышел сам).

Сейчас пытается достучаться до сердец депутатов, чтобы растолковать им нелепость принимаемых вслепую решений. Утверждает, что реальные цифры преступности на несколько порядков выше оглашаемых, но паниковать не стоит. Если наши родители не слышали о мафии и рэжете, это не значит, что их не было раньше. Все развивается по классическим законам, только вот сражаться с преступниками сподручнее все-таки не арифмометрами. А считать — без погон.

«Нынешнюю статистику, такую как она есть, лучше уж опять «закрывать», — сказал напоследок человек, всю жизнь борющийся за гласность. Это симптоматично.

P.S.

Этот материал подготовлен к публикации за две недели до трагических событий, потрясших страну. Сейчас можно считать Вячеслава Градскова провидцем. Одним из мотивов введения чрезвычайного положения самозванный комитет (Пуго) назвал небывалый разгул преступности.

Может быть, хотя бы теперь МВД СССР перестанет врать?

	Общий рост	По линии
	преступности,	уголовного
	%	розыска,
		%
1961 г. МВД СССР упразднено, но сводка дается по всей стране. 1-й отчетный год министра МООП РСФСР Тикунова (2/3 союзной преступности)	35	18
1966 г. Щелоков, министр вновь образованного МООП СССР (впоследствии МВД СССР)	18	27
1983 г. Федорчук	22	29
1986 г. Власов	—5	0,2
1989 г. Бакатин	32	45
1991 г. Пуго (данные за первое полугодие)	20	27

ЭЛЕКТРОННЫЙ МЕНЕДЖЕР

Александр ЛЕВЧЕНКО:

НАША ПРОГРАММА ОБЕСПЕЧИТ ВАШЕЙ ФИРМЕ ТВЕРДУЮ ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ

Директор московского научно-технического центра «Инженер» Александр Павлович ЛЕВЧЕНКО рассказывал мне, как три года назад, в Финляндии, на курсе лекций по искусству бизнеса для начинающих советских менеджеров, зарубежный лектор считал необходимым время от времени... покрикивать на наших соотечественников. Причиной тому был, разумеется, вовсе не скверный характер финского преподавателя. Голая административная система, господствовавшая в нашей экономике, создала у него впечатление, что без окриков и понуканий советские люди работать просто не смогут. И в этом, согласитесь, была немалая доля истины. Но согласитесь и в другом — сегодня, в условиях развивающихся рыночных отношений, методы этого голого администрирования уже явно не срабатывают. На смену ему должны прийти цивилизованные методы управления производством. Программа, которую создал научно-технический центр «Инженер», — существенный шаг в этом направлении.

— Александр Павлович, по случайному совпадению именно тогда, три года назад, ваш центр продал первую копию своей компьютерной программы — программы, насколько мне известно, в своем роде уникальной?

— Мы действительно всерьез занялись компьютерным обеспечением едва ли не самого слабого звена нашей экономики — управленческого. И наша программа позволяет ответить на главные вопросы, всегда интересующие любую фирму: как идет работа? насколько она ре-

зультативна? выгодна — невыгодна? эффективна — неэффективна? Объективная картина выдается на всех без исключения уровнях — начиная с уборщицы и заканчивая генеральным директором, фирмой в целом. Принцип программы, в сущности, довольно прост: задания, выдаваемые каждому работнику фирмы, фиксируются в памяти машины, которая контролирует их выполнение и по завершении выставляет отметки в виде начисления премий или штрафа. При этом учитываются трудоемкость задания, степень его сложности и приоритетности, сроки. Личные симпатии и антипатии в этом случае исключены — машина беспристрастна и всегда, прежде чем выдать свою оценку, просчитывает несколько подчас противоречивых мнений. Наша программа — это твердая исполнительная власть, своеобразный «электронный бюрократ», но ни в коем случае не самодур.

Кроме того, она своеобразный «черный ящик» фирмы, который хранит всю историю ее успехов и неудач. Эти успехи и неудачи анализируются. А стало быть, от повторения ошибок вы гарантированы. Если, скажем, вам предложили проект, в котором вы сомневаетесь, стоит лишь нажать кнопку — и компьютер выдает вам объективную оценку ситуации: конъюнктура на рынке, степень риска, ваши сегодняшние возможности. И вывод: за это дело лучше не браться. Или, напротив, — игра стоит свеч... Еще один важный нюанс: программа рассчитана как раз на тот период экономической нестабильности, в котором мы ныне пока пребываем. А периоду этому среди прочего свойственна высокая теку-

честь кадров. Что ждет фирму, если, к примеру, с предприятия уходит опытный снабженец? Почти катастрофа. Ведь в его голове все деловые связи, которые с его уходом безнадежно рвутся. Наша же программа позволяет их восстановить едва ли не за день — стоит лишь нажать кнопку компьютера, и он вам выдаст даже телефон тещи вашего партнера, обещавшего поставить вам партию кирпичей...

Словом, возможности у программы немалые, но закончить мне хотелось бы все-таки главным: едва ли не самый важный эффект, на который может рассчитывать фирма, решившая использовать нашу программу, — психологический. Ведь она рассчитана на конкретный результат, а значит, на конкретную работу. И любой сотрудник фирмы вынужден всегда об этом помнить. Ленивого она подстегивает, несобранного дисциплинирует, а работника во всех отношениях безупречного просто избавляет от массы мелочной, но трудоемкой работы.

Интервью брал И.МОРОЗОВ

**Адрес научно-технического
центра «Инженер»:
129110, Москва, проспект Мира, 39.
Тел.: 280-17-42**

БЫЛ ПОРЯДОК

Как коренной москвич полностью одобряю то замечательное время, когда в 1932 году была введена паспортная система и было очень строго с пропиской, чтобы всякие подонки не лезли в Москву.

И очень хорошо постановили, чтобы в сельской местности не было паспортов. Каждый должен был жить и работать там, где ему предоставлена историческая судьба. Надо куда поехать — колхоз выдавал справку. Вся эта система ослабла уже после смерти Сталина, когда и началось проникновение в столицу всякой сволочи. Раньше как было — каждый житель раз в квартал должен был представить в ЖЭК справку с места работы, а участковый проверял и выявлял тунеядцев.

С целью вылавливания тех, кто прибыл в Москву и находился выше трех суток без прописки, по Москве ходили патрули проверки. Патруль в составе оперработника и милиционера проходил по улицам, площадям, скверам и просматривал публику, в особенности праздношатающуюся. Сидит человек, по виду приезжий, к нему подходит «опер» и спрашивает: «Гражданин, не скажете, как пройти на улицу Матросская Тишина?» — «Не знаю, я приезжий». — «Ах, извините». Потом «опер» подошел к милиционеру, который стоял за углом и говорил: «Иди, проверь вон того».

Если оказывалось, что приезжий не прописан, а живет у родственников или знакомых, ему предлагалось временно прописаться. А если он просто болтается в Москве, а ночует на вокзалах, то его забирали в милицию, где брали расписку в том, что он обязуется в 24 часа покинуть город. Был порядок!

А что сейчас? На Казанском вокзале задержана группа малолетних подонков из Чебоксар. Работник милиции с ними проводит интервью по телевидению, где они рассказывают, что прие-

хали избивать и грабить москвичей на том основании, что в Москве «все есть». И никто с этим по-настоящему не борется.

В вашем журнале есть очень интересные и злободневные статьи, вскрывающие безобразия, которые творятся в Москве, но нет послесловия, то есть гневного осуждения этих фактов. Например, в 17 номере есть рассказ о пресловутом казино — рассаднике преступности. Но нет требования это казино немедленно закрыть. То же скажу и про статью Е.Авдеевой «Хорошо живу, подруга!». До чего мы дошли! В Иране проститутки вешают (и правильно делают), а у нас рекламируют в фильмах и статьях.

Москва

Ю.СЕНДУКОВ

ЗАЩИТИМ ШТЫКОМ ДУХОВНОСТЬ

Пишет вам курсант военного училища по поводу статьи В.Воронова «Красная армия всех сильней?». Вот, оказывается, какие молодцы американцы, не чета нам. И форма у них лучше, и оружие. Вон как их «Пэтриоты» сбивали наши «СКАДы». Хотя даже дилетантам известно, что «СКАДы» были модернизированы в «Аль-Хусейн» самими иракцами с помощью западногерманских (!) фирм. Это повысило дальность полета, увеличило боевой заряд, но ряд параметров снизился. Кроме того, отсутствие каких-либо активных действий иракской авиации облегчало американцам их задачи, позволяло сбивать иракские ракеты, как на полигоне. И все равно «СКАДы» падали на Израиль и Саудовскую Аравию. Надо учесть, что запускались ракеты по одной, реже по две. А что было бы, если бы они запускали по 10—15? Тогда бы никакие «Пэтриоты» не помогли.

Вы пишете, что военная машина Ирака — точная копия нашей. Но это же просто смешно. Да, у них много нашего оружия. Но танки, БМП и автоматы — это еще не армия. Авиация у Ирака была из Франции, Китая, ну и наша, конечно. Убежища для солдат, техники строили французы. Макеты вооружения поставляли итальянцы. Список можно продолжить. Так что вооружали все, а обвиняют теперь нас.

Потом вопрос об «учениках» и «учителях». В 50-е, 60-е годы один наш батальон морской пехоты мог навести порядок в любой стране Африки. А теперь там нужны целые армии. Но если наши их учили, а они не справляются, то это не значит, что во всем виноваты учителя.

Да, я согласен, в армии сейчас, грубо говоря, бардак. Да, мы убираем урожай, вечно что-нибудь ремонтируем, помогаем следить за порядком, выполняем массу ненужной работы. Но это не дает повода обвинять солдат в том, что они обижают народ. Они ходят в примитивной форме, едят черт знает что, но нашлось хотя бы одно СП, которое начало бы снабжать хоть одну воинскую часть? Не знаю, не слышал.

И сейчас, когда готовится окончательный развал и грабег России, когда ее толкают к бездуховности, добивают то, что уцелело после 70 лет уничтожения русской культуры, остается одна опора — русский штык, русский солдат. И его сейчас втаптывают в грязь.

Москва

АБЕКАЛО

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Уважаемый Василий Кожанов!
Прочитала вашу статью «У народа же не просыхали слезы».

Потом сидела и тоже плакала. Все, о чем вы пишете, все правда.

У меня на войну ушли четыре брата. Двое вернулись. А двое «пропали без вести». Какие кощунственные слова — «без вести».

Мой брат Анатолий был призван в первые дни войны. Моя мама получила от него всего одну весточку где-то в августе месяце и сразу же ее уничтожила. Почему она так сделала? Брат писал, что их, как цыплят, безоружных бросили в бой против вооруженных до зубов немцев. «Всех нас перебили, — писал брат, — осталось лишь пять человек. Мы трое суток бродили по лесу и, наконец, вышли на какую-то станцию (штемпель письма г.Белый, Калининская обл.) и не знаем, наша станция или уже немцами захвачена». Вот и все. Больше мы ничего не знаем о нашем Толе.

Старший брат, Николай, пропал без вести под Сталинградом. У него осталась жена и четверо детей. И на всех детей она получала пенсию 40 рублей. Отец мой не дожид до конца войны, умер в далекой Башкирии, куда мы были эвакуированы. Там же умерла от брюшного тифа моя двадцатидвухлетняя сестра, работавшая на военном заводе.

Да, вы правы, когда пишете, что «радость победы лишь на минуту коснулась души народа, а на всю... жизнь оставила боль...» Спасибо вам. Наши внуки должны знать всю жестокую правду.

Москва

В.ИОНИНА

ИСКЛЮЧИТЬ НИЧЬИ В ФУТБОЛЕ!

Прочитал статью А.Галинского о сговорах в футболе. (Номер 24—25.) Всякий раз в таких случаях я снова вспоминаю о необ-

ходимости — в который раз! — довести до сознания спортивной общественности предложение исключить ничьи в футболе, во-первых, признанием счета 0:0 обоюдным поражением — никому очка не присуждать и, во-вторых, признанием счета 1:1, 2:2 победой того, кто забил последний гол, «сквитал счет».

Такое правило делает последний забитый гол более весомым. Но так ведь и в жизни: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Оно жестоко к терпящим инициативу, не доводящим дело до конца. Оно мешает «ничейному сговору» и «выездной модели», наконец, способствует сохранению интереса в игре.

Предлагаю попробовать хотя бы в каком-нибудь микротурнире.

Москва

А.ЦВЕТКОВ

ЗАЧЕМ ДЕМОКРАТАМ ПАРТБИЛЕТЫ?

Разрешите через ваш журнал обратиться к Г.Попову.

Что же вы делаете? Критиковали коммунистов, стоящих у руля, а теперь ставите префектами в Москве коммунистов. Это же пустая трата времени. Лично я, да и многие мои друзья считаем, что нельзя быть убежденным демократом с кэпээссэшным билетом в кармане. Вы, уважаемый Гавриил Харитонович, не обижайтесь на меня, но я все-таки ближе к народу. Я с ним везде — в трамваях, метро, электричках, в очередях. А народ не очень-то верит демократам-коммунистам. Нельзя быть в КПСС и строить правовое общество.

Москва

В.ВЕРНЫЙ

Я НИКОМУ НЕ КАПАЛ НА МОЗГИ

Сейчас много говорят о новой Программе КПСС. Но дело не в программах, а в том, как они отражаются на нашей жизни. А об этом программы молчат. Молчат о лагерных бараках и массовых расстрелах, о том хаосе, к которому приводит партийное руководство всем — от раскулачиваний, коллективизации до перестройки. Программы КПСС никогда не были программами в том смысле, который придается этому слову. Это скорее декларации для народа о том, что он, народ, должен хотеть, по мнению руководства КПСС. А посему — живете плохо? Так плохо наши программы выполняете. Мы-то живем лучше. Поэтому мне, как коммунисту, вся эта суета вокруг новой Программы непонятна. Реализовать ее, как и любую другую программу, исходящую из аппарата КПСС, можно, только разогнав часть народа по лагерям и запугав этим другую его часть. Убери карательные органы — и все, никаких программ не реализуешь.

Но и заклинания многих «демократов» на меня не очень-то действуют. Сейчас не любят напоминать людям их прошлое, но чем половина из них десять лет назад занималась? Я по крайней мере на мозги никому не капал, лекций о «коммунистической нравственности» не читал. Но все это — особенности, как я понимаю, переходного периода, когда бывшие обер-полицеймейстеры встают во главе диссидентского движения.

Москва

И.ИВАНОВ

Александр МИНКИН

УПОРНЫЙ ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ КРИК

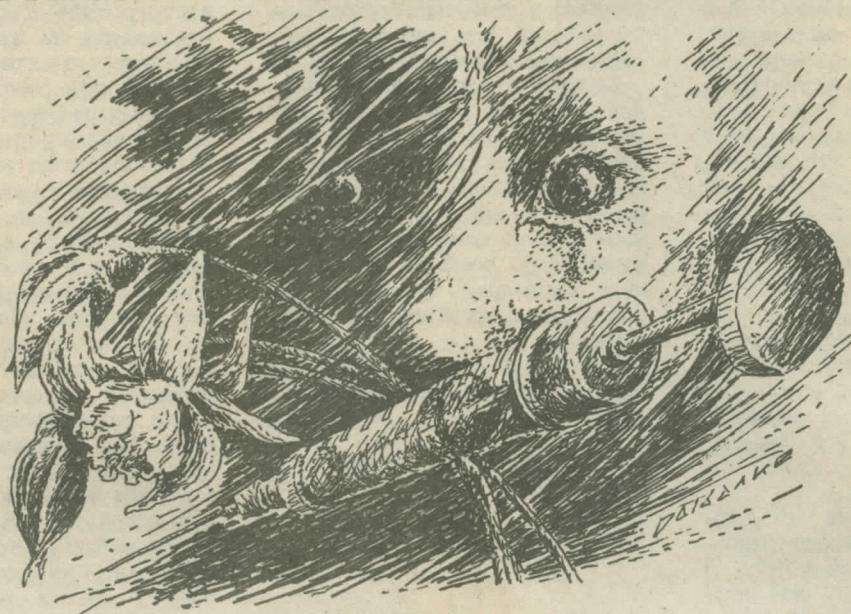

Рис. К.Рыбалко

В группе риска — все новорожденные

Женщина звонит в редакцию:

— Вы писали о пестицидах в сельском хозяйстве? О болезнях женщин и детей — сборщиков хлопка? Вы знаете, что всем грудным делают прививки вакцины АКДС? Три раза в первые 6 месяцев жизни. В состав вакцины входит мертиолят. А мертиолят — это пестицид!

— Господи! Неужели как консервант?

— Точно. Давайте встретимся, покажу документы.

СТРАТЕГИЯ ВАКЦИНОПРОФИЛАКТИКИ...

Вакцины — препараты, должны создавать иммунитет против распространенных болезней. Попросту говоря, в стране, где давно нет оспы, нет смысла поголовно прививать оспу.

В документах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) читаем: «ВОЗ рекомендует продолжать осуществлять программы иммунизации... в зависимости от необходимости и в соответствии с эпидемиологической ситуацией в каждой стране».

Какова же эта ситуация у нас? В медицинских изданиях читаем: «Значительное улучшение эпидемиологической обстановки в стране позволило выдвинуть на передний план проблему отрицательных последствий иммунизации...»

«...имеются уже одиннадцать вирусных инфекций... побежденных или почти побежденных мировой наукой с помощью активной иммунизации: оспа, желтая лихорадка, бешенство, клещевой энцефалит, полиомиелит, корь, эпидемический паротит, краснуха...»

«...почти все применяющиеся в настоящее время вакцины представляют собой по сути набор разнообразных веществ... некоторые из них заведомо токсичны...»

Слава Богу — не делают нам поголовной прививки от бешенства.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВАКЦИНОПРОФИЛАКТИКИ

«Объективно выявляющаяся возможность патогенетического значения прививочной алергизации требует, с одной стороны, тщательного эпидемиологического обоснования массовых прививок, а с другой — особо повышенной требовательности к качеству применяемых прививочных препаратов и прежде всего к их безусловной безвредности... наибольшее количество летальных исходов отмечено после введения противостолбнячной сыворотки... оспенной вакцины и АКДС».

«Современная патология среди привитых подтверждает возможную связь между многократной массовой вакцинацией населения и резким ростом сердечно-сосудистых заболеваний... и не менее значительным увеличением числа детей и подростков, страдающих бронхиальной астмой и другими аллергическими расстройствами, и аутоиммунными процессами, в частности, гломерулонефритом...»

«Аллергизация населения — не единственный отрицательный результат... другим нежелательным следствием вакцинации может оказаться канцерогенная активность этих препаратов...»

(Примечание канд. биологических наук Червонской Г.П.: «В АКДС-вакцине содержатся достаточно большие количества химических веществ, в том числе мертиолят — ртутьсодержащая соль — пестицид, сильнейший бактерицид, подстраховывающий стерильную работу при выпуске продукции.»)

КОГДА ПРИВИВКА МОЖЕТ ПОВРЕДИТЬ?

ИЗ КНИГИ «ИММУНОЛОГИЯ» (МОСКВА, 1985)

«...определенные контингенты детей (ослабленные, с измененной реактивностью организма и др.) трудно переносят прививки, вероятность возникновения у них поствакцинальных осложнений во многом возрастает. Поствакцинальные осложнения чаще всего возникают при следующих нарушениях инструктивно-методических требований того или иного препарата:

использование вакцин на фоне латентной инфекции, в инкубационном периоде болезни и др.;

неправильная оценка довакцинального состояния здоровья ребенка;

нарушение правил асептики и антисептики при осуществлении прививки;

использование вакцинных препаратов с измененными физико-химическими свойствами в результате неправильного их хранения и др.»

Видите, как много шансов получить осложнения? И неверная оценка здоровья (а наши врачи всегда торопятся и не всегда внимательны), и неверная техника (а наши медсестры...), и неправильное хранение (а наши склады...). И — загадочное и опасное — «др.»

КАКОЙ БЫВАЕТ ВРЕД?

ИЗ КНИГИ «ИММУНОЛОГИЯ»

«Наиболее часты и более разнообразны поствакцинальные реакции и осложнения, возникающие после применения АКДС-вакцины.

I. Местные реакции и осложнения: 1. Инфильтрат (свыше 2 см в диаметре). 2. Абсцесс (флегмона).

II. Чрезмерно сильные общие реакции с гипертермией, интоксикацией.

III. Реакции (осложнения) с поражением центральной нервной системы: 1. Упорный пронзительный крик. 2. Энцефалитическая реакция (судорожный синдром без гипертермии; судорожный синдром на фоне гипертермии). 3. Энцефалопатия (более длительные судорожные состояния, иногда с очаговой симптоматикой). 4. Поствакцинальный энцефалит.

IV. Реакции (осложнения) с поражением различных органов (почек, суставов, сердца, желудочно-кишечного тракта и др.).

V. Обострения (или первые проявления хронических болезней) и оживление латентной инфекции (провоцирующая роль прививки).

VI. Реакции (осложнения) аллергического характера: 1. Местные реакции аллергического типа (отек и гиперемия мягких тканей). 2. Аллергические сыпи. 3. Аллергические отеки. 4. Астматический синдром, синдром крупа. 5. Геморрагический синдром. 6. Токсико-аллергическое состояние. 7. Коллаптоидное состояние.

8. Анафилактический шок.

VII. Внезапная смерть...»

Осложнения серьезные. Приходит мысль — может быть, лучше коклюш перенести? Далее в той же книге читаем:

«Наибольшую опасность для здоровья ребенка представляют осложнения со стороны нервной системы, и в первую очередь поствакцинальный энцефалит. Клиника энцефалита... чаще всего проявляется судорогами, потерей сознания, повышенной температурой, рвотой, гиперкинезами...» и так далее, и тому подобное. А затем — фраза:

«Для предупреждения поствакцинальных осложнений важно соблюдать перечень противопоказаний».

КОГДА НЕЛЬЗЯ ПРИВИВАТЬ?

Ответ на этот вопрос содержится в следующем документе. Он называется «НАСТАВЛЕНИЕ по применению адсорбированной коклюшно-дифтерийно-столбнячной вакцины (АКДС-вакцины)» и утверждено заместителем министра здравоохранения СССР П.Н.Бургасовым.

В начале говорится: «Адсорбированная коклюшно-дифтерийно-столбнячная вакцина представляет собой гомогенную взвесь коклюшных микробов, убитых формалином или мертиолятом, и очищенных дифтерийного и столбнячного анатоксинов, адсорбированных на гидроокиси алюминия». (Обратите внимание на выделенные нами слова. К этому мы еще вернемся.)

Далее на нескольких страницах приведен перечень противопоказаний:

1. Острые заболевания (инфекционные и неинфекционные); вирусный гепатит; инфекционный гепатит, сыпчатый гепатит; менингококковая инфекция; инфекционные заболевания с затяжным и хроническим течением (сепсис, дизентерия, отит и др.); хронический тонзиллит и аденоидит...

2. Туберкулез: легочные и внелегочные формы в активной фазе...

3. Хроническая пневмония.

4. Аллергические заболевания: распространенная крапивница; бронхиальная астма; астматический бронхит; распространенная экзема, нейродермит, стромфлюс; аллергические реакции на отдельные аллергены (разнообразные сыпи и др. клинические расстройства).

5. Болезни нервной системы: наследственные; дегенеративные и прогрессирующие заболевания нервной системы; эпилепсия, судорожный синдром в анамнезе; родовая травма с остаточными явлениями (детский церебральный паралич и др.); родовая травма, длительная асфиксия в родах без остаточных проявлений со стороны нервной системы; гидроцефалия де- и субкомпенсированная; гидроцефалия компенсированная; дети из группы повышенного риска (угроза выкидыша у матери, акушерские пособия или оперативные вмешательства в родах и др.); инфекционные заболевания ЦНС (менингиты, энцефалиты) с остаточными явлениями и без остаточных явлений; черепно-мозговые травмы (сотрясения мозга, ушибы, кровоизлияния в мозг и оболочку) с остаточными явлениями и без остаточных явлений.

6. Гемолитическая болезнь новорожденных. Недоношенность (вес меньше 2 кг).

7. Болезни сердечно-сосудистой системы: декомпенсированные врожденные и приобретенные пороки сердца; подострый септический эндокардит; пороки

сердца в стадии компенсации; ревматизм; миокардиты.

8. Болезни почек: хроническая почечная недостаточность, врожденные нефропатии; пиелонефрит, инфекция мочевыводящих путей.

9. Болезни печени и поджелудочной железы: цирроз печени, хронический гепатит и панкреатит, острый панкреатит, воспалительные заболевания желчевыводящих путей.

10. Болезни крови: лейкозы, апластическая анемия, гемофилия...

11. Злокачественные новообразования.

12. Коллагенозы.

13. Болезни эндокринной системы: сахарный диабет...

14. Неспецифический язвенный колит.

15. Оперативные вмешательства.

Неужели в нашей стране есть дети, у которых нет хотя бы одного из этих провокационных? Ни родовых травм, ни инфекций, ни аллергий? Видимо, есть. Раз им делают прививки. И вот у этих здоровеньких бывает на прививку АКДС-вакцины такая реакция:

«а) повышение температуры до $+40^{\circ}\text{C}$ и выше в первые двое суток;

б) тяжелые аллергические реакции;

в) неврологические осложнения (судорожный синдром, пронзительный непрерывный крик в первые сутки)».

Примечание: В более свежей инструкции, утвержден-

ной «начальником Главного управления карантинных инфекций Минздрава СССР М.И.Наркевичем 3 ноября 1987 г.», к списку противопоказаний добавили красноречивый, всем сегодня понятный пункт: «Иммунодефициты врожденные и приобретенные» — т.е. СПИД.

И в новом, и в прежнем «наставлении» объясняется, как узнать, что вакцина плохая. «При повышении температуры выше $38,5^{\circ}$ более чем у 1% привитых или возникновении выраженных местных реакций (отек мягких тканей диаметром более 5 см; инфильтраты диаметром более 2 см) более чем у 4% привитых, а также при развитии тяжелых поствакцинальных осложнений прививки препаратом данной серии прекращают».

Прекращают! Если, конечно, «серию» не успели израсходовать — ввести в попки грудничков. И если всем температуру мерили с точностью до $0,1^{\circ}$, и всех учили, у кого $38,6^{\circ}$ было, и проценты правильно считали.

Но «тяжелые осложнения» — не слишком ли высокая цена за информацию о непригодности «серии»? Разве на грудных надо проверять качество вакцины? Читаешь «наставление» Минздрава СССР и не знаешь — верить ли глазам. И начинаешь думать, что сошел с ума — ведь не может, кажется, вся рота идти не в ногу.

ПЕРЕПИСКА ПРО НАЧИНКУ

Сходные реакции млекопитающих на отравления пестицидами и на детскую прививку заставляют задуматься. И действительно: съедает хорек отравленную мышку или грудной младенец получает укол в попку — суть одна: яд попадает в организм. Ученые думают. Ответственные товарищи думают. Годы идут. Валовая вакцинация продолжается.

«МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР
ПРЕДПРИЯТИЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ
БАКТЕРИЙНЫХ ПРЕПАРАТОВ
Центрального

научно-исследовательского института
вакцин и сывороток им. И.И.Мечникова

И.о. директора
ГИСК им. Л.А.Тарасевича
т. А.Г.Лузиной

Просим Вашего разъяснения по вопросу использования мертиолята в качестве консерванта для АКДС-вакцины, гангренозных и других анатоксинов.

В настоящее время препарат, поступающий в СССР из ФРГ и Швейцарии, имеет надпись — «только для лабораторных целей», а из США (фирма «Сигма») дополнительно — «не применять для лекарств».

Требованиям Приказа Минздрава СССР от 13.01.83 N 31 препарат отвечает, однако эти надписи вызывают сомнения. (Сомнения! — А.М.)

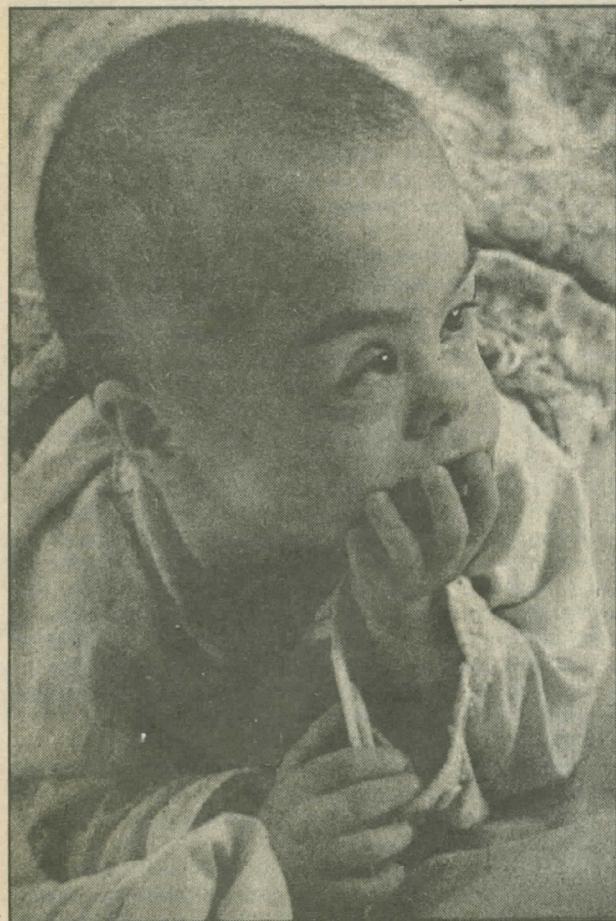
Директор предприятия — Ю.Я.Якушевич».

«Директору НИИ стандартизации и контроля
медицинских биологических препаратов
Минздрава СССР
профессору Бектимирову Т.А.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Обоснования к выведению мертиолята из АКДС-вакцины и других медицинских биологических препаратов, применяемых с целью профилактики:

1. В АКДС-вакцине, кроме мертиолята, содержится

второй бактерицид — формалин, что объясняется следующим: инактивация коклюшных компонентов проводится формалином, а «доинактивация» — мертиолятом.

2. В наставлении по применению АКДС-вакцины сказано, что «коклюшные микробы убиты формалином ИЛИ мертиолятом», однако в МРУ 42 N 262—68 читаем: «В 1 мл взвеси должно быть не менее 60 млрд микробных клеток, формалина 0,05% И мертиолята 0,01%».

3. Между тем известно, что условия приготовления формализированной коклюшной вакцины отличаются от мертиолятной: формалин — оставляют после добавления при температуре 17—22° на сутки, до сведения в АКДС хранят не менее 1,5 месяца; мертиолят — оставляют на сутки при температуре 35—36°, затем хранят не менее трех месяцев.

Как же совмещают два абсолютно разных режима приготовления коклюшной вакцины при добавлении и формалина, и мертиолята? — Смущают и давно настораживают эти три пункта, противоречащие друг другу...

5. Известные положения о том, что все консерванты, содержащие соли ртути, — высокотоксичны и аллергенны (введение их в организм не разрешается существующими положениями и у нас в стране)...

9. Проведенными нами исследованиями установлено: мертиолят в дозе, разрешенной для введения ребенку, высокотоксичен в диплоидных клетках человека...

...речь в данном случае идет не об испытании нового вещества с неизвестными и неизученными свойствами, который предлагается для введения человеку, а об изъятии... прежде всего из АКДС-вакцины, известного ядохимиката, несущего дополнительную потенциальную опасность для организма ребенка. Проблема стерильности таких препаратов (да еще при наличии в АКДС-вакцине второго бактерицида — формалина, известно-го среди специалистов токсикологов-гигиенистов как канцерогенное вещество) не должна и не может решаться в конце XX века посредством введения в них дополнительных антибактериальных средств — антибиотиков и бактерицидов. МИБП (медицинские иммунобиологические препараты) должны быть предельно освобождены и от тех химических и других балластных веществ, которые используются в процессе их приготовления...

...из-за неумения асептически работать в условиях производства и в момент введения препаратов, мы преднамеренно сенсibilизируем*) детей этим ртутьсодержащим бактерицидом: трижды вводим с АКДС-вакциной или АДС-М, а также с другими МИБП, т.е. на протяжении детского и юношеского возраста этот ядохимикат вводится человеку многократно.

Считаем совершенно недопустимым предложение о составлении Программы по изучению свойств этого бактерицида. О нем как о ядохимикате все давно известно (токсичен, поскольку бактерицид; аллергогенен — ртутьсодержащий). Мы опоздали с изучением свойств этого вещества не менее чем на 30 лет...

Необходимо принять во внимание и использовать всю имеющуюся информацию по данному вопросу для немедленного изъятия его из АКДС-вакцины и АДС-М, а также других МИБП, вводимых в организм человека с целью профилактики...

**Профессор — А.Т.Кравченко
Ст.науч.сотр. — Г.П.Червонская.**

«15.04.87.

Глубокоуважаемый Анатолий Тимофеевич!

В связи с Вашей докладной запиской, подготовленной совместно с Г.П.Червонской, относительно исключения мертиолята из АКДС-вакцины сообщают следующее.

Ученый совет ГИСК им. Л.А.Тарасевича рассматривал этот вопрос 30 января 1987 года и рекомендовал **продолжить изучение** этой проблемы. Комитет вакцин и сывороток Минздрава СССР на своем заседании 4 февраля 1987 года согласился с рекомендациями ГИСК. При отсутствии каких-либо дополнительных научных сведений не считаю целесообразным в настоящее время ревизовать решение вышеупомянутых компетентных органов. Полагаю, что принятие волюнтаристских решений только на основании Вашей докладной, хотя и проникнутой заботой о здоровье людей, может лишь нанести вред...

Директор — Т.А.Бектимиров.

«РЕШЕНИЕ

Ученого совета ГИСК им. Л.А.Тарасевича от 30.01.87.

Повестка дня:

Обсуждение заключения комиссии по оценке материалов о токсичности мертиолята.

Докладчик: Н.А.Озерецковский

ПОСТАНОВЛЕНИЕ: Заслушав и обсудив заключение комиссии, назначенной приказом по ГИСК им. Л.А.Тарасевича от 21.01.87. N 14-Л, Ученый совет считает: 1) Имеющиеся в институте материалы и требования ВОЗ к медицинским биопрепаратам не дают основания для немедленного исключения мертиолята из состава АКДС-вакцины и других сорбированных препаратов...

3) Учитывая неполноту и в ряде случаев противоречивость полученных в ГИСК и других учреждениях (Уфимский НИИИВС) данных по мертиоляту, рекомендуется **продолжить исследования** по изучению токсических и аллергенных свойств мертиолята...

5) При поступлении в КВС или ГИСК новых препаратов, содержащих мертиолят, просить авторов представлять обоснования включения консерванта в биопрепарат.

(Старых мало. Новые препараты с мертиолятом окупаются. «Обоснованные». — А.М.)...

Председатель Ученого совета — Т.А.Бектимиров

Секретарь — Г.М.Гнуни.

(подпись вместо Гнуни — Лузиной)

ИЗ ПОЧТЫ КАНДИДАТА БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК тов.ЧЕРВОНСКОЙ Г.П.

«Министерство здравоохранения СССР сообщает, что Ваше письмо, адресованное XIX Всесоюзной конференции КПСС по поводу использования мертиолята в производстве медицинских иммунобиологических препаратов, было рассмотрено на Советании специалистов в Отделении гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН СССР.

Советание отметило, что применение консервантов является необходимым условием при производстве сорбированных препаратов и препаратов, выпускаемых в многодозовой расфасовке — (видимо, «расфасовке»). Замечание Червонской Г.П.). Применение мертиолята в качестве консерванта и стабилизатора иммуногенности в производстве МИБП, в том числе АКДС-

*) повышаем подверженность аллергиям

вакцины, в СССР основано на многолетнем мировом опыте использования этого консерванта и рекомендаций ВОЗ. Требования к качеству мертиолята соответствуют требованиям фармакопей Великобритании, США и других развитых стран.

В настоящее время исключение мертиолята из состава АКДС-вакцины делает невозможным ее выпуск и проведение иммунопрофилактики коклюша, дифтерии и столбняка у детей...

**Заместитель министра
здравоохранения СССР — А.И.Кондрусев».**

Как видим, это реакция на обращение к XIX партконференции. Реакция «сверху». А вот письмо «снизу»:

«18 мая 1988 года родилась наша дочь Оля... 30 августа пошли на прием к участковому врачу Поляховой, она направила нас на обследование к врачам и сдачу анализов. Все было пройдено, кроме врача-невропатолога, которого не было в течение 3 месяцев. Зная, что не пройден невропатолог, врач Поляхова назначает на 6 сентября первую прививку АКДС и полиомиелита. 6 сентября перед прививкой ребенок врачом не осматривался. После первой вакцинации через некоторое время вспух родничок, появилась реакция на желток яйца и стал подергиваться подбородок. Все это мы сказали врачу Киблык, вышедшей из отпуска 20 сентября 1988 г. Осмотрев нашу дочь, она не отреагировала на эти отрицательные симптомы после первой прививки и назначила вторую на 25 октября 1988 г.

После прививки дочь сильно плакала. *(Может, это и был «упорный пронзительный крик»?* — А.М.) 26 октября у нее появился насморк. 28 октября вызвали участкового врача на дом, которая выписала капли в нос и микстуру от кашля. 11 ноября 1988 г. у дочери поднялась высокая температура. Врач, осмотрев ее, сказала, что все нормально, режутся зубки. Температура по ночам держалась 38,6° с 11 ноября по 14-е.

14 ноября в состоянии ребенка появились резкие изменения (бессонница, вялость, темпер. 38°, реакция на правое ухо, повышенное слюноотделение). На дом была вызвана врач Киблык.

В 14 ч. 50 м. девочка была осмотрена и врач опять сказала, что это реакция на рост зубов. Через 10 мин. после ее ухода у дочери начались судороги правой стороны. Была вызвана скорая помощь, которая, приняв соответствующие меры, отправила дочь в детское инфекционное отделение. Там она пролежала без сознания и без матери 3 недели. После чего ее 6 декабря перевели в неврологическое детское отделение больницы. Где она, не приходя в сознание, и умерла 15 декабря 1988 г.

Когда дочь лежала еще в реанимации, лечащий врач сказала, что они ничего не могут сделать, т.к. состояние ребенка крайне запущено. Мы считаем, что такое запущенное состояние произошло от первой прививки. После смерти дочери участковые врачи почти полностью исправили медицинскую карту, совершив этим грубую подделку документа.

В первые дни болезни нашей дочери начальник горздраводела не нам лично, но сказал, что надо ждать 30 дней, после чего ребенок или умрет, или останется живым, но будет инвалидом. Это говорит о том, что такой случай, как у нашей дочери, не единственный в Воркуте. Он дал понять этими словами, что ребенок заболел от прививки и что, мол, 30% детей умирают от этих

прививок. И все-таки, когда ребенок умер, они всеми путями оправдывают себя и доказывают, что эта прививка ни при чем. Подделывают и исправляют медицинскую карту. Так и получилось, что на 31-й день наша дочь скончалась.

При вскрытии поставили диагноз: небактериальный энцефалит, отек и набухание головного мозга. Этот диагноз им не выгоден, и они говорят, что это неокончательный диагноз...

29.01.89. Волгаревы».

Конечно, такое случается не только в Воркуте. Иначе бы не была тиражом 2000 напечатана «ИНСТРУКЦИЯ по взятию материала для патоморфологического изучения летальных случаев поствакцинальных осложнений». Попросту — откуда и какие брать кусочки из трупа ребенка, умершего от осложнений после прививки.

ПОСЛЕДНИЕ ВОПРОСЫ К МИНЗДРАВУ

1. Читали ли ответственные товарищи, продолжающие «планировать создание комиссий по изучению вопросов, связанных с применением мертиолята в вакцинах», следующий документ?

«СОЮЗХИМЭКСПОРТ

25 декабря 1986 г.

*Заместителю начальника
Союзглавнаучприбора т.Добринскому Б.В.*

В связи с ужесточившимися требованиями по охране окружающей среды производство мертиолята в Европе запрещено, поэтому разместить Ваш заказ на этот препарат объединению не удалось (фирмы не приняли наш заказ).

Зам. директора фирмы «Агрохим»

— Ю.Г.Олейников».

2. Как расценивается поголовное многократное введение мертиолята грудным младенцам в стране, где до сих пор нет одноразовых шприцев? Другими словами: с одной стороны — коклюш, с другой — риск тяжелых заболеваний от вакцины, помноженный на риск получить СПИД при вакцинации.

P.S.

Этот материал прочли в Минздраве СССР. Реакция была сильная. Несколько человек во главе с замминистра А.А.Барановым убеждали меня не печатать эту статью. «Ведь родители начнут отказываться от вакцинации!» Вероятно, да. Но это — право родителей: решать судьбу своего ребенка.

Минздрав — за один день — подготовил официальный ответ. Его суть: прекратится поголовная вакцинация — начнутся эпидемии. Но статья не против вакцинации, а против плохой вакцины.

Не нам решать вопрос о прививках грязной АКДС. Но информировать людей — наш профессиональный долг. Мы информируем — вы решаете. Сами. У вас есть выбор: прививать, не прививать, добывать чистую вакцину через «выездных» знакомых...

Заражение СПИДом — случайно. Грязная вакцина — вводится планомерно. Миллионы детей получают аллергию, астму, энцефалит... а кое-кто и осложнение «N 7» — внезапную смерть.

Ф. СП-1

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА» на 1992 год!

Подписка принимается во всех отделениях связи страны.
(Это значит, что для подписчиков экземпляр журнала обойдется в 1 р.; для сравнения: цена в розницу — 1р. 30к.)
Стоимость подписки:
на три месяца — 13 рублей,
на шесть месяцев — 26 рублей,
на год — 52 рубля.

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

газету **73746**
на журнал (индекс издания)
ЖУРНАЛ «СТОЛИЦА»
(наименование издания) Количество комплектов: _____

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ ли-тер _____ на газету **73746**
на журнал (индекс издания)
ЖУРНАЛ «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

Стоя-мость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплек-тов:
	пере-адресовки	_____ руб. _____ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Специально
для
подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка
на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1992 г. будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пинская тип.

Вырежьте купон, правильно заполните его и вышлите в конверте на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлении квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Импортные
видеомагнитофоны,
импортные и
советские
телевизоры, часы и
будильники,
фотоаппараты,
электрические
самовары,
электросветильники,
изделия из хохломы,
альбомы для
фотографий, книги,
наборы
мельхиоровых
ложек,
денежные призы —
все это вы
можете выиграть,
отправив по адресу
редакции
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

Мы

ГОЛУБОЙ

ГРОМ

грянул в Москве, но никто не перекрестился

Места тусовок голубых и лесбиянок в Москве известны не только представителям сексуальных меньшинств. По крайней мере одну из них, центральную, знают почти все — в сквере, напротив Большого театра. Именно там можно повстречать смазливых мальчиков и ухоженных мужчин с матовым приятным загаром. И хотя они облюбовали этот уютный сквер уже давно и, почти не скрываясь, ежедневно собираются там, наше законодательство никак не хочет признать право на «однополую» любовь. То есть оно признает, но весьма своеобразно, с помощью 121-й статьи (1-й части) Уголовного кодекса, где черным по белому написано: «Половое сношение мужчины с женщиной (мужеложство) наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

Во всем цивилизованном мире невозможно найти аналог советской юриспруденции, что свидетельствует о нашей дремучести и всеобщей тоталитарности. Ведь именно тоталитарному обществу присущ полный контроль над свободами человека и над его естественными желаниями.

Государственные органы, призванные охранять «моральный дух» нации, всегда видели в «извращениях» потенциальную опасность и всячески подавляли их, запугивая тем, что предадут широкой огласке их тайные влечения и народ, мол, не одобрит этого и не поймет. Да, народ до сих пор с трудом воспринимает любую информацию о голубых, и что ж тут удивительного, если в русском языке слова, обозначающие представителей сексуальных меньшинств, стали ругательными или даже матерными.

Как тут не вспомнить анекдотический пример с нашим покойным лидером Хрущевым, когда на знаменитой выставке в Манеже он с яростью прошипел в адрес художников непонятное, но явно неприличное слово. А так как он слабо представлял, что именно оно означает и как правильно произносится, то в итоге у него получилось: «Пидарасы!»

И вот, наконец, впервые в Союзе была проведена уникальная акция и — что самое интересное — вполне официально, в рамках Международного симпозиума по правам человека и борьбе со СПИДом. С советской стороны

в качестве организаторов и участников выступили: Фонд культурной инициативы и защиты сексуальных меньшинств имени П.И.Чайковского, партия «Демократический Союз», «Мемориал», Либертарианская партия и, естественно, сам Роман Калинин — президент Московского союза лесбиянок и гомосексуалистов, главный редактор газеты «Тема». А также — делегации из США, Канады и Швейцарии.

В обширной программе было все или почти все — фестиваль фильмов о голубых, где демонстрировались такие западные шедевры, как «Морис», «Моя прекрасная прачечная», многочисленные тематические заседания с непривычными названиями — «Голубо-розовое движение среди студентов», «Здоровье лесбиянок», «Борьба с насилием против голубых и лесбиянок: начиная с просветительской работы и кончая самозащитой», «Голубо-розовая музыка»...

«Голубой» симпозиум, как ни странно, состоялся без особого шума и внимания прессы. Может, оттого, что его организаторы боялись излишне афишировать слет сексуальных неформалов, а может, оттого, что люди просто устали от экзотических представлений, озабоченные лишь поисками пищи и денег. Поэтому общение гомосексуалистов в течение трех дней проходило в весьма узком кругу. Лишь редкие прохожие удивленно останавливались на улице, когда перед ними возникала парочка влюбленных, нежно целующихся мужчин.

Как бы то ни было, несмотря на внешнее спокойствие, царившее вокруг симпозиума, и доброжелательное отношение к нему властей, проблемы гомосексуалистов и лесбиянок в нашем обществе стоят остро и еще неоднократно будут возникать. До тех пор, пока эти изгои не выйдут из подполья и не прекратят опасаться получить срок за... любовь к представителям своего пола.

Михаил МАСЛОВ

Фото О.Чумаченко

Михаил ЭПШТЕЙН

АМЕРИКА

Рис. В. Пасичника

НА РАНДЕВУ

Писать про сексуальную жизнь целой страны — для этого нужно обладать раблезианским воображением. Впрочем, в Америке это тема не для Рабле, а скорее для добросовестного ученого, потому что любовного экстаза или поэзии в атмосфере страны очень мало. Национальной класси-

кой по данному вопросу считается не Гете, не Мопассан и даже не Драйзер с Хемингуэем, а статистические отчеты Алфреда Кинси и лабораторные труды Мастерса и Джонсон по мужской и женской сексуальности, с таблицами, диаграммами и т.д. Именно им суждено было стать самыми яркими бестсел-

лерами и сформировать представления американцев о любви и браке.

Вообще любовь — тема для этой страны чуть-чуть периферийная, как бы приданная ей извне из арсенала общечеловеческих ценностей. Кажется, американцам вполне хорошо с самими собой, поэтому острой, горячечной потребности в чужой душе и теле у них не возникает. Чтобы прильнуть и забыться, и назвать тщетою целый мир, и только слушать милый лепет, как грезилось Пушкину в какой-то российской глуши... нет, в Америке и глуши такой нет, а потому и нет близости такой, неистовой и безоглядной.

Сделаем оговорку: американец в наших рассуждениях — такое же условное существо, как буржуа в работах пролетарских мыслителей. Частностей и отклонений в Америке больше чем где бы то ни было, и потому усредненный подход чаще всего рискует оказаться ошибочным. Но и сама ошибка такого рода будет правдиво свидетельствовать если не о самой Америке, то о разнице американского и советского опыта в этом общечеловеческом вопросе.

Так вот, с точки зрения советского иностранца, средний американец очень тщательно ограничивает свое частное бытие посредством спортивного и медицинского ухода за своим телом. Он самодостаточен, в нем нет тех зияющих отверстий, которые, по идее Бахтина, образуют гротескное раблезианское тело — потеющее, испражняющееся, любодействующее.

Я думаю, сама идея такого тела, пусть и в работе Бахтина о Рабле, могла зародиться только в России, где каждый индивид внедрен всеми своими приличными и срамными отверстиями во всенародное тело, что и ведет к постоянной недоустроенности его социальной жизни. Не разделились еще органы этого первородного тела, не стали свободными, самоуправляемыми организациями, и вот рот одного забит дерьмом другого, и каждый тащит у другого из кармана, а заодно и из шинки.

Безудержная эротическая жизнь Советской страны, побочным результатом которой является семь миллионов аборт в год, — другая сторона социального одичания. Люди плотью плутают по плоти, прячутся друг в друга, как в крошечные оазисы посреди пустыни, даже не зная точно, оазисы это или уже ми-

ражи гаснущего сознания.

Можно вывести закон: по мере своего распада общество выделяет огромную чувственную энергию, которой здоровому обществу хватило бы для демографического взрыва. Индивиды, выбитые со своих социальных орбит, бомбардируют друг друга сверхактивным излучением мужского и женского обаяния, как при альфа-, бета- и гамма-распаде, хотя часто распад доходит и до «я» — последней буквы русского алфавита.

Знаменательно, что советское обращение «мужчина» и «женщина» вытеснило все прежние социальные условности, как «господского», так и «товарищеского» этикета. Что остается от человека? Да то же самое, что было при творении его. «И сотворил Бог человека... мужчину и женщину сотворил их» (Быт., 1, 27). Вот и предстоят друг другу мужчина и женщина, только уже не в первоизданном раю, а на развалинах последней утопии — абстракция пола, незаметно вылупившаяся из химеры классовой борьбы.

В Америке социальный космос устроен надолго и рассчитан до мелочей, индивиды вращаются по своим орбитам или переходят на другие орбиты по правилам перехода, никто ни с кем не сшибается и не гибнет в сладких мучениях. И если кто-нибудь вообразит, что в Америке жизнь точно такая, какая описана в «Плэйбое» или в «Парах» Апдайка, то он спугает жанр журнала или романа с совсем другим жанром, который в просторечии называется «реальная жизнь», а на языке науки — «общественный этикет».

В этом почтенном прозаическом жанре нет ни одной сцены, когда мужчина или женщина знакомилась бы на улице, или в метро, или в магазине. Нет ни одного эпизода флирта, кокетства, заигрывания, приставания в общественном месте — во всяком случае мне, вот уже год листающему страницы этой нравоучительной книги, замечать такого не приходилось. Более того, начисто отсутствует намеренно женское или мужское выражение лица, этакая неуловимая, заораживающая игра глаз, световых сосудов, источающих обаяние. Нет обволакивающей влаги, бархатистого блеска, стыдливой поволоки. Нет дерзости и нет застенчивости, на красавицу никто не глядит и она ни от кого не отворачивается — просто отсутствует этот слизистый, тягучий фер-

мент в отношениях между полами.

В России есть такой разговорный термин: «клеится». И дело даже не в подходе отдельного мужчины к отдельной женщине — сам воздух смазан этим клеящим веществом, так что пощипывает кожу и в глазах туман. В Штатах нет этой липкости в воздухе — он сухой и прозрачный, и пьяные, сумасшедшие искорки не вспыхивают даже в студенческой аудитории или университетской библиотеке. Студенты и студентки валяются с книгами на полу — любят читать в раскованных позах, не испытывая при этом никакого телесного любопытства друг к другу.

Сексуальная жизнь в Америке начинается рано. В нью-йоркских школах недавно даже введена бесплатная выдача презервативов старшекласникам. Но эта ранняя совместная жизнь скорее напоминает школу будущего брака: мальчик и девочка, выбрав друг друга, находятся в устойчивых отношениях. Время от времени партнеров меняют, но почти никогда не обзаводятся сразу несколькими. Раздваиваться и лицемерить не принято. Этим отчасти объясняется огромное количество разводов: вместо того чтобы обзаводиться любовниками и любовницами, американцы предпочитают прекратить старый брак и завести новый. Так что в Советском Союзе многобрачие скорее существует по горизонтали, а в США — по вертикали, хотя, разумеется, в обеих странах эти линии пересекаются, чтобы на традиционной моногамной семье поставить убедительный крест.

Больше всего поражает в Соединенных Штатах правовое обеспечение сексуальных прав личности. Перед тем как приступить к работе в летней школе иностранных языков для взрослых, все преподаватели получили письменное, а затем и устное предупреждение относительно так называемого «полового посягательства». Оказывается, к нему относится не только физическое принуждение, но и любые прикосновения, которые могут быть неприятны лицу другого пола, а также высказывания, жесты и мимика, которые могут быть истолкованы как попытки вовлечь данное лицо в половое общение вопреки его желанию.

Особенно недопустимы подобные попытки в отношениях преподавателя со студентами, как существами зависимыми: за малейшее замечание или жалобу такого рода

преподаватель немедленно увольняется. Заранее, конечно, никогда нельзя предвидеть, желательно ли будет застенчиво-нежное или задумчиво-внимательное выражение твоего лица для коллеги или студентки. Поэтому лучше удерживать свое лицо от каких бы то ни было эмоциональных выражений, ограничившись ослепительной, как солнце, и столь же космически отстраненной американской улыбкой.

Большое внимание уделяется в американской прессе и юриспруденции проблеме изнасилования. Но имеется в виду вовсе не такое изнасилование, которое совершается бандой вооруженных преступников или гнусным похотливым прохожим — здесь нет никаких проблем. Речь идет о таком изнасиловании, которое в российском обиходе описывается старинным выражением «милые бранятся — только тешатся» или более современным: «ну, покочевряжилась немножко...»

Допустим, молодой человек ухаживает за девушкой, пользуется взаимным расположением, но в какой-то момент чуть-чуть поторопился, решил, что ее шаг назад или ладонь, прикрывшая глаза, означает не сопротивление, а желание привлечь... А может быть, она и сама не знала, что означал этот жест, а потом, когда все произошло, решила, что ладонью она хотела его удержать. И вот молодой человек отбывает изрядный тюремный срок, присужденный по всем правилам уголовного судопроизводства, хотя газеты и отмечают, что нельзя его не пожалеть, способный был служащий и делал быструю карьеру.

В другом эпизоде не то что до объятий, но даже и до встречи не дошло: просто молодой человек писал любовные письма своей бывшей сослуживке, приглашал сходить с ним в театр или в ресторан, уверял, что он живет и дышит только ею и такое случается один раз в жизни... А она не хотела получать таких посланий. В настоящее время судебное расследование по этому вопросу продолжается, американскому Ромео или Вертеру угрожает несколько лет тюрьмы — за безответные и нежеланные письма. Представьте, что и Онегин мог бы подать в суд на Татьяну — ведь он, пользуясь юридическим языком, ничем не спровоцировал ее любовных признаний.

И даже узы брака не гарантируют от судебного преследования за чресчур интимное поведение с супру-

гой. Тот же самый журнал «Плэйбой», который откровенно обсуждает формы и способы ротовых услад, недавно опубликовал отчаянное письмо одного из своих читателей, Джеймса Мосли, отбывающего пятилетний срок в тюрьме штата Джорджия по обвинению в содомии. Оказывается, во время супружеской близости он имел пылкую неосторожность прикоснуться губами к половым органам жены, за что по законам штата мог быть приговорен даже к большему сроку — до 20 лет. Жена вовлекла его в этот бурный эпизод, чтобы затем подать жалобу на запретную ласку. Дело в том, что раньше он застал ее с любовником и собирался развестись, а в этом случае именно он получил бы опеку над детьми. Теперь же, осужденный за сексуальное преступление, он даже лишен права с ними встречаться. И только вмешательство нескольких опытных адвокатов помогло страстному супругу и заслуженному ветерану военно-морских сил Джеймсу Мосли выйти из тюрьмы всего 19 месяцев спустя после заточения.

Чем же объясняется такая строгость нравов в свободнейшей стране свободного мира? Легко угадывается одна из причин — пуританское наследие первых американцев, которые бывали неистощимы на дерзкие авантюры, но неукоснительно блюли себя от плотского греха. Возможно, на эту традицию наложились еще и последующая множественность культур, которые уживались благодаря самоограничению. В самом деле, когда среди пассажиров автобуса — представители всех рас и многих национальностей, довольно трудно вести «кадраж», вписываясь в рамки незнакому тебе этикета. Как, скажем, перуанская красавица воспримет ухаживания китайского студента? Вот и остается одно: держаться в тесных, приличных, нейтральных рамках общеамериканской корректности.

Можно назвать и много других культурно-исторических причин, но главная, мне кажется, это логика самой свободы. Если ты свободен делать все, что тебе хочется, то и другой должен быть свободен не делать то, что хочется тебе. Полная свобода включает свободу и от самой свободы.

Вот почему Америка пошла так далеко в утверждении прав сексуальных меньшинств. Гомосексуалисты и лесбиянки вольны испове-

довать свои пристрастия без ущерба для карьеры и общественного престижа. В центре крупнейшего музейного комплекса в Вашингтоне висит афишка о предстоящей вечеринке для сотрудников гомосексуалов, и звучит это объявление о сборе однополых парочек так же буднично, как приглашение на профсобрание. В некоторых городах однополые браки уже официально регистрируются, и тогда сыну, выросшему от прежнего брака, приходится представлять нового члена семьи как «муж моего отца» или «жена моей матери». Такова свобода обоюдного согласия, и ничто не может ее ограничить.

Но по той же самой причине свобода мгновенно становится противозаконной, едва она ущемляет свободу другой личности. Настолько едва, что это может быть только легкое прикосновение, или дерзкая улыбка, или навязчивое письмо. А поскольку любовь по сути своей опасна и несдержанна, отважна и непредсказуема, в ней все или почти все может стать преступлением. Даже ту духовную любовь, которая, по словам апостола Павла, «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит», — и ту кротчайшую любовь нелегко удержать в границах приятного и дозволенного. Что же говорить о любви-страсти, любви-вожде, любви исконно преступной, ибо преступающей... Не потому ли психоанализ стал общенациональной американской религией, что свобода другого слишком дорого обходится нашей душе — приходится многое подавлять в самом себе. И отводить душу на кушетке у ласкового врача, продающего тебе свободу самовыражения по три—пять долларов в минуту.

Сердцееду и чарователю в Америке тесно везде, кроме, быть может, Нью-Йорка. Самый известный американский плэйбой, неутомимый Генри Миллер, лучшие свои годы провел в Париже. Разглядывая томно-доступных красавиц «Плэйбоя», что по-русски переводится как «повеса», не стоит забывать других производных того же корня: «повесить», «висельница», «висельник». Эта ассоциативная связь в Америке не сводится к словесной игре, но становится системой подзаконных актов. Героям Рабле, Мопассана и даже самому Петrarке, писавшему любовные сонеты безмятежно-замужней Лауре, въезд в Америку не рекомендуется.

Авиаконструктор АКИШИН:

«САМОЛЕТЫ

СДЕЛАЮТ

И БЕЗ

МЕНЯ...»

Жизнь Саши Акишина начиналась трудно, как и у всех, чье детство пришлось на военные годы. Рос в старом московском районе — на Таганке. Большая семья бедствовала. В 42-м инвалидом вернулся с фронта отец, на работу его, как «психического», не брали. Чтобы хоть как-то подкормиться, пацаны совершали набеги на колхозные огороды в Кузьминках, воровали мороженую картошку и морковь. Если сторожа ловили, безжалостно лупили нагайками. Дома же, заметив рубцы, добавляли еще.

В школу Саша пошел в 43-м босиком, но зато с собственной чернильницей (казенных на всех не хватало)...

Одно из сильных впечатлений детства, запомнившееся на всю жизнь (а потом больно аукнувшееся), — военный госпиталь рядом с домом, безногие, безрукие калеки — те, кто еще недавно были молодцеватыми летчиками... И — злобно покрякивавшие на вчерашних героев няньки и санитарки.

Эти детские воспоминания всплыли в памяти через много лет, когда Александр Васильевич с ужасом узнал, что его новорожденный первенец в результате родовой травмы стал инвалидом и никогда не сможет не только ходить, но даже сидеть. Позднее, поневоле сделавшись специалистом в этой области, Акишин узнает, что это одна из самых тяжелых категорий инвалидов.

Мальчика держали дома, пока хватало сил. Но в конце концов жена не выдержала (и, зная нашу жизнь, можно ли ее упрекать?). Сережу отдали в интернат для калек, правда, навещали чуть не каждый день. Вот тогда-то, насмотревшись на быт этих интернатов, ведущий конструктор Туполевской фирмы не выдержал.

«Техника — нулевая, все делается «вручную», в лучшем случае используют обыкновенную детскую коляску. Я понял: что-то надо делать».

И сделал — специальную тележку для сына. Это немного облегчило жизнь Сережи и обслуживающего персонала. Однако довольно быстро Александру Васильевичу стало ясно, что конструкция получилась не слишком удачной. Но более удобную — а значит, более сложную — в одиночку не сделаешь.

Попросил помощи у себя в КБ и на своем опытном заводе. В ответ услышал: «Да пошел ты со своими телегами! Самолеты надо делать, а ты тут с какой-то глупостью!» Разве что чуть более вежливыми были отказы других организаций, куда в течение последующих пятнадцати лет обращался Акишин. «Кому у нас нужны инвалиды? Вы Заславского об этом спросите... Наше «самое гуманное» социалистическое общество на калек плюет. Ей-Богу, к собакам у нас лучше относятся. Инвалиды ведь и на улицах не показывают, нет, а потому что боятся. И не зря: вся культура большинства наших

сограждан — что их писать да читать выучили».

... Цель была ясна: создать для инвалидов универсальную конструкцию коляски, которую с помощью различных модификаций легко можно было бы переделывать в соответствии с типом травмы или заболевания человека.

По вечерам он оставался в КБ и на опытном производстве разрабатывал эту конструкцию, а потом сам собирал ее. Правдами, а главным образом — неправдами (с рук, переплачивая) доставал колеса, пружины, гайки — то, что называется «комплектующими». Стоило это недорого. Уже в «перестройку» два года по вечерам бесплатно работал на один из кооперативов — за 4 колеса...

Впрочем, кооперативы со временем заинтересовались им. Узнав о разработках Акишина и решив, что на них можно заработать, стали его усиленно «кадрить» — штук двенадцать в общей сложности. Поначалу загорались, но позже, вникнув как следует, какие именно нужны Александру Васильевичу материалы и детали, теряли интерес. Доставать их у смежников даже по «бартеру» типа «носки на колбасу» — головная боль. К тому же — хлопот много, а прибыль «не светит». И Александр Васильевич отвечал им взаимностью — с какого-то момента кооперативы, СП, малые предприятия вообще перестали воспринимать всерьез, просто не желал с ними иметь дело.

Примерно так же встретил он и генерального директора СП «Интерюнити» А.С.Гордона. Два года уговоров и весомое подтверждение слов делом понадобились, чтобы Акишин поверил: на этот раз все всерьез, люди, работающие здесь, действительно хотят помочь инвалидам, а не стремятся на этом заработать. Поверив, Александр Васильевич сделал решительный шаг — ушел из Туполевской фирмы. И не жалеет об этом.

За год работы в «Интерюнити» была не только разработана усовершенствованная конструкция колясок, но и налажен их серийный выпуск. Распределяются коляски бесплатно, хотя для СП это довольно дорогое «удовольствие». До конца года их будет роздано около 300. К этому же времени «Интерюнити» собирается запустить в экспериментальное производство конструкцию самоходной коляски с малога-

Тридцать три года он проработал в Туполевской КБ. А потом один из ведущих инженеров знаменитой фирмы ушел в СП. Нет, не за большими деньгами он погнался. Просто оказалось, что самое важное, долгие годы мучительно не дававшееся дело своей жизни он может довести до конца только здесь.

баритным, легким и мощным приводом. «Такой и на Западе нет», — с гордостью говорит Акишин.

— Александр Васильевич, скажите честно, ну а в зарплате-то вы все-таки выиграли, перейдя в СП?

— Выиграл. 150 рэ. Плюс ненормированный рабочий день — с утра до ночи. А еще говорят — кооперативы, кооперативы...

Дмитрий СИНЦОВ

Фото В.Шишова

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ:

«В БОЛЬШЕВИКИ БЫ НЕ ПОШЛА...»

Писательницу Татьяну Толстую мы не видели год — она жила с семьей в Америке. Этим летом ненадолго приезжала — каникулы. И снова уехала.

С Т.Толстой встретилась наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА. И первый вопрос, естественно, был таким:

— Где вам проще — здесь или там? Не в смысле даже быта — тут все ясно, — а в смысле эмоционально-творческого состояния?

— Конечно же, здесь. И дело не в ностальгии. Просто я не отношусь к писателям, которые встают утром, садятся за стол, начинают творить — и провалились все пропадом. Я люблю просто существовать, просто жить, что-то делать, с кем-то общаться, встречаться, разговаривать, смеяться, скандалить, наконец.

Ну а к тому же... быт там ничуть не легче, чем у нас.

— ?..

— Понимаю, что могу шокировать советских людей. И тем не менее это правда. Что представляет собой быт здесь? Просыпаешься утром, и независимо от того, солнышко ли светит на улице или дождь идет, есть ли у тебя настроение или нет, хорошо ли ты себя чувствуешь или отвратительно, — первая мысль: где достать жратву? Но зато сколь эмоционально насыщен наш день! Купил хлеба без очереди — радуешься. Колбасу достал — еще больше радуешься. Ну а если мяса для собачки добыл — вообще на седьмом небе от счастья. В этом смысле положительных эмоций в единицу времени советский человек испытывает неизмеримо больше, чем любой другой.

— Вы смеетесь. А если без юмора — то это счастье дикого человека, которому удалось пристрелить дикого тушканчика. И вот он несет его домой, чувствуя себя добытчиком, и думает: «Детки мои еще один денек проживут, съедят ляжки этого тушканчика, а из глазок мы супчик сварим. Шкурку на пинетки пустим. Красотища...»

— Конечно, на Западе «продовольственной проблемы» не существует. Любая еда нахально лезет тебе в глаза на каждом углу. Но поймите меня правильно — ведь это лишь минимальная часть быта. А все остальное!

Сначала ты ломаешь себе голову: что лучше — купить дом или квартиру или снять их. У мужа был контракт на один год. Значит, покупать невыгодно и глупо. Пришлось снять. Для этого долго и нудно нужно составлять договор с хозяином. В договорах мы ничего не понимаем, поэтому, чтобы не ошибиться, за безумную сумму приходится нанимать юриста — специалиста именно в этом вопросе. Наконец, все сделано — теперь

попробуй этот договор нарушы! Для того чтобы вбить в стену гвоздь, нужно испрашивать разрешения у хозяина. Значит, живем на чемоданах — я не могу считать своим домом пространство, с которым через год расстанусь...

Потом нужно страховать этот дом и участок перед ним: а вдруг какой-то пьяница, проходя случайно мимо, поскользнется и сломает себе руку или ногу, и тебе придется платить ему пожизненное пособие? Это очень дорого. И ты, как последний дурак, думаешь: либо положиться на русское «авось» — может, эта зараза и не пройдет мимо и не свернет себе шею, — либо, будь добр, выкладывай кругленькую сумму.

Отопление. У тебя в подвале стоит котел — только кнопочку нажимай. Но, как и все, это стоит денег. Чудесный выбор: либо сиди мерзни, либо раскошелявайся. Каждую секунду работы твоего кондиционера ты просто физиологически ощущаешь, как струятся твои денежки. Любой телефонный звонок в другой город — и в твоей башке оловно таксомоторный счетчик отсчитывает каждый цент. Прежде чем позвонить, задумаешься — важный это звонок или не очень...

В общем, профессорской зарплаты мужа — около 30 тыс. долларов (при том, что треть съедается налогами) — катастрофически не хватает. Мы все время в минусе...

— Может, лучше все же было этот дом купить? Была бы у вас собственность в Америке...

— Да кто же даст? Сначала тебя замучают юридическими тонкостями, общением с теми же юристами и т.д. Потом... Допустим, дом стоит 100 тыс. долларов и они у тебя есть. Никто не разрешит тебе их сразу заплатить — банку невыгодно. У тебя примут только пятую часть этой суммы, а остальное велат платить в рассрочку так, чтобы набежали дикие проценты с этой суммы. Во-вторых, никто не покупает для того, чтобы просто купить. Все покупают для того, чтобы выгодно продать. Неважно, что сегодня ты купил этот дом за 100 тысяч. Важно — сможешь ты его через год продать за 250 или за 20 тысяч.

Все это касается и шмотья. Покупаешь ты видеомагнитофон. Зачем? Чтобы здесь смотреть — тогда нужна американская система. Чтобы через год увезти его в Москву — тогда нужна мультисистема. Но, может быть, выгоднее через год его продать и гораздо дешевле купить европейскую систему. Зачем покупаешь машину? Здесь ездить или в Москву ее потом возить? Словом, на каждом углу тебя подстерегает миллион проблем.

— Застрелиться можно!

— Можно. И если серьезно включаться в этот марафон — голова действительно идет кругом. Тошнить начинает...

— Честно говоря, не ожидала, когда к вам шла, что разговор пойдет о деньгах...

— А что в этом плохого? Это же и есть мой быт там. То, чем я живу. Почему этого нужно стесняться?

Знаете, с чего начинается для меня каждое утро? Я разбираю дикое количество почты. Каждая компания навязчиво пы-

тается улучшить мою жизнь. Например: в этом месяце мне пришлось переплатить за телефон, поэтому они мне предлагают следующее — и далее десять страниц их предложений. Я должна прочитать все это, вникнуть, понять, насколько мне все это нужно... И так по любому самому пустяковому поводу.

Я уж не говорю об этих многочисленных рекламных газетах, в которых каждый день тебя зазывают во все магазины одновременно. В одном ты можешь дешевле купить две банки майонеза, в другом — масло, в третьем — шампунь. И так далее — до бесконечности. А поскольку все равно рано или поздно тебе понадобится купить и майонез, и масло, и шампунь — то лучше при этом сэкономить пять долларов, чем не сэкономить. И вот, ненавидя себя за меркантильность, ты просматриваешь каждое утро эти дурацкие газеты, где помещены купоны на дешевые товары, и вырезаешь те, что могут тебе сегодня пригодиться.

— Это издержки совкового воспитания или американцы такие же?

— Ненависть к себе при этом — наша издержка. Американцы эти купоны обожают. Целыми днями сидят и режут, режут, режут... Ловят при этом дикий кайф.

— Но, несмотря на все это, видимо, вы довольны, что на сегодняшний момент существуете в двух политических системах?

— Я существую не в двух системах, а в двух местах пространства, никак между собой не связанных. И там мне чудовищно скучно — вся моя жизнь с утра до вечера известна наперед. Все прогнозируемо. И очень многое меня раздражает.

Например, американцы обожают смотреть рекламу. Все эти сюжеты как две капли воды похожи друг на друга. И глупы до невероятности. Невозможно нормально посмотреть ни Си-эн-эн, ни фильм какой-нибудь, ни трагический сюжет из Эфиопии. Потому что в самый драматический момент, когда на экране голодающие дети, опухшие и больные, все останавливается и ты видишь, как сытые и здоровые американцы, хохоча от счастья, жрут кокосовое или арахисовое масло... Это все так ужасно, оскорбительно и бессмысленно. И у тебя в голове начинает рябить, рябить, рябить, потому что эта реклама не оставляет тебя ни на минуту. И чем ничтожнее продукт, тем крупнее реклама. И хочется отключиться от всего этого. И... невозможно. Это так скучно... Идешь в магазин, и ничего неожиданного в этом магазине тебя не ждет — ты знаешь, в каком углу данного магазина лежит тот или иной продукт. И не испытываешь никакой радости от встречи с этим продуктом.

Конечно, у нас гораздо легче и веселее — я вам точно говорю.

— И все же ваша жизнь там состоит не только из быта. Так же, как и муж, вы читаете лекции студентам. Неужели и работа не приносит никакого удовлетворения?

— Что вы? Я просто не могу описать, до какой степени американские студенты наивны, простодушны, невежественны, необразованны. И равнодушны. Это просто конец света! Им приходится разжевывать то, что у нас знает каждый первоклассник.

— Откуда же берутся интеллектуалы? Ведь существует же какая-то элита, интеллигенция? Или нет?

— Существует, конечно. Но, во-первых, это очень маленькая прослойка. Просто микроскопическая. А во-вторых, если честно, я действительно не понимаю, откуда они берутся.

Если у меня из тридцати студентов один или два действительно хотят учиться, а не валять дурака — это счастье. Как правило, это студенты, приехавшие из Индии, Китая, других восточных стран. Или стран Восточной Европы. У них существует дикий комплекс недоданности, который они пытаются восполнить. Эти студенты дурака не валяют. А средний американский ребенок — ну балда балдой. Добрый, равнодушный, с голубыми глазами, хорошей кожей, замечательным здоровьем, шикарными зубами. Они с рождения существуют в нормальной экологической атмосфере, пьют чистую, неотравленную воду, каждые полгода ходят к зубному врачу. Их ценности — это ценности нового мира. Они считают, что в здоровом теле здоровый дух. А что это означает? Не держать зла, не помнить прошлого, не лезть в чужую жизнь. Значит, и чтоб в твою — ни-ни...

— Недавно я разговаривала с Александром Кабаковым, и он сказал энергия американского общества направлена на снижение агрессии, что само по себе хорошо, но противопоставлено искусству...

— Искусство вообще вещь элитарная. А попробуй скажи это американцам — завоят от ужаса. У них очень популярен марксизм, они и к искусству относятся по-марксистски. Да. Да. Да. И среди интеллигенции все больше марксистов — страшное дело. Они не видели его практического применения!

Знаете, чем больше разбираешься в американском обществе, чем больше начинаешь понимать, тем страшнее разочарование.

— А когда вы туда уезжали, была какая-то эйфория?

— Конечно. В первый раз мы туда поехали по приглашению одного из институтов. Нас возили по самым экзотическим местам, устраивали встречи с самыми популярными писателями и самыми знаменитыми миллионерами. Мы постоянно переезжали из города в город — это всегда интересно. На нас потратили дикое количество денег. Они иногда так швыряются деньгами! Никак не пойму — зачем им это нужно?

— Что значит — зачем? В конечном итоге они же вас заманили.

— Но нас и не надо особенно уговаривать. Правда ведь?

— А в смысле творчества вам там легко?

— Я пишу для «Свободы» и для американских газет. Написала две полустатьи-полурецензии на книжки. Пытаюсь разобраться в том, что происходит в Советском Союзе, и сопоставить это как-то с Америкой. Наблюдаю за детьми. Мой старший сын был поражен примитивностью американской школы, бессмысленностью американской размеренной жизни. После каникул он категорически отказался возвращаться в Америку и остается в Москве с бабушкой и дедушкой.

— Слушаю вас и никак в толк не возьму: почему же все уезжают? И чем моложе, тем сильнее ориентированность на Запад.

— А вы разве ориентированы?

— Не знаю. Еще год назад многие советовали — в твою, мол, возрасте нельзя здесь оставаться, собирай быстренько манатки и отваливай. Ты еще сможешь в ту жизнь войти. Был период, когда я почти собралась. Но... осталась и «живу в раздвоенности»...

— Я совершенно не понимаю наших людей, находящихся в состоянии идиотского идеализма (а таких сейчас много). Ну, скажем, постоянная типично русская привычка самоуничижения: мы — гнусные, мы — грязные, мы — свиньи. Вот Запад — хороший, цивилизованный, чистый. Эй, Запад, помоги! Как же это глупо. При этом никто и не знает, что же такое Запад. Это ведь и совершенно другие национальные характеры, на-

циональные отношения. Абсолютно другие нравственные ценности и ориентиры. В конце концов, другие отношения между людьми, между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, бабушками и внуками. Образование другое. Идеи этого образования.

Конечно, можно уехать. Можно пристроиться, заработать денег и даже в какой-то степени хорошо жить. Но странное дело — пока ты в гостях, тебя обожают и обхаживают. А как только ты становишься американцем — к тебе абсолютно теряют интерес. У наших эмигрантов — даже у тех, кто сумел преуспеть, — запуганный вид. Они все равно не вписываются в американский образ жизни. Не умеют быстро работать — ходят, о чем-то мечтают, думают... Этого там не любят — нужно делать дело.

Один американский профессор мне даже с гордостью сказал: «У нас крепкая традиция к антиинтеллектуализму!»

— А чем он гордится-то?

— Вот и я про то же. У них действительно традиция чело- века ДЕЙСТВИЯ, человека ПОСТУПКА. Им непонятен и даже презираем ими человек ПРИДУМАВШИЙ, СОЧИНЯВШИЙ.

— А книжки-то они хоть читают?

— Есть культурные центры — Нью-Йорк, Сан-Франциско, Чикаго. Есть хорошие колледжи в маленьких городках. Есть люди, которые с детства ездят в Европу, знают другие традиции и другую культуру. Это ведь резко повышает уровень...

Но в целом их лозунг антиинтеллектуализма доходит до смешного. До абсурда. Недавно я общалась с одной семидесятилетней милой дамой. У нее муж — профессор в университете, преподает гуманитарные предметы. Сама она — школьная учительница. По нашим меркам — интеллигентная семья. И вот она говорит мне с недоумением и дурацким восторгом: «Мы недавно были в Италии. Так можете себе представить, там на каждом углу — статуи. Просто невероятно. Один со шпагой. Другой — на коне. Третий — в шляпе. Так интересно!»

Как же можно было дожить до семидесяти лет и не прочитать ни одной книжки по истории или искусству, не пролистать ни одного альбома? У них же в каждом магазине, на каждой улице — книги. Ну нет у тебя денег, так просто ради любопытства — подойди, пролистай. У нас любой школьник — был ли он за границей, нет ли — все-таки знает, где находятся и что из себя представляют Венеция, Париж, Рим и т.д. Нам — интересно. Им — нет! Поэтому они и такие безумно доверчивые. Обмануть их ничего не стоит.

Однажды наш приятель Зиновий Зиник, разозлившись по целому ряду причин на одного американца, провел эксперимент. Сказал ему, что Москва стоит на семи холмах и каждый год там бывают наводнения: вода поднимается на 7—10 метров. Поэтому богатые люди строят дома на высоченных сваях, а бедняки живут... на деревьях. На разлапистых ветках ставят деревянные домики, которые называются «сква-реш-ник». Американец поверил, честно записал в блокнот название наших домов, обучился русскому произношению, и одним дураком на свете стало больше. Где еще, если не за границей, можно так повеселиться русскому человеку?

— Ну а помимо веселья? Что-нибудь, кроме статей, вы там пишете?

— Я понимаю, о чем вы... В принципе мне все равно, где писать — дом, комната, стол, компьютер, — сиди и работай. Какая разница, где все это расположено? Но я ощущаю себя как бы вынутой из грибницы, оторванной от корней. И не только в творчестве, но и в быту. И можно пролежать какое-то время как бы законсервированной. Но сколько понадобится времени, чтобы забыть «настоящую» жизнь? Чтобы она отошла в небытие и перестала казаться настоящей?

— Значит, живая там, ждете возвращения сюда?

— Конечно. Но, приезжая сюда, совершенно не уверена, что

мне хочется здесь расположиться навсегда. Здесь, конечно же, все хуже и страшнее, чем мы себе там представляем. Из-за недостатка информации мы идеализируем происходящее здесь.

Сейчас в Москве я отдыхаю и испытываю невероятное счастье — сижу здесь на балконе, звонят корреспонденты. Расчувствовались, что я приехала. Приятно, хоть и раздражает слегка. Болтаю по телефону и не думаю, сколько это стоит. Общение дорогого стоит. Там, в Америке, это ощущаешь особенно остро. Едешь за каким-нибудь знакомым полтора часа в другой город, привозишь к себе, кормишь обедом, просишь рассказать что-нибудь интересенькое. Ведь скучно...

— Вы уже несколько раз произнесли слово «скучно»... Странно это. Ведь американский образ жизни в нашем представлении такой замечательный — крепкая, здоровая, благополучная семья, любовь и забота о детях... Разве это может быть скучным?

— Показуха сплошная. Даже на уровне Президента. Буш с Барбарой поддерживают семейные ценности (так же как Рейган с Нэнси), изображают невероятную любовь к детям, убогим и животным только потому, что это дает преимущество на выборах: ведь в целом американское общество ужасно консервативно. Если бы оно состояло преимущественно из хиппи, волосатиков и наркоманов, то уверяю вас, Буш ходил бы с волосами до пят, а Барбара колосась бы публично, обстриглась наголо, нарисовала бы на щеках умопомрачительные цветы, натянула потертые драные джинсы и гуляла бы в таком виде по улицам...

— Там вам скучно, но и здесь как бы не веселее...

— Ну конечно. Зло берет — такую конфетку можно было бы сделать из этой страны. Так нет... Каждый мелкий «предприниматель» гордится — вот, дураков обманул. Нахалпал быстроенько в карман и — концы в воду. А все потому, что львиная доля людей отсидела свое по тюрьмам да лагерям, научилась тому, что раньше не знавали... Да еще и правительство — главный бандит. И веры ему нет никакой. А раз веры нет — значит, не может человек дела нормального завести, боится, что в любой момент его надуют. Вот и надуют сами. И правильно, между прочим, делают.

— Да. Самая большая беда — никто не работает на завтра. Всех волнует сиюминутное состояние собственного кармана.

— Только на хап. Только на хап...

— А вот ваши брат и отец заседают в Верховном Совете РСФСР. Как вы к этому относитесь? Год назад мы все радовались, что туда попали умные, честные, порядочные люди, которым еще можно верить. Сегодня оснований радоваться поубавилось. Они же в конце концов наукой занимались... Может, зря бросили?

— Заняться-то им есть чем. Отец в университете преподает. А брат пошел в политику только потому, что давным-давно заниматься наукой в нашей стране стало невозможно. Он работал в оптическом институте, изготавливал сверхчистое стекло. Но никому ведь это все не нужно. Идиотские условия, дурацкие игры с министерствами. Надоело биться головой о стенку.

— Так в Верховном Совете то же самое!

— Но поначалу были какие-то иллюзии. А потом выяснилось, что половина Верховного Совета — идиоты-коммунисты, условно говоря, правые. Другая половина — левые, демократы — не умнее. Вот и бьются одни дураки с другими. Очень весело. Полный бред.

— Но все же были, значит, иллюзии.

— Были надежды. Но они стали весьма иллюзорными.

— Так может, действительно, не стоит ничего делать? Пусть все идет так, как идет.

— Стоит. А что еще делать, как не пытаться что-то изменить?

— Но вы-то все равно завтра уедете еще на год...

— Да. Потому что там денег мало, а здесь — вообще ноль. Муж получал зарплату 300 рублей. Я вообще не работала. Как можно прожить на эти деньги вчетвером со взрослыми детьми? А там сыновья откормились. Здесь-то мы на кашах сидим — чтобы фрукты кушать, нужно крутиться как белка в колесе, бегать, высунув язык. О каком творчестве тогда говорить? Для любого творчества нужна стабильность.

— Вы приехали всего на месяц, вырвались из скучной и однообразной жизни. Неужели не хочется включиться в какую-нибудь борьбу? С Союзом писателей, например?

— А толку что? Если завтра весь этот Союз писателей провалится сквозь землю и от него пойдет дым, как от перезревшего дождевика, — никто этого даже не заметит. Какой же смысл соединяться, разъединяться, группироваться, интриговать? Все равно грядет коммерция на книжном рынке. И слава Богу! Пусть грядет.

— Не-верю, что вам не хочется хоть что-то сделать.

— Хочется. Но как? Что? Пожертвовать какие-нибудь деньги в какой-нибудь фонд? Завтра же выяснится, что коммуняки на эти деньги купили икры и сожрали...

— Но ведь ничего не делать так же скучно, как вырезать по утрам купоны и решать, где дешевле купить майонез...

— Я по природе — наблюдатель. Наблюдать страшно интересно! Смотришь и думаешь — Боже, какой замечательный театр абсурда, театр глупостей, театр дураков (или придурков?). Вчера, например, включаю телевизор и вижу, как патриарх Алексий освящает новую товарно-сырьевую биржу (или старую?). Полное ощущение всеобщего безумия. Большого бреда я в своей жизни не видала. Зачем мы все, взрослые люди, играем в эти игры? Ну объясните вы мне...

— Интересно, будучи дворянкой по происхождению, что бы вы, с вашим темпераментом и даже экстремизмом, делали в 1917 году?

— В большевики бы не пошла — мне не нравились бы тогдашние рабочие, их идеи и установки. Не нравилась бы внутрипартийная дисциплина. В общем, что-нибудь от них меня обязательно оттолкнуло бы... В эсеры бы не пошла, потому что не могу убивать. В террористы — по той же причине.

Что бы я делала?.. Интересно...

Безусловно, по глупости и наивности считала бы революцию избавлением. Ведь к революции призывали все — от Блока до не знаю кого... Потом бы я первой пала ее жертвой. Потому что вряд ли представляла бы себе, что революция — это когда народ вваливается в твой дом, тебя убивают, забирают все цацки, а рояль пускают на растопку печи... И все же спокойно не сидела бы. Как можно было спокойно сидеть в то время и не мечтать, чтобы все взлетело к чертовой бабушке?

— А сейчас можно спокойно сидеть и не мечтать о том, чтобы все взлетело?

— Это уже столько раз было. И каждый раз после этого становилось все хуже и хуже. Так что даже при самом горячем эмоциональном желании все взорвать я все же поостереглась бы сегодня бросаться бомбами. Да и в кого? Ну уберут Горбачева, Ельцина. Дальше что? Я не вижу реальных людей, которые действительно могли бы что-то сделать... Да и народ темен, запуган, забит, несчастен — по деревням одни бабы, потому что мужики все с тракторов пьяные попадали давно. К чему же призывать сегодня?

— Ваш негативизм — это свойство характера?

— Не думаю. Просто у меня повышенная раздражаемость, которая, кстати, не приводит ни к каким действиям. Раздражаясь, я лучше воспринимаю окружающий мир. Но при этом вовсе не могу предложить тот или иной способ его переустройства...

Григорий ПОМЕРАНЦ

ДОЛГАЯ ДОРОГА ИСТОРИИ

Новая работа замечательного философа посвящена исследованию сходства и различия в развитии так называемых незападных стран, в число которых входит и Россия. Свое внимание автор сосредоточивает на главном вопросе сегодняшней истории нашей страны: как своими силами выбраться из тупика утопии, как «подогнать» по себе мировой опыт XX века.

Предлагаем вашему вниманию одну из глав статьи, которая полностью будет опубликована в журнале «Знамя».

БЕСПОЧВЕННЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Характерная особенность незападных стран — своеобразный общественный слой, получивший в России название интеллигенции. Термин «интеллигенция», войдя в быт, получил новые значения, соответствующие положению работников умственного труда в советские десятилетия. Однако первоначально интеллигент — это не всякий работник умственного труда, а специфический тип, возникающий где-то на полдороге между книжником древних и средневековых цивилизаций и интеллектуалом Нового времени.

Некоторые западные словари определяют интеллигенцию так: «русские интеллектуалы, обычно в оппозиции к правительству». Несколько подробнее ту же модель развил царский министр внутренних дел Плеве в письме к Победоносцеву: «Интеллигенция — это тот слой нашего образованного общества,

который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к дискредитированию правительственной или духовно-православной власти, ко всему же остальному относится с равнодушием».

В таких определениях есть доля истины, но, разумеется, невозможно ограничиться чисто политической и отчасти даже полицейской характеристикой интеллигенции.

Интеллигенция трагически противостоит не только правительству, но и народу, во имя которого пытается выступать, и трудно сказать, от кого она дальше. Народ часто не умеет отличать интеллигенцию от режима, отечественного или иностранного, с которым она борется. Это проявлялось, например, во время холерных бунтов. А интеллигенция колеблется между презрением к невежественному народу и обожествлением его (начиная с русской концепции народа-богоносца, кончая китайским лозунгом: учиться у рабочих, крестьян, солдат).

Так же противоречива интелли-

генция и во многих других отношениях. Она складывается в странах, где сравнительно быстро принялась европейская образованность и возник европейски образованный слой, а социальная «почва», социальная структура развивалась сравнительно медленнее. Интеллигент, вставший «в просвещенный с веком наравне», вынужден действовать в «непросвещенной» обстановке, полуазиатской или, если воспользоваться другим термином, — полуфеодальной. Отсюда трагическая расколотовость в отношении к практике. Чернышевский высмеял ее в «Русском человеке на rendez-vous»; а Добролюбов — в статье про Обломова, думая, что говорят только о дворянах. Но Герцен был прав, ответил им: «Все мы Онегины, если не предпочитаем быть чиновниками или помещиками». Замечательный русский мыслитель Г.П.Федотов считал характерным для интеллигенции «идейность задач и беспочвенность идей». Иначе, по видимому, и не могло быть у европейски образованного слоя в неевропейской стране, народ которой сопротивлялся европеизации.

Становясь революционером, интеллигент либо рассуждает о насилии, терроре, революционной диктатуре и проч., как Иван Карамазов, но действовать предлагает предоставить Смердякову, либо сам берется за топор, как Раскольников, но тут же отшатывается от сделанного. Образы, созданные Достоевским, вернее многих научных моделей исторического процесса. В жиз-

ниться только в стороне от власти, ядро интеллигенции и в России, и в Индии состояло из людей, духовно независимых от государства, хотя иногда и вынужденных зарабатывать деньги службой на каких-либо второстепенных должностях.

Группа интеллигенции, пришедшая к власти, может некоторое время сохранять интеллигентность, во-первых, под влиянием традиций (если они успели сложиться), во-вторых, под влиянием ядра интеллигенции, оставшегося вне государственного аппарата. Но в конце концов она оказывается перед дилеммой: либо выпустить руль из рук, отойти от политической деятельности, либо стать такой, которой власть требует, то есть превратиться в группу функционеров. Этот процесс может быть острым и плавным, быстрым и медленным, но избежать его, по-видимому, нельзя. Этическое горение Индийского национального конгресса было очень ярким, однако переход к независимости и здесь не обошелся без трагических провалов и разочарований. Погиб Ганди, столкнувшись с народом, который он учил сатяграхе (ненасильственному сопротивлению) и который, пробудившись, стал резать мусульман. Постепенно отошли от политики Д.Пр.Нараян и другие. Развитие в целом не было таким катастрофическим, как в Китае, но ядро интеллигенции шаг за шагом отделяется от правящей партии и от политики вообще, уступает первое место специалистам и функционерам.

Судьба интеллектуального анклава модернизации в чем-то подобна судьбе этнических анклавов. Иногда эти явления накладываются одно на другое. Нации диаспоры истари несли по свету не только произведения рук человеческих, но и произведения человеческого ума и духа. Евреи завозили в Европу — и переводили на латынь — арабские рукописи, а в Турцию завезли из Европы печатный станок. Несторичане — тоже своего рода диаспора — сыграли огромную роль в распространении зачатков цивилизации по степям Азии и, возможно, подготовили триумф ислама, почти полностью истребившего их. Индийцы в ЮАР не только торговали с банту, они еще создали свой Национальный конгресс, по образцу которого банту организовали впоследствии Африканский национальный конгресс, с той же самой гандистской

идеологией. Но индийцев банту не любят, и были случаи индийских погромов.

Такие совпадения, разумеется, не обязательны. «Революционная интеллигенция» и «компрадорская буржуазия» могут быть этнически разными группами. Например, в Индии интеллигенция, в том числе и революционная, формировалась в основном из брахманов, а буржуазия складывалась из парсов, джайнов, сикхов и некоторых небрахманских каст. В России «жиды» и «студенты» сблизилась в сознании охотничьих только в XX веке, под впечатлением массового наплыва евреев, расконсервированных реформой, из черты оседлости — в революционное подполье. Однако традиции революционного подполья сложились гораздо раньше, их создавали Рылеев и Пестель, Желябов и Перовская.

Отношения анклавов модернизации с медленно и болезненно перестраивающейся, главным образом крестьянской, массой составляют, как мне кажется, основу трагедии, которая разыгрывается в западных странах. Империалисты в известный момент ступеваются, сохраняя сдержанное, достойное и довольно безопасное присутствие (как французское присутствие в Западной Африке, английское в Индии и т.п.). А местные чужаки и отчужденная от народа интеллигенция остаются и попеременно играют роль палача и жертвы. В этой трагедии, которая, кажется, еще не дошла до последнего акта, ситуация может перемениться за какие-нибудь 10 дней (которые потрясли мир), даже за 6 дней, иногда за одну ночь (как в Индонезии). Орудие торопящейся интеллигенции — террор; орудие взбаламученной массы — погром. Жертвы погрома становятся яростными сторонниками революционной диктатуры, а жертвы террора становятся, в следующем действии, яростными погромщиками. Так именно шло дело в Индонезии во время и после событий 30 сентября 1965 года. В более сложных формах то же можно проследить в других странах. Например, Сталин использовал еврейские кадры для коллективизации, а выходцев из деревни — для «борьбы с космополитизмом».

Поэтому, мне кажется, неверно, что «главная трагедия нашего времени — это трагедия крестьянина» (Солженицын). Нельзя закрывать глаза на то, что индонезийские

крестьяне вырезали за короткое время полмиллиона безбожных космополитов (в данном случае — китайцев и коммунистов), сплошь и рядом вместе с семьями, с женами и детьми. Но так же неверен и противоположный тезис, который я, увлекшись полемикой, защищал в шестидесятые годы, — что (если перефразировать А.И.Солженицына, хотя у меня это выражалось другими словами) «решающая трагедия нашего времени — это трагедия интеллигента». Можно сказать, что пока на земном шаре большинство людей — крестьяне; но на это можно возразить, что интеллигенция — предшественница завтрашнего большинства или что трагедия вообще не меряется массовостью. Однако все это этически несущественно, а существенно другое: если один из протагонистов — главная жертва, то другой — главный палач. А палачей нечего жалеть. Как сказал Сен-Жюст, «снисходительность к тиранам — это безжалостность к их жертвам». Из сенжюстовской точки зрения вытекают все попытки окончательной ликвидации какого-то класса или окончательного решения какого-то национального вопроса. «Но у мужчин идеи были. Мужчины мучили детей» (Н.Коржавин).

Сейчас мне кажется правильной только та точка зрения, на которой стоит Ф.Абрамов в романе «Две зимы и три лета». Абрамов всегда на стороне жертвы сегодняшнего дня. Он не удивляется и не возмущается, если завтра она становится палачом, принимает это, как смену зимы летом и лета зимой, но принимает, не присоединяясь. Не присоединяясь ни к сегодняшней ненависти и к сегодняшней жестокости, ни к ненависти, которую она вызывает, и всегда готов опять принять в свое сердце кающегося грешника. Самая потрясающая сцена романа — та, где бригадир Михаил во время половодья везет на дровнях из больницы мертвого Тимофея, обнимая (чтобы не смыла река) труп человека, которого вчера отдавал под суд за саботаж, а сегодня во что бы то ни стало хочет похоронить на родном кладбище. Мне кажется, что никакой другой подход к трагедии этически немислим. И на политическом уровне — нет другого выхода из половодья взаимной ненависти.

ПРЕДСТАВЬТЕ: У ВАС НА ШЕЕ ПУШИСТАЯ КОШКА — следовательно, ваша шея теплеет

Примерно так, упрощенно, конечно, можно представить метод психокоррекции, которым пользуется единственный в стране спортивный психиатр Анатолий АЛЕКСЕЕВ.

В феврале прошлого года на чемпионате Союза по современному пятиборью мастер спорта международного класса в стрельбе из пистолета выбил 179 очков из 200 возможных. Это был провал.

А через месяц на командном первенстве СССР — 194 очко. Победа! И это не было случайностью.

Советская дзюдоистка неожиданно для всех победила в схватке более сильную кубинскую соперницу. Со слезами и поцелуями она бросилась на шею человеку, стоящему рядом с татами. Этим человеком был Анатолий Алексеев.

...Он привязал к указательному пальцу моей руки длинную нитку, на конце которой висел маленький грузик.

— Так, вытяните руку. Смотрите на гирику и начинайте мысленно представлять, что она раскачивается: вправо — влево, вправо — влево...

Я сосредоточилась. Гирику понемногу стала приходиться в движение.

— А теперь я, — сказал он.

Гирику стала раскачиваться у него с какой-то фантастической амплитудой.

— Видите, — улыбнулся он, — у вас связь мозга с мышцами на «трочечку».

— А зачем она мне нужна, эта связь?

— Знаете, иногда говорят: сделай тысячу раз, на тысячу первый получится. Это порочный метод, потому что человек, делая неправильные движения, засоряет ими свой мозг. Делать правильно надо сразу, создавая в голове только предельно точный образ представляемого движения. Такой метод называется идеомоторикой. Идео, если помните, — мысль, а мотор — движение. Одним словом, от мысли — к движению.

— То есть я взяла мяч. Мысленно представила траекторию его полета в баскетбольную корзину, затем бросаю...

— Примерно так. Если у вас хорошая связь мозга с мышцами, то вы, скорее всего, попадете. Сейчас, к сожалению, в спорте тренируют главным образом тело. А ведь мозг тоже нуждается в тренировке. В этом, в общем-то, и заключается моя работа — я учу спортсменов подключать мозг.

— А как?

— Давайте возьмем простенький, всем знакомый пример. Представьте, что вы взяли в рот кусочек лимона...

— Да, сразу во рту появилась слюна.

— Конечно, ведь вы создали в голове образ, и он перешел на слюнные железы. Или, к примеру, знаете,

как вы можете согреть свою шею? Представьте, что у вас на шее роскошный лисий воротник или теплая пушистая кошка.

— Да, кажется, что-то получается.

— Все, что я вам рассказываю, — упрощенно и примитивно. Но примерно такой тренировкой я развиваю у спортсмена психомышечную связь. Потом я учу его с помощью этой связи входить в состояние полного, глубокого покоя. Частично, самогипноза, если хотите, когда мозг человека повышенно восприимчив. В этом состоянии в него можно закладывать все что угодно. Любую роль, любое поведение. И в такой вот подготовленный, дремлющий мозг мы вводим программу поведения спортсмена с помощью специальных формул — четко зафиксированных слов. Эти формулы в каждом случае различны, индивидуальны. Затем мы сводим эти фразы к одной, понятной и близкой только ему. Он проговаривает ее в голове — она тут же переходит в мышцы, и спортсмен точнехонько делает то, что надо.

— Случаются ли у вас неудачи?

— Никогда. Спортсмены всегда, подчеркиваю, всегда прибавляли в результатах, избавлялись от своих комплексов.

— А может ли ваша система помочь не спортсмену, а обычному человеку?

— Безусловно. Был у меня один знакомый мальчик, умница, эрудит, а никак не мог поступить в институт. Стоило ему подойти к экзаменаторам, как он тут же все забывал. Я научил его входить в нужное состояние, в котором он мысленно проигрывал картину успешной сдачи экзаменов. Представлял себя раскованным, улыбчивым и так далее. И в результате сдал все на отлично.

— Извините, Анатолий Васильевич, но лично вы почему-то не производите впечатление человека, довольного жизнью...

— А я и недоволен. Мне нужны ученики, а у меня их почти нет. Хочу создать школу, хочу научить людей тому, что знаю сам. Ищу энтузиастов, а их пока нет.

— А если найдутся?

— Пусть приходят, хоть завтра. И необязательно спортсмены. Я научу...

Беседовала Марина НИКУЛИНА

Малое предприятие центр красоты и здоровья «ЮЛЯ»

ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ!

Предлагаем свои услуги по оздоровлению ваших
сотрудников (за наличный и безналичный расчет).
В нашем арсенале многочисленные методы
общего и косметического массажа.

Профилактика заболеваний:

- остеохондроз;
- радикулита;
- артрита;
- полиартрита;
- гипертонии;
- гипотонии
и многое другое.

Применение новейших биосилицилатов способствует:

- восстановлению упругости кожи
лица;
- уменьшению и частичной
ликвидации возрастных
складок на лице;
- укреплению волосяного покрова
головы.

Возрастает продуктивность умственной работы,
снижаются головные боли, увеличивается острота зрения.
Специалисты придут к Вам на предприятие
в удобное для Вас время.

Здоровье ВАШИХ СОТРУДНИКОВ в ВАШИХ РУКАХ! ☎ 151-73-71

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «Невро-Мед»
ПРИ СОВЕТСКОМ ДЕТСКОМ
ФОНДЕ им. В. И. ЛЕНИНА
УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

Если ваш ребенок жалуется на головную боль, утомляемость, если Вы замечаете у него повышенную раздражительность, если он страдает нарушениями речи, если у Вашего ребенка случаются обмороки, судорожные приступы, если он испытывает трудности в общении и учебе...

Будьте внимательны — все это может быть проявлением неврологического заболевания. Помогите своему ребенку — обратитесь в медицинское объединение «Невро-Мед»!

При опасении, что Ваш малыш рискует появиться на свет с заболеванием нервной системы или наследственным дефектом, Вы можете получить консультацию по прогнозу здоровья будущего ребенка.

В «Невро-Мед» Вас ждут опытные, внимательные доктора!

Наш адрес: 113184, Москва, Большой Овчинниковский пер., 17/1, стр. 3.
Справки по телефону: 233-16-34, 232-52-86.

МГП «ОПЫТ»
УСТАНОВЛИВАЕТ
И
ПРОДАЕТ

высококачественные декодеры
ПАЛ/СЕКАМ-автомат «ФИЛИПС»,
Н Ч — вход,
шнуры на все типы телевизоров,
— перестройка звука в импортной
аппаратуре;

— установка пультов ДУ на ИК-лучах на телевизоры
УСЦТ, 4УСЦТ;
— установка дециметровых блоков (СКД).

ВСЕ С ГАРАНТИЕЙ. ☎ 477-83-68 с 8 до 22 часов.

ПРОИЗВОДИТ И ПРОДАЕТ:

— наборы мягкой мебели для офисов и холлов;
— шлакоблоки (400×200×200) для садовых домиков.

☎ 187-51-83 с 9 до 18 часов.
В КРАТЧАЙШИЙ СРОК, С ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ

ФИРМА «ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ»
предлагает

ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННУЮ КОРПУСНУЮ
МЕБЕЛЬ «ЭЛИТА»

из деревянного массива — светлый кедр.

ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ — ДЛЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ —

оборудование
офисов,
кабинетов,
домов отдыха
и пансионатов.

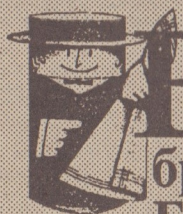
оборудование
прихожих
и холлов
корпусной мебелью
по имеющимся образцам.

Ищем
зарубежного
партнера

для создания совместного предприятия

/лес, деревообработка/

☎ в Москве 396-62-91

Вам поможет
брокерская контора
БК—309

☎ 291-14-90

121019, Москва, а/я 210

Покупать
и
продавать
на РОССИЙСКОЙ
ТОВАРНО-СЫРЬЕВОЙ
БИРЖЕ

Григорий НИЛОВ

Уважаемая редакция!

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

(ИЗ КНИГИ
«Грамматика ленинизма»)

В N 28 «Столицы» в беседе с писателем Вл. Дудинцевым я прочла: «Случайны ли были покушения на Ленина? Почему в него стреляла эсерка Каплан?» И вспомнила публикацию в журнале «Горизонт», N 1, 1991 г., из которой можно было сделать вывод, что Каплан, во-первых, не была эсеркой, а во-вторых, не стреляла в Ленина. Сообщите, пожалуйста, насколько можно верить этому заключению некоего Г.Нилова?

С.Петрова,
Московская область

Уважаемая Софья Васильевна!

Владимир Дудинцев вскользь упомянул общепринятую версию покушения на Ленина. «Горизонт» же перепечатал статью живущего в эмиграции историка Григория Нилова (Александра Кравцова), опубликованную в журнале «Страна и мир» (Мюнхен, N 6, 1989). В этой статье официальная версия подвергается сомнению. Нилов доказывает, что на самом деле покушение на Ленина было организовано людьми из ближайшего окружения вождя.

Недавно лондонское издательство Overseas Publications Interchange Ltd. выпустило книгу Г.Нилова «Грамматика ленинизма», в которой сделана попытка, опираясь на документы, заново изложить историю большевистской партии в первые послереволюционные годы. Предлагаем вниманию читателей «Столицы» фрагмент из этой книги, в котором автор более подробно обосновывает свою гипотезу об истинных организаторах покушения на большевистского вождя.

Покушение на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. Художник М. Соколов

**ВСЕМ СОВЪТАМ
РАБОЧИХ, КРЕСТ., КРАСНОАРМ. ДЕПУТ.
ВСЕМ АРМИИ, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ**

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. ЛЕНИНА. Роль тов. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран.

История этой революции была бы немыслима, если бы не было бы тов. ЛЕНИНА, который на деле и в своем сердце, и в своем уме был рабочим и крестьянским депутатом, рабочим и крестьянским депутатом, рабочим и крестьянским депутатом. Но не забывайте и то, что в этой борьбе вы все еще должны бороться и бороться.

ПРИЗЫВАЕМ ВСЕХ ТОВАРИЩЕЙ И ПОЛНЪЕМУ СПОКОЙСТВИЮ И УСИЛЕННУЮ РАБОТУ ПО БОРЬБЕ С КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ.

НА ПОКУШЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЯ ПРОТИВ ЕГО ВОЖДЕЙ, РАБОЧИЙ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ОТВѢТИТЪ ЕЩЕ БОЛЬШИМ СПЛОЧЕНИЕМ СВОИХ СИЛ, ОТВѢТИТЪ БЕЗОЩАДНЫМЪ МАССОВЫМЪ ТЕРРОРОМЪ ПРОТИВЪ ВСЕХЪ ВРАГОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Товарищи! Помните, что охрана наших вождей и вождя единственных друзей Тьесы означает сполна и полностью буржуазный и капиталистический удар. Побода над буржуазией — лучший гарант, лучшее умиротворение всех завоеваний октябрьской революции, лучший гарант безопасности вождя рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах Тьесы ради!

Крестьяне Т. Д. К. Д. Сельская

Обращение в ЦК «ВСЕМ СОВЕТАМ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ВСЕМ АРМИЯМ, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ». О ПОКУШЕНИИ НА В. И. ЛЕНИНА 30 АВГУСТА 1918 г.

Листовка

...Методы и средства осуществления своих намерений большевики ясно обозначили объявлением массового красного террора, взятием заложников и организацией концентрационных лагерей сразу после покушения на Ленина и убийства Урицкого 30 августа 1918 года.

Вот краткая хроника нарастания красного-террористической правительственной истерии:

«31 августа в газетах было опубликовано сообщение ВЦИК о покушении на В.И.Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюционными элементами и объявил, что на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции».¹

1 сентября 1918 года ВЧК заявила о том, что обнаглевшая контрреволюция поднимает голову, делая попытки вырвать из наших рядов вождей рабоче-крестьянского дела. Предательский выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом. Призывая трудящихся сплотить ряды и дружным напором раздавить гидру контрреволюции, ВЧК указывала: «Преступная авантюра с.р., белогвардейцев и всех других лже-социалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором».²

Очевидно, 1 сентября 1918 года было днем рождения большевистской охранной логики, позволяющей, когда необходимо, отождествлять действия против «вождя» с действием против «класса». Позднее по этой логике противники и соперники вождей станут «врагами народа».

Эти лаконичные заявления ВЧК содержат еще две интересные детали. Первая: с момента покушения на Ленина не прошло и двух суток, Фанни Каплан еще допрашивают, и она упорно отрицает свою связь с какой-либо организацией, но ВЧК без тени сомнения называет организаторов преступления.

Вторая: очередность перечисления контрреволюционных организаций; на первом месте — социалисты-революционеры, то есть вчерашние соратники большевиков, на втором — белогвардейцы — контрреволюционеры по определению и, наконец, на третьем — «все другие лже-социалисты». А кого большевики называют лже-социалистами? Всех социалистов-небольшевиков. Короче говоря, «кто не с нами, тот против нас». Таким образом, массовый красный террор теперь логически обоснован.

«2 сентября ВЦИК, заслушав сообщение Я.М.Свердлова о покушении на жизнь В.И.Ленина, принял резолюцию, в которой предупредил прислужников российской и союзнической буржуазии, что за каждое покушение на деятелей Советской власти будут отвечать все контрреволюционеры и их вдохновители. «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти, — говорилось в резолюции, — рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».³

Народный комиссар внутренних дел Г.И.Петровский подписал приказ, в котором потребовал от местных властей положить конец расхлябанности и миндальничанью с врагами революции, применяющими массовый белый террор против рабочих и крестьян. В приказе предлагалось взять из буржуазии и офицерства заложников и при дальнейших попытках контрреволюционных

выступлений в белогвардейской среде применять в отношении заложников репрессии.⁴

Подтверждая законность применения красного террора, Совет Народных Комиссаров объявил 5 сентября 1918 года, что все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежат расстрелу.⁵

Итак, массовый красный террор получил не только логическое, но и «законное» обоснование. И еще раз обратим внимание на охранную логику большевиков: если 1 сентября «выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом», класса, понятно, многочисленного, то 2 сентября в приказе Петровского уже клеймится «массовый белый террор против рабочих и крестьян». За сутки к рабочим прибавились и крестьяне. Неясно, правда, «в целом» или частично. Массовость белого террора, как видно, катастрофически возрастала. А на массовый белый террор логично отвечать массовым же красным террором. Логично. Если согласиться с тем, что выстрелы в Ленина равнозначны стрельбе по рабочим и крестьянам «в целом».

Очень не хотелось бы, чтобы все высказанное здесь неодобрение «массового красного террора» и его организаторов воспринималось хоть в малейшей степени как одобрение покушений на красных вождей. Испытывая отвращение ко всякого рода террору, как массовому, так и индивидуальному, считаю, однако, необходимым пристально рассмотреть события 30 августа 1918 года, поскольку анализ ряда странных обстоятельств совершения и расследования покушений на Урицкого и Ленина поможет в дальнейшем выяснению наиболее вероятных истинных целей лидеров большевизма. Для этого сначала приведем описание самих покушений, взятое из книги Д.Л.Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР» (М., Политиздат, 1975):

«30 августа в девятом часу утра на Дворцовой площади появился велосипедист. Он остановился у дома № 6, где помещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Велосипедист — молодой человек в кожаной куртке и фуражке офицерского образца — поставил велосипед у подъезда и вошел в здание. В комиссариате был приемный день. В вестибюле ожидали посетители, и никто не обратил внимания на молодого человека, который уселся в кресло неподалеку от входной двери.

Около десяти часов утра к зданию комиссариата подъехал в автомобиле народный комиссар внутренних дел Петроградской коммуны и председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии М.С.Урицкий. Он прошел через вестибюль, направляясь к лифту. Швейцар открыл дверь лифта — и вдруг раздались выстрелы... Стрелял неизвестный в кожаной куртке, который, увидев Урицкого, подошел к нему вплотную и сделал несколько выстрелов из револьвера. Урицкий, смертельно раненный в голову, упал и на месте скончался. Убийца выбежал на улицу, схватил свой велосипед и пытался скрыться. Но вызванная дежурным швейцаром охрана погналась за ним на автомобиле по Миллионной улице. Бросив велосипед, покушавшийся вбежал в подъезд Английского собрания. Через несколько минут переодетый убийца (поверх кожаной куртки на нем было пальто) пытался выйти на улицу, но увидев красноармейцев, открыл по ним стрельбу и был схвачен.

В Чрезвычайной комиссии убийца назвался Леонидом Канегиссером, студентом 4-го курса Политехнического института, 22 года. Он заявил, что является социалистом, но называть партию, к которой принадлежит, отказался. Свое преступление объяснил политическими мотивами, утверждал, что действовал один, по собственной инициативе, вне связи с какой-либо организацией или партией.

В день, когда был убит Урицкий, приблизительно в 7 часов вечера в Замоскворецком районе Москвы на заводе бывш. Михельсона состоялся митинг, на котором Ленин выступал с докладом. Когда собрание закончилось, Ленин направился к выходу, во двор завода. Уже во дворе, около автомобиля, он остановился, продолжая беседу с рабочими. В это время один за другим раздалась три револьверных выстрела. Толпа отхлынула, рассыпалась в сторону. У автомобиля недвижимым остался лежать тяжело раненный двумя пулями Владимир Ильич. Третьей пулей была ранена беседовавшая с ним М.Г.Попова — кастелянша Петропавловской больницы.

Шофер Ленина С.К.Гиль, находившийся в автомобиле, в момент стрельбы заметил на расстоянии не более трех шагов от Ленина какую-то женщину с револьвером в руке. Он выскочил из машины, рванулся к этой женщине, но она бросила ему под ноги револьвер и скрылась в толпе. Раненого Ленина поместили в автомобиль и повезли в Кремль. А в это время случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С.Н.Батулин бросился разыскивать убийцу. Вот что он потом рассказывал: «...добежавши до так называемой «стрелки» (трамвайной линии. — Д.Г.) на Серпуховке, я увидел... позади себя, около дерева... с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования... Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чья в ней лицо, покушавшееся на товарища Ленина: «Зачем вы стреляли в товарища Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?». На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в товарища Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в товарища Ленина?», на что она утвердительно ответила...

Террористку привели обратно на завод. Здесь ее опознал и председатель заводского комитета Н.Я.Иванов, приметивший ее еще до начала собрания, когда она подслушивала разговоры рабочих о скором приезде В.И.Ленина...

С.Н.Батулин и заводские рабочие-активисты доставили преступницу в военный комиссариат Замоскворецкого района, куда вскоре прибыли работники органов следствия. В расследовании приняли участие заместитель председателя ВЧК Я.Х.Петерс, народный комиссар юстиции Д.И.Курский, член коллегии НКЮ М.Ю.Козловский, председатель Московского революционного трибунала А.М.Дьяконов, член ВЦИК В.Э.Кингисепп, начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н.А.Скрыпник и др.

Террористка назвалась Фаней Ефимовной Каплан, 28 лет... Преступница упорно скрывала соучастников злодеяния и изображала его «индивидуальным» по-

литическим актом. Она упрямо твердила: «Ни к какой партии не принадлежу... Я совершила покушение лично от себя. Революцией я была недовольна — встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это...» На вопросы об оружии, которым она стреляла, о найденных у нее деньгах и железнодорожном билете Томилино — Москва она отвечала: «Из какого револьвера я стреляла, не скажу... Кто мне дал револьвер, не скажу... Когда я приобрела железнодорожный билет Томилино — Москва, я не помню... В Томилино я не была. Откуда у меня деньги, я отвечать не буду».

На этом можно закрыть описание покушений 30 августа, приведенное Д.Л.Голиновым из журнала «Пролетарская революция» NN 6—7 за 1923 год. Такое двойное заимствование может вызвать некоторое недоумение: если автору данной работы могли быть недоступны столь важные государственные документы, как материалы следствия по делу Каплан и Канегиссера, то следователь по особо важным делам в прокуратуре СССР Голинов должен иметь к ним доступ; почему же он не сам описывает факты на основании первичных документов, а заимствует их описание из публикаций пятидесятилетней давности? Это недоумение разъясняется довольно просто и удачно для данной работы. Дело в том, что в тоталитарных государствах описания событий такого ранга, как покушения на вождей, могут существовать только в канонизированном виде. Любые отклонения от канонизированного текста для печати исключены. Да и кто решится на такие отклонения? Более того, покушение, не имеющее канонизированной версии, не должно вообще упоминаться на страницах советской печати. Так, например, за последние два десятилетия до «гласности» нельзя было найти даже намека на убийство С.М.Кирова, поскольку при Сталине по официальной версии этот вождь был убит заговорщиками «правотроцкистского блока» — Бухариным, Рыковым, Ягодой... а при Хрущеве на XXII съезде партии выяснилось, что убийство Кирова было организовано НКВД по приказу самого Сталина. Полуофициальная полуревабилитация Сталина и сталинизма в послехрущевское время не позволяла создать для этого преступления канонизированного описания, примиряющего обе версии или зачеркивающего одну из них, а потому само убийство Кирова для печати просто перестало существовать. Вождь однажды как бы переместился в лучший мир. Без видимых на то причин. Столь же незаметно покинули этот мир и его убийцы.

Разумеется, канонизация таких описаний менялась соответственно идеологическим колебаниям «генеральной линии» партии. Так, при Сталине была принята театрально-драматизированная версия событий 30 августа, продержавшаяся до конца 50-х годов. И еще в 1960 году в книге доктора исторических наук профессора П.Г.Софинова «Очерки истории ВЧК» те же покушения описаны следующим образом:

«Утром 30 августа эсер Кенигиссер, агент Савинкова и англо-француз, убил в служебном кабинете председателя Петроградской Чрезвычайной комиссии М.С.Урицкого».

Как только об этом стало известно в Москве, В.И.Ленин предложил Дзержинскому немедленно выехать в Петроград для принятия решительных мер против белого террора. Уезжая, Ф.Э.Дзержинский дал указание начать этой же ночью ликвидацию заговора Локкарта. 31 августа Ф.Э.Дзержинский приказал

произвести обыск и аресты в здании английского посольства в Петрограде...

По окончании митинга на заводе Михельсона В.И. Ленин, сопровождаемый рабочими, вышел из гранатного цеха и направился к машине. Неожиданно раздался выстрел, за ним второй и третий. Две пули впились в тело Ленина. Он упал в нескольких шагах от машины. Как впоследствии выяснилось, пули были отравлены ядом.

Стрелявшая в В.И. Ленина террористка пыталась скрыться, но дети рабочих, находившиеся во дворе завода и видевшие преступницу, указали на нее рабочим. Она была схвачена и доставлена в ВЧК.

Фанни Каплан, стрелявшая в Ленина, оказалась членом партии эсеров, которая по заданию англо-французских империалистов организовывала террористические акты против руководства Коммунистической партии и Советского правительства.

Раны, нанесенные Владимиру Ильичу, были тяжелыми. Много часов пролежал он в бесспамятстве. Только на третий день врачи с уверенностью сказали, что Ленин будет жить. Железный организм Ильича победил ранение и яд.

За 15 лет, что прошли между изданием книг Софинова и Голикова (1960—1975), эсер Канигиссер стал студентом Канегиссером⁶ и переместился из кабинета Урицкого в вестибюль ВЧК; дети рабочих превратились в помощника военного комиссара Батулина, а из пули испарился яд. Незаметно исчезли и англо-французские империалисты, остались только доморощенные злодеи — эсеры. Надо сказать, что и все досталинские свидетельства о ранении Ленина обходили молчанием ядовитость выпущенных пуль:

«Доктор Вейсброд рассказывает о болезни Ленина:

Мы вместе с д-ром Обухом были первыми приглашены к тов. Ленину, после его ранения в 1918 году. Я пользовал его тогда в течение продолжительного времени и могу удостоверить, что тогда у него не было никаких внешних проявлений склероза. Мы поражались быстроте сращения кости и рассасывания кровоизлияния в полость плевры. Сердце Владимира Ильича работало великолепно, и рана очень быстро заживала.⁷

Никаких упоминаний о вредоносном действии яда! Так же, как и в бюллетенях о здоровье Ленина, ежедневно после ранения публикуемых «Известиями», хранящимися теперь в Центральном музее В.И. Ленина в Москве. Правда, сотрудница музея, проводя экскурсии, разъясняет слушателям, что пули были отравлены, но яд не действовал: «Не смогли эсеры достать в то время доброкачественный яд кураре». Ну, конечно же, кураре! Не те эсеры террористы, чтобы начинать пули простеньким цианистым калием!

Разумеется, отравленные пули — не единственная легенда; сложная при сталинизме о покушении на Ленина: многие до сих пор уверены в том, что Каплан по воле самого Ленина была помилована и до конца дней своих работала библиотекарем в Таганской тюрьме. Эта сторона действительности, не раскрашенная экзотическим ядом и легендарным милосердием, но зато подтвержденная газетами тех дней, выглядит приблизительно так:

«В напряженных условиях того времени ВЧК расследовала обстоятельства убийства М.С. Урицкого и покушения на жизнь В.И. Ленина. Это было трудное

дело. Непосредственные исполнители террористических актов Канегиссер и Каплан отказались назвать сообщников и раскрыть связи с какими-либо политическими организациями. ВЧК вынесла решение о расстреле их 3 сентября 1918 года комендант Московского Кремля П.Д. Мальков выполнил постановление о расстреле Каплан; был расстрелян в Петрограде и убийца М.С. Урицкого — Канегиссер.

Центральный комитет партии правых эсеров официально в печати заявил: «Ввиду поступающих со стороны местных организаций запросов по поводу убийства т. Урицкого в Петрограде и покушения на т. Ленина в Москве, Центральный комитет партии социалистов-революционеров заявляет, что ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет».

Лишь в 1922 году обстоятельства покушения на жизнь В.И. Ленина были раскрыты во всей полноте.

Последнее утверждение Голикова нуждается в уточнении: в наибольшей полноте обстоятельства этого покушения «были раскрыты» в 1938 году, когда выяснилось, что его организовал вместе с эсерами соратник Ленина — Бухарин, который потом, как и яд отравленных пуль, тихо испарился из «всей полноты» преступления.

И еще некоторые уточнения, показывающие, что текст Голикова — всего лишь очередное, далекое от всей полноты описание августовских покушений.

В Центральном музее В.И. Ленина выставлен для всеобщего обозрения подлинник воззвания ВЦИК от 30 августа 1918 года:

«ВСЕМ СОВЕТАМ рабочих, крест., красноарм. депут., всем армиям, всем, всем, всем»

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов...

Председатель ВЦИК
Свердлов»

Правые эсеры как авторы покушения останутся в его описаниях до наших дней, их англо-французские хозяева продержат еще 40 лет, а вот второй «стрелявший» в Ленина между 30 августа и 3 сентября 1918 года бесследно исчез из истории этого покушения. И из жизни тоже. Как удалось выяснить в музее: «Им оказался некто по фамилии Протопопов — злейший враг Советской власти. Сам он не стрелял, но помогал Каплан скрыться. Сразу же расстрелян».

Странно, однако, что Голиков, уделив достаточное внимание подробностям задержания Каплан и дальнейшей ее судьбы, ни словом не обмолвился о «втором» покушавшемся на жизнь Ленина. Странно также, что Протопопов, только «помогавший скрыться» стрелявшей Каплан, был расстрелян раньше нее.

Разумеется, обошел молчанием «второго» и доктор исторических наук Софинов.

Потеряв одного из двух преступников, немудрено да и логично было потерять и преступные пули. Там же — в музее — выставлена одежда Ленина, в которой он был ранен, — пальто и пиджак. Вышитыми крестиками обозначены на них пулевые отверстия: двумя красными — места ранения, двумя белыми и только на паль-

то — места, где пробита одежда, но не задето тело. Итого — четыре. И все — со спины, ибо красные метки — на тыльной стороне пальто. Так вот, трудно представить, что «один за другим три револьверных выстрела» Каплан могли дважды со спины ранить Ленина, пробить еще два отверстия в его одежде и ранить кастеляншу Попову, которая во время беседы не за спиной же вождя находилась. И даже если она была ранена одной из тех пуль, что насквозь прошли через пальто, все-таки для четырех пулевых отверстий нужны как минимум четыре выстрела. Приходится лишь сожалеть об исчезновении второго стрелявшего. Его револьвер мог бы очень удачно объяснить расхождение между числом прозвучавших выстрелов и количеством входных отверстий в одежде Ленина.

Однако, несмотря на столь досадные потери, придется для дальнейшего анализа августовских событий пользоваться главным образом описанием Голинкова; во-первых, потому, что оно последнее канонизированное, во-вторых, более других доступных сегодня описаний опирается на материалы 1918 года и в основном соответствует свидетельскому рассказу Гиля, приведенному в книге В.Бонч-Бруевича «Три покушения на В.И.Ленина», в-третьих, можно надеяться, что должностное положение Голинкова все-таки позволило ему хотя бы сверить свое повествование с недоступными другим авторам документами.

Рассмотрим теперь те общие для обоих покушений странности, каждая из которых может быть объяснена случайным стечением обстоятельств, но, собранные вместе, они противоречат такому объяснению.

1. Первое, что бросается в глаза, — это одновременность преступлений в Петрограде и в Москве.

Синхронность покушений имела бы смысл, если бы ответственность за них публично взяла на себя какая-либо оппозиционная партия, или организация, чтобы продемонстрировать свою решимость в борьбе с большевиками. Как известно, таких заявлений не было. Наоборот — правые эсеры, обвиненные ВЧК в организации этих преступлений, публично и ясно заявили о своей непричастности к ним, а Каплан и Канегиссер настаивали на индивидуальности своих действий.

Кроме того, трудно вообразить, что в условиях междугородной связи 1918 года подпольщики могли осуществлять столь четкую координацию своих действий. Ведь, зная о покушении на Урицкого, совершенном около 10 часов утра, Ленин мог отменить вечерние выступления или принять чрезвычайные меры предосторожности.

Остается счесть одновременность двух покушений 30 августа случайным совпадением. Странная, однако, случайность.

2. Поведение обоих преступников заставляет подозревать их в законченном безумии или намеренном самоубийстве.

Студент Канегиссер (эсер, по Софинову), отправляясь стрелять в самого председателя Петроградской ВЧК, украшает свою голову офицерской фуражкой, что в 18-м году могло стоить ему именно головы! Сделать это можно было только ради того, чтобы стать заметнее — ведь все разумные владельцы таких фуражек сняли и спрятали их еще в октябре прошлого года. Уходя от погони, он вбегает в помещение Английского собрания и там переодевается. А все переодевание — пальто поверх кожаной куртки, в которой его видели на месте

преступления. Куртку что же — забыл снять? Мог, конечно, впопыхах и забыть.

Странное поведение Канегиссера в день покушения может быть объяснено естественной для него нервозностью. Но еще до 30 августа он вел себя довольно странно. Вспоминает Марк Алданов:

«За несколько времени до убийства, Канегиссер (так у Алданова. — Ред.) с усмешкой сказал одному своему знакомому:

— N.N., знаете, с кем я говорил сегодня по телефону?

— С кем?

— С Урицким.

Больше ничего... И все-таки это очень странно».⁸

И действительно — трудно не согласиться с Марком Алдановым.

Каплан, совершив покушение на главу правительства, стоит под деревом у трамвайной стрелки с портфелем и зонтиком в руках.

Она что же — и стреляла, не выпуская из рук эти довольно громоздкие предметы? Или все же сумела, три раза выстрелив, четырьмя пулями поразить цель? Виртуозная террористка! И опытная, должно быть. А после выстрелов, швырнув под ноги Гиля револьвер, не бросила портфель и зонтик, чтобы легче было уходить от погони? Но у трамвайной линии стояла под деревом вместо того, чтобы скорее уйти подальше от места преступления? Станный убийца. Очень странный!

Ответы же Фанни Каплан на вопросы задержавшего ее Батулина не оставляют сомнения в том, что она безумна. Или — самоубийца, избравший столь странный способ свести счеты с жизнью.

3. Предположив, что преступники 30 августа — безумцы, самоубийцы или камикадзе, логично задаться вопросом: почему они в таком случае скрылись с места преступления и хоть и неловко, но пытались уйти от преследования? Ведь преступники названных категорий обычно остаются возле своих жертв. Да и зачем им скрываться?

Это недоумение постараясь разрешить, рассмотрев все странности обоих покушений. Пока же отметим еще одну — удивительную легкость, с которой покушавшимся удалось покинуть место преступления.

Можно представить, как злоумышленник в приемный день беспрепятственно проник в помещение ВЧК и сумел вплотную приблизиться к ее председателю. Но много труднее представить, что после смертельных для председателя выстрелов убийца так же беспрепятственно покинул здание ВЧК, куда случайно-то зайдя не всякий выйдет! И если Алданов утверждает, что «для простой справки или ходатайства обыкновенному, никому не известному петербуржцу едва ли можно было — даже в то время — вызвать к аппарату самого начальника Чрезвычайной комиссии», то как можно было подойти к нему, выстрелить и уйти? Странно. Очень странно!

Трудно представить «рассыпавшуюся и отхлынувшую в стороны» после трех револьверных выстрелов толпу рабочих, до этого окружавших своего классового вождя. Рабочий! Не воспитанник Смольного института! Толпу, настолько испуганную выстрелами, что преступница смогла беспрепятственно выйти со двора завода. Трудно такое представить, но возможно. И можно понять Гиля, переставшего, по его словам, преследовать Каплан ради того, чтобы вернуться к раненому Ильичу. Но следует спросить: где была и куда смотрела в тот день

Фотомонтаж «Творцы и руководители» (из фотоальбома «Октябрь», изд. 1 июня 1921 г.).

охрана главы Советского правительства? Ответ на этот вопрос дает сам Гиль:

«Охраны ни с нами в автомобиле, ни во дворе не было никакой, и Владимира Ильича никто не встретил: ни завком, ни кто другой...»⁹

Странная, однако, беспечность, но, может быть, первое большевистское правительство вообще легкомысленно относилось к своей личной безопасности? Вовсе нет. Судя по некоторым документам, оно с первых же дней своего существования заботилось об этом достаточно серьезно. Конечно, не так маниакально, как Сталин, и не столь скрупулезно, как его наследники, но

весьма и весьма основательно. Вот свидетельство Джона Рида об организации накануне Октябрьской революции охраны Смольного, где, как известно, располагалась штаб-квартира большевиков:

«Я проводил почти все время в Смольном. Попаст туда было нелегко. У внешних ворот стояла двойная цепь часовых, а перед главным входом тянулась длинная очередь людей, ждавших пропуски. В Смольный пускали... предварительно установив личность каждого и узнав, по какому делу он пришел».¹⁰

Может быть, взяв власть, большевики расслабились и перестали заботиться о своей безопасности? Никак

этого не скажешь, прочитав книгу Е.Рябчикова «За горизонтом — горизонт», где подробно описывается отъезд Советского правительства из Петрограда в Москву, состоявшийся в марте 1918 г.

«План состоял из двух частей. Прежде всего будет готовиться с шумом в газетах отъезд депутатов ВЦИК. В их распоряжение подадут на Николаевский вокзал два «царских» поезда. Один за другим с небольшим интервалом они отправятся в путь. С одним из этих поездов отбудет председатель ВЦИК Я.М.Свердлов...»

Горбунов со свойственной ему вежливостью и тактом пригласил депутатов ВЦИК в мягкие вагоны, но рассаживал их так, чтобы везде были представители всех партий, причем эсеров усадил с комфортом в первых вагонах обоих поездов. Расчет простой: из-за большевиков они сами себя взрывать не будут.

Перед отправлением первого поезда на вокзал прибыл председатель ВЦИК... Все это происходило на глазах репортеров и вокзальной публики, и всем было ясно: Я.М.Свердлов отбывает с первым поездом. Между тем, когда Свердлов дошел до последнего вагона, нарочно не освещенного, Бонч-Бруевич и Горбунов попросили его выйти из тамбура в противоположную перрону сторону. По заранее намеченному пути Яков Михайлович незаметно перешел в другой поезд и с ним отбыл в Москву.

Пришло время выполнять и вторую, наиболее опасную и сложную часть плана переезда... Чтобы сбить с толку ищущих и навести их на ложный след, будут и на этот раз отправлены два «царских» поезда с Николаевского вокзала. Они должны быть ярко освещены и выглядеть торжественно, как и полагаются правительственным поездам. Первый проложит путь и примет на себя удары. Вслед за ним пойдет с погашенными огнями, без гудков, в полнейшей тайне поезд особого назначения. После него последуют с Николаевского вокзала один за другим ярко освещенные пассажирские поезда. А между ними — наш, главный литературный...

Цыганков доложил:

— Поезду специального назначения присвоен литер 4001. Его вагоны проверены. Латышские стрелки, выделенные для охраны, разместятся по вагонам в голове и в конце поезда. Пулеметы уже доставлены. Телефонная проводка, по всему составу к паровозу готова...

Эсерствующие железнодорожники уже извещены: правительственный поезд отбывает с Ленинским с Николаевского вокзала 11 марта вечером. Для подтверждения слухов в «Известиях» набрано и сверстано объявление об отправлении правительственного поезда вечером 11 марта. Как и было задумано, объявление появилось 10 марта в утреннем выпуске газеты. Оно стало как бы сигналом: в то же утро к коменданту Смольного Павлу Малькову прибыл курьер от Комитета революционной обороны Петрограда с предписанием: обязать все караулы беспрепятственно пропустить 10 марта в 3 часа дня броневики, которые займут свои позиции у Смольного института во взаимодействии с оружейными расчетами и пулеметчиками. Броневики, артиллерия, грузовики с вооруженными матросами и готовые к бою пулеметы были призваны оградить Смольный, обеспечить безопасный отъезд правительства. И тогда же, утром 10 марта, народные комиссары и работники Совнар-

кома получили секретные пакеты с извещением: отъезд в Москву состоится 10 марта с.г., в воскресенье ровно в 10 часов вечера, с Цветочной площадки.¹¹

К этому увлекательному повествованию стоит добавить, что Цветочная площадка находилась около соединительных путей за Московской заставой, а не в районе Николаевского вокзала.

Приведенное описание переезда новой власти в старую столицу не оставляет сомнения в том, что и после победы Октября забота народных комиссаров о своей личной безопасности была более чем основательна. Отметим также, что переезд обошелся без каких-либо «преступных авантур с.р., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов». Возможно, правда, благодаря усиленной охране народных вождей.

Так где же была и куда смотрела охрана большевиков 30 августа 1918 года? И почему в октябре прошлого года Смольный охраняла и проверяла пропуска «двойная цепь часовых», а в августе 18-го в здание ВЧК проходил всяк кому не лень? Почему в марте Ленина охраняли броневики, артиллерия, пулеметы, вооруженные матросы... а в конце августа преступную Фанни Каплан отыскал лишь «случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии — С.Н.Батулин»? Может быть, после благополучного переезда в Москву Ленин вообще отказался от личной охраны? Нет, не отказался:

«Личная охрана Ленина состояла из двух человек. После того, как его ранила Каплан, число телохранителей было увеличено вдвое.¹²

Свидетельство бывшего чекиста Александра Орлова подтверждают некоторые фотографии, запечатлевшие вождя в 1918 году и выставленные в его музее. Вот 1 мая на Красной площади Ленин беседует с секретарем МК РКП(б) В.М.Загорским: в трех шагах от собеседников стоит вооруженный пистолетом красноармеец. Вот Ленин и Крупская 28 августа, то есть за два дня до покушения, выходят из здания высших женских курсов: у двери — явно несущий охрану человек в военной форме.

Так где же были вечером 30 августа эти два «телохранителя» или хотя бы один, как на первомайской фотографии, красноармеец с пистолетом? А ведь к 7 часам вечера, когда Ленин приехал на завод Михельсона, он сам и московское ВЧК уже знали, что утром убит Урицкий, и логично было усилить охрану Ленина, а не убирать ее вовсе. Очевидно же, что до ранения, а не после, «находясь в многочасовом беспамятстве», Ленин направил Дзержинскому записку с указанием по расследованию утреннего покушения:

«ЗАПИСКА Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКОМУ

30 августа 1918 г.

т.Дзержинский!

Завтра утром прилагаемые документы печатаются.

Не сочтете ли полезным произвести ночью аресты по указанному адресу, т.е. в районном комитете? Может быть, удалось бы найти нити и связи контрреволюционеров; особенно важно то, что здесь (едва ли не впервые) есть официальное удостоверение связи стреляющих с партией социалистов-революционеров.

Ленин.¹³

А почему — «стреляющих»? Разве в Петрограде тоже был «второй стрелявший»? Странная все-таки записка.

4. Если странности самих покушений 30 августа еще могут быть как-то объяснены необычным стечением случайных обстоятельств, то странности следующих четырех дней, отделяющих поимку преступников от их расстрела, никак в рамки случайного не укладываются, поскольку дальнейшие события определялись только волею властей.

Прежде всего, странно, что Каплан и Канегиссер были расстреляны без суда. И не потому странно, что тем самым были попорны традиционные представления о справедливости, предусматривающие право обвиняемых на защиту, — после взятия заложников и расстрела 500 человек из них, это не удивительно. Странно потому, что отсутствие судебного разбирательства нарушало интересы самой власти. Во-первых, если бы в ходе судебного процесса возникли хотя бы малейшие сомнения в абсолютной виновности обвиняемых, это могло означать, что настоящие преступники и их сообщники не найдены и, возможно, готовят новые злодеяния. Во-вторых, такой суд — в случае, если бы преступники были изобличены, — имел бы огромный пропагандистский эффект.

Обычно в советской литературе подобные странности принято аргументировать чрезвычайными условиями военно-революционного времени, вынудившими даже узаконить внесудебную расправу: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» — гласила статья 8-я Декрета-воззвания СНК «Социалистическое Отечество в опасности», принятого 21 февраля 1918 года. Однако этим Декретом судебное разбирательство не отменялось и не запрещалось; и военно-революционные условия позволили 21 июня того же года на открытом заседании Верховного революционного трибунала за антисоветскую деятельность вынести смертный приговор капитану Щастному.¹⁴ В тех же условиях в конце года у того же трибунала нашлось время в течение целого месяца заслушивать дело 24 обвиняемых, четверо из которых судились заочно, — Локкарт, Рейли, Гренар, Вертимон. И тем не менее эти условия не позволили, видимо, провести судебное рассмотрение хотя бы одного из двух преступлений 30 августа — дела о покушении на главу правительства — дела, давшего начало красному террору. Странно. Очень странно.

Но еще более удивительно, что это дело обошлось, по существу, и без следственного разбирательства, ибо в течение четырех дней, пусть даже суток, невозможно было выяснить все детали столь значительного государственного преступления и установить его взаимосвязь с другим, одновременным ему, важным государственным преступлением. Похоже, однако, что никто к этому и не стремился, если преступнице был задан вопрос — из какого револьвера она стреляла? Разве револьвер, брошенный под ноги Гиля, не был найден? Не доказано, что пули, ранившие Ленина и его собеседницу, выпущены именно из того револьвера, который был в руках Каплан? Поражает также, что никто из высоких должностных лиц, занимавшихся этим спринтерским расследованием, не поинтересовался тем, как располагались в момент покушения зонтик, портфель и револьвер. Зато сколько внимания было уделено билету Томилино — Москва!

В 1922 году на судебном процессе по делу группы

членов ЦК партии эсеров выяснится, что в 1918 году этот билет был тем ружьем, которое висит на стене в первом акте драмы, чтобы выстрелить в последнем:

«На суде было установлено, что Каплан стреляла из револьвера, данного ей Семеновым — командиром эсеровского «центрального боевого отряда»... Из показаний участников семеновского отряда выяснилось, что на даче в Томилино находилась конспиративная квартира отряда и там неоднократно бывала Каплан, приезжавшая из Москвы».¹⁵

Достоверность этих показаний обсудим чуть позднее, а пока отметим, что единственным результатом молниеносного следствия по делу Каплан было признание ею своей вины. И этот результат вполне удовлетворил высшую следственную комиссию!

Странно? Вовсе нет, если комиссия была уверена, что суда не будет.

Странно другое. Как известно, генеральный прокурор СССР А.Я.Вышинский только через 20 лет блестяще разработает теорию достаточности самопризнания для доказательства вины. И будет, очевидно, прав, поскольку в эти годы следствие, суд и обвиняемый, будучи одинаково уверены в полном отсутствии всякой вины, были столь же уверены в абсолютной неотвратимости наказания. Но ведь эта ситуация наступила, по весьма пространному убеждению, в 30-е годы — в начале расцвета сталинизма, а Каплан была расстреляна 3 сентября 1918 года. Должно быть, практика сталинизма несколько опередила свою теорию.

5. После ознакомления с описанием покушений 30 августа и ходом их расследования должна показаться странной и та уверенность, с которой ВЧК уже 1 сентября называла эсеров главными организаторами этих контрреволюционных преступлений. Но, как выяснилось в 1922 году, прозорливость ВЧК была отнюдь не беспочвенной.

Рядовой «центрального боевого отряда при ЦК партии эсеров» — Лидия Коноплева — со скамьи подсудимых пересказывает руководящие указания, полученные ею в 1918 году от члена ЦК А.Гоца:

«Сейчас идет открытая борьба с большевиками, с Советской властью; сейчас ситуация такова, что террористические акты нужны и необходимы для дела, которое творится на востоке... Сейчас нужны террористические акты на Ленина и других...»¹⁶

На скамье подсудимых 22-го года, разумеется, не только Коноплева каялась.

Можно, однако, усомниться в достоверности этих показаний из-за их удивительного совпадения с аналогичными признаниями «твердокаменных большевиков» на процессах 1938 года:

«Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с «левыми» эсерами, который базировался на платформе насильственного свержения Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, с последующим арестом Ленина, Сталина и Свердлова и созданием нового правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров...» (Бухарин).

«В конце 1918 года Стуков, который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но явился результатом мероприятий, намеченных в свое время блоком «левых коммунистов» с эсерами и направленных к физическому уничи-

тожению Ленина, Сталина и Свердлова» (Осинский).¹⁷

Поразительное совпадение признаний, отстоящих друг от друга на 16 лет, и современное знание приемов, которыми НКВД добивался самообвинений в 1938 году, заставляют предположить, что и в 1922 году методы ВЧК, применявшиеся для обработки политзаключенных, не отличались излишней мягкостью.

Но даже в том случае, если признания эсеров в 1922 году не были вырваны силой и они действительно организовали покушение 30 августа, придется согласиться с тем, что 1 сентября 1918 года «горячие сердца и холодные головы» ВЧК осенил дар ясновидения, ибо никаких фактических оснований для обвинения эсеров в причастности к этим покушениям тогда не было. А после признаний Бухарина и Осинского — не стало. Справедливость требует, однако, отметить, что ленинское ясновидение на сутки опережало прозрение ВЧК и отличалось удивительной конкретностью: «есть официальное удостоверение связи стреляющих с партией социалистов-революционеров».

На этом можно закончить описание странных событий в канун красного террора. Их не вызывающая сомнений взаимосвязь и высокая плотность во времени — не более четырех суток от выстрелов до расстрелов — позволяют считать, что все загадки и странности тех дней должны иметь одно ключевое решение. И если такое решение найдется, его достоверность определится тем, насколько логично оно освободит события 30 августа от их странности и загадочности.

Все названные странности перестают таковыми казаться, если предположить, что покушения 30 августа организованы самой ВЧК.

Исходя из этого предположения, рассмотрим метаморфозы странностей в том порядке, в котором они перечислялись:

1. Однодневная синхронность покушений в Петрограде и в Москве, недоступная для подпольщиков и ненужная им, несомненно, была под силу такой организации, как ВЧК. И была необходима ей — как предлог для развертывания массового красного террора.

2. Самоубийственное поведение Каплан полнее всего соответствует роли «козла отпущения»:

«Обладая сильным дефектом зрения, Каплан физически была не способна совершить покушение с той точностью, с какой оно было осуществлено. Этот же дефект зрения объясняет отчасти ее испуганный и затравленный вид. Она просто ничего не видела в темноте осенней ночи».¹⁸

Остается полагать, что «второй стрелявший» обладал завидной остротой зрения.

Канегиссеру, похоже, досталась та же роль, что и Каплан:

«Шеф Чрезвычайной Комиссии вошел в дверь и направился к подъемной машине. Посетитель поспешно сделал несколько шагов в его направлении...

Грянул выстрел. Народный Комиссар свалился без крика, убитый наповал. Убийца стрелял на ходу с шести или семи шагов в быстро идущего человека. Только верная рука опытного стрелка могла так направить пулю, — если не ошибаюсь, Канегиссер совершенно не умел стрелять».¹⁹

И если Алданов, хорошо знавший Канегиссера и его семью, не ошибается, то трудно теперь решить: кто более не способен был «совершить покушение с той точностью, с какой оно было осуществлено», — не умеющий стрелять Канегиссер или полуслепая Каплан.

На естественный контрдовод, заключающийся в признании ими своей вины, проще всего ответить вопросом: а кто-нибудь без признания ушел живым из ВЧК? Да и все признавшие свою вину, или почти все, остались там навеки. Например, «любимец партии» большевиков и ее теоретик — Бухарин.

Возможно, однако, что Канегиссеру в покушении на Урицкого была отведена роль более важная, чем просто подставного лица. Такая же роль, как Николаеву в убийстве Кирова, поскольку обстоятельства этих покушений имеют много общего: то же появление будущего убийцы на горизонте его жертвы за некоторое время до преступления (телефонный звонок Урицкому), такое же беспрепятственное проникновение в высокое советское учреждение, такой же — один снайперский и смертельный для вождя — выстрел на пороге его служебного кабинета, та же — заблаговременная, но почему-то бесполезная — осведомленность вождя о готовящемся на него покушении:

«В том же документе официального происхождения²⁰ говорится еще следующее:

«Установить точно, когда было решено убить тов. Урицкого, Чрезвычайной Комиссии не удалось, но о том, что на него готовилось покушение, знал сам т. Урицкий. Его неоднократно предупреждали и определено указывали на Канегиссера, но т. Урицкий слишком скептически относился к этому. О Канегиссере он знал хорошо, по той разведке, которая находилась в его распоряжении».²¹

О том, кто предупреждал Урицкого о готовящемся покушении и на основании каких фактов его разведка была нацелена именно на Канегиссера, «документ официального происхождения» умалчивает. Как, впрочем, и о том, была ли проведена экспертиза оружия, доказавшая, что председатель ВЧК убит пулей из револьвера Канегиссера.

3. Ненадежность охраны вождей и легкость, с которой покушавшиеся покинули место преступления, чтобы вскоре быть схваченными, специального объяснения не требуют, если покушения были организованы теми, кто руководил охраной.

4. Если организаторы преступления его же расследуют, то совсем не удивительна молниеносность следствия и отсутствие судебного разбирательства. По той же причине не вызывает удивления и поспешный расстрел преступников.

5. Не удивляет теперь и ясновидение ВЧК, в котором четко проявилась цель организации этих покушений; цель — аналогичная поджогу рейхстага в аналогичный — начальный — период власти нацистов. И результат обоих начинаний одинаков — массовый правительственный террор.

Итак, все разделы странностей четырех дней конца августа — начала сентября 1918 года могут иметь одно ключевое решение. Но, именно — могут.

Никогда уже, надо полагать, нельзя будет восстановить документально подтвержденный ход тех событий и однозначно выявить действие всех скрытых пружинок механизма запуска красного террора. И не столько потому, что «прямые исполнители» покушений 30 августа были сразу же расстреляны ВЧК, сколько потому, что:

«Далеко не все из документов и материалов, имеющихся в наших архивах, доступны сегодня для открытого исторического исследования. Хорошо известно также, что многие из документов по истории партии, в том числе и связанные с деятельностью Сталина,

были уничтожены. По свидетельству С.М.Дубровского, еще в 1924 году Сталин дал указание своему помощнику И.П.Товстухе просмотреть архив ЦК ВКП(б) и уничтожить все «ненужное».

Этими словами, открывающими книгу Роя Медведева «К суду истории», и закрывается всякая надежда на подлинную документальность истории большевизма. Ситуация, впрочем, для истории не новая и оставляющая место для сопоставления и толкования общеизвестных событий.

Приведенная цитата интересна еще и как свидетельство того, что в 1924 году власти Сталина уже хватало на указание о чистке партийных архивов. И не нашлось среди большевиков того, кто захотел бы этому воспрепятствовать. Или осмелился бы.

Оговарив таким образом, что принятое ключевое объяснение загадок и странностей конца августа — начала сентября 1918 года является одним из возможных, продолжим его аргументацию.

Прежде всего — это объяснение ни в коей мере не предполагает самостоятельности решений и действий ВЧК осенью 18-го года; ленинская записка с руководящими указаниями Дзержинскому — лучшее тому свидетельство. Более того — данное объяснение исходит из уверенности в том, что ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — КГБ — всегда лишь инструмент в руках высших партийных вождей. Инструмент как общепартийного захвата и удержания тотальной власти в стране, так и внутрипартийной борьбы лидеров за личное властвование.

Понимание двоякой функции ВЧК как партийного инструмента позволяет ответить на естественно возникающий вопрос: не противоречит ли данное объяснение тому факту, что убитый Урицкий и раненый Ленин были лидерами большевиков самого высокого ранга?

И на этот вопрос проще всего ответить встречными вопросами:

— Разве Троцкий, Киров и Фрунзе, убитые по приказу большевистского вождя Сталина, не были большевистскими же вождями самого высокого ранга?

— Разве сегодня не достоверно известно, что убийства Троцкого и Кирова были организованы и осуществлены НКВД (ВЧК)?

— Разве тайные убийства Кирова и Фрунзе помешали их причислению к лику героев движения? Разве их именами не названы города, улицы, заводы? Так же, как именем Урицкого.

— Разве убийство Кирова не послужило предлогом для развертывания нового массового террора? Так же, как убийство Урицкого. Разве в этих двух убийствах не прослеживаются одни и те же приемы их исполнения?

И после этих вопросов, наконец, еще один: много ли оснований для уверенности в том, что положение Ленина в партии гарантировало его личную неприкосновенность во внутрипартийной борьбе?

Мартиролог выдающихся большевиков — жертв тайных операций ВЧК — НКВД, конечно, длиннее здесь приведенного, но комментарии к нему увели бы данную работу в сторону от ее задач. Надо, однако, сказать, что такой мартиролог был бы в сотни раз короче перечня виднейших большевиков, объявленных «врагами народа» и нашедших свою гибель или в стенах ВЧК — НКВД, или на просторах архипелага ГУЛАГ. Но еще короче был бы перечень истинных противников большевизма, обезвреженных его «щитом и мечом». К сожалению, в самом длинном списке жертв этой организации,

списке, неизмеримом для людского воображения, — отнюдь не поборники большевизма и не его противники, а его пленники.

Аргументация выдвинутого объяснения событий 30 августа, ставших предлогом для развертывания красного террора, требует своего логического продолжения, отвечающего на следующие вопросы:

— Кто из лидеров большевизма был инициатором этих покушений?

— Почему именно Урицкий и Ленин стали их жертвами?

— Почему, оправившись от ранений, Ленин принял более чем странные результаты расследования, не назначил нового следствия и не покарал организаторов и исполнителей покушения?

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Декреты Советской власти», т.3. М., Политиздат, 1964, с. 266.
2. «Известия ВЦИК» от 1 сентября 1918 г.
3. «Декреты Советской власти», т.3, с.267.
4. «Известия ВЦИК» от 4 сентября 1918 г.
5. «Декреты Советской власти», т.3, с.291—292.
6. На самом деле — КАННЕГИССЕР Леонид Акимович (в тексте сохранено авторское написание фамилии. — Прим. ред.)
7. Ярославский Е. Жизнь и работа В.И.Ленина. М., Госиздат, 1924, с.216—217.
8. Алданов М. Леонид Каннегисер. Париж, 1928, с.25.
9. Бонч-Бруевич В. Три покушения на В.И.Ленина. М., изд. «Федерация», 1930, с.93.
10. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., Госполитиздат, 1957, с.61.
11. Рябчиков Е. За горизонтом — горизонт. М., Правда, 1984, с.6—11.
12. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж, изд-во «Время и мы», 1983, с.324.
13. В.И.Ленин и ВЧК. Сб. документов. М., Политиздат, 1975, с.108.
14. В книге Голикова — контр-адмиралу. Известный историк С.П.Мельгунов описал суд над капитаном Щастным, который спас остатки русского флота от сдачи немцам. (См. также: «Столица», 1991, N 4, с.35. — Прим. ред.)
15. Голиков Д. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., Политиздат, 1975, с.571.
16. Там же.
17. Осинский Н. (Оболенский В.В.) — член РСДРП с 1907 г., входил в редакцию большевистской газеты «Социал-Демократ», первый председатель ВСНХ, на X, XIV, XVII съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК. — Прим. ред.
18. Обе цитаты из книги «Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока». М., изд. НКЮ СССР, 1938, с.25—35.
19. Орлов А. Миф о Фанни Каплан. Тель-Авив. Журнал «Время и мы», N 3, 1976, с.131.
20. Алданов М. Леонид Каннегисер, с.31.
21. Антипов И. Очерки из деятельности Петроградской Чрезвычайной комиссии. («Петрогр. Правда». — Примечание М.Алданова.)
22. Алданов М. Леонид Каннегисер, с.23—24.

Какое счастье — кажется, наконец, и правые, и левые, и независимые издания «отработали» тему «кризиса театра». Вероятно, из критического лексикона уйдет хоть на время широковещательное местоимение «все», станут различимы конкретные люди, проступят лица творцов, и кто-то пристальней взглянется в их черты, вслушается в их голоса. Вдруг как раз они, а не новомодные астрологи составляют гороскопы нашей жизни?

У спектакля Камы Гинкаса «Играем «Преступление» (новая сцена МТЮЗа «Игры во флигеле») есть все основания стать театральной легендой: шумный успех и недоступность для широкой публики. Комната, где он идет, вмещает человек пятьдесят, и играть спектакль будет редко, так как актеры работают в разных московских театрах, а исполнитель роли Раскольникова и вовсе швед из Финляндии.

Судя по уже появившимся откликам, не стоит натужно пытаться сформулировать «главную» мысль спектакля. Слишком легко все упростить и даже перепутать. Вот я лишь обмолвилась, что Маркус Гротт выступает в роли Родиона Романовича, а так ли это? Нет, неточно. Кроме Раскольникова, он играет человека и актера (еще две роли), проникающих в персонаж, который говорит на другом языке, живет в другой стране, среди иной культуры и в системе иных нравственных представлений. В общем, употребляя модное словцо, постигающих чужой менталитет.

В постановке Гинкаса этот процесс — один из сюжетов, мотивов, двигающих действие, время и место которого равно небезразличны и для классического персонажа, и для современного любознательного актера. Ведь Маркуса Гротта пригласили не только на роль, но и на родину «Преступления...»

В комнате, где все происходит, в гулкой пустоте белых непрокрашенных стен, в неуюте незашторенных окон, можно почувствовать себя по-разному: кто-то подумает о белом листе бумаги, кому-то прикрытый в углу труп напомнит о морге,

прозекторской, чья-то фантазия окажется изысканнее. Меня же не покидало ощущение одновременного присутствия в этом пространстве прошлого и будущего. Пойманного художником переходного мгновения, когда черты уходящего еще различимы, а черты грядущего уже мерещатся, не обретая ясных контуров, формы. Разве сегодня это не одно из самых острых чувств?

Я бы назвала место действия «ма-а-ленькой комнатой в общевропейском доме». В том самом, о котором мы сейчас так много говорим и куда так истоиво стремимся. (Но, как обычно, не очень-то знаем, куда рвемся и как это должно выглядеть.) Ведь в спектакле действительно происходит встреча «наших» с «их» европейским посланником. Да и сама комната расположена вполне на данный момент символично — не в доме даже, а так, где-то возле слу-

швидетели. И мы, зрители, тоже ощущаем в себе эти две ипостаси. Не это ли сегодня и наше жизненное амплуа? Так слово «игра» по ходу спектакля вбирает все новые оттенки от простого к сложному. Уже в первой сценке вам сообщат ее условия, что в переводе на театральный язык означает — жанр.

Иностранный путешественник, прибыв на место действия с романом Достоевского в руках, будто с картой и компасом (он ведь Россию приехал познавать), у первого же встречного начинает уточнять, туда ли он попал. Тычет пальцем в книгу, бормочет что-то о студенте Родионе Раскольникове. Наш соотечественник в синем сатиновом халате (В.Горелов), с выражением весьма характерной озабоченности на лице пытается отделаться от докучливого прохожего, не выразив удивления ни по поводу его самого,

Мария СЕДЫХ

МА-А-А-ЛЕНЬКАЯ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ

жебной проходной. Театр называет это помещение старинным словом «флигель», что больше говорит о сентиментальной мечтательности хозяев, чем о реальном местоположении — сбоку приптека.

В названии спектакля важны оба слова. В них не только напоминание-информация: о литературном первоисточнике — «преступление» и о театральной природе всякого сценического действия — «игра». Сближение этих слов — «игра-преступление», словно укоротив дистанцию между двумя далекими понятиями, неожиданно высекает новый смысл, подтверждение которому — кровавая история XX столетия. Заметьте, слово «наказание», центральное в размышлениях Достоевского, здесь вовсе отсутствует. Писатель пророчил, заглядывая в будущее, Гинкас со своими актерами размышляет о настоящем, зная прошлое. Потому все герои спектакля, кроме Гротта, — и участники, и

ни в связи с упоминаемой им фамилией. Тут хоть инопланетянин приземлился — опохмелиться надо...

Не знаю, проводил ли кто-нибудь анализ наиболее употребляемых нынче слов, но думаю, «абсурд» окажется в числе претендентов на первое место. Для жителей шестой части суши оно оказалось более емким, чем для западных интеллектуалов. Быть может, поэтому высоколюбые игры Беккета и Ионеско для нас суховаты и абстрактны. Нам трудно смириться с их эстетикой, зная неэстетичность жизненных проявлений этого понятия.

В музыкальном оформлении спектакля использованы песни слепоглухонемых. Соблазнительно трактовать это символически, обозначив жанр представления как «игры слепоглухонемых». Останавливает слово «песня». Эти звуки, мучительные, томящие, что-то внутри переворачивающие, — песня. И из нее, оказывается, можно выкинуть слова.

Так и с нашим абсурдом — слова совершенно необязательны. Напрасно Гротт старается в них вникнуть. Его партнеров ведь не смущает, что они не понимают по-шведски, а отвечают они всегда впопад. Надо услышать мелодию, и тогда если и не поймешь, то почувствуешь. Сцены Раскольников с Сонечкой (И.Юркевич) так и выстроены, чтобы он это наконец осознал. Именно после ее длинного, сбивчивого монолога, в котором она с простодушной невозмутимостью, полудетским голосом, восторженно поведает о каких-то замечательных Капернаумовых, что живут в соседней комнате и все заикаются, а дети их «просто большие... а не заикаются», а жена «не то что заикается, а как будто не все выговаривает», но все «добрые, добрые, добрые», хорошие люди, Гротт что-то услышит и заметит как бы про себя, но по-

беспокойная не от поединка же следователя с подозреваемым, финал которого давно известен, исходит такой заразительный азарт? Он от актерского поединка, победа в котором каждый вечер непредсказуема.

...Говорят, женщина готова слушать все что угодно и как угодно долго, лишь бы говорили о ней. Вполне вероятно, русская душа — женского рода не только с точки зрения грамматики. И спектакль играет этим нашим свойством, играет в это наше свойство, играет об этом нашем свойстве. Играется нам, с нами, про нас.

Возможно, кто-то из зрителей даже не догадается, что режиссер занят вовлечением в сюжет и его лично. Постановщик не агрессивен; за полу зрителей не дергает, напрямую к ним не обращается. Упаси Господи, никакой публицистики, никаких фраз пророческих, бросаемых в зал. Не

жалели? Курицу? Самих себя? Что он дальше там по тексту говорит? Может быть, про слезу ребенка? Может быть. По-шведски говорит, непонятно...

...

Немного погодя уедет Маркус Гротт, намотав себе про нас что-то на ус, и будет жить дальше. Еще что-нибудь решит узнать, про Африку, например, — тоже ведь интересно. А мы останемся здесь с Сонечкой, одетой в нелепое мужское пальто, с ее нелепой истовостью, пугающей и притягательной; с нелепой бабой-журицей с топором в голове; с нелепым дылдай Разумихиным, так смешно жестикулирующим, чтобы иностранцу было понятней; с нелепым человеком в поношенной пыжиковой шапке, не подозревающим о существовании Раскольникова; с нелепо вешающимся Миколкой.

...Наверное, во всех славянских языках существует слово «лепый» — статный, ладный, прекрасный. И только в русском частица «не» приросла намёртво.

КОМНАТА ДОМЕ

О спектакле К.Гинкаса «Играем «Преступление»

русски: «Ну, теперь понятно, почему вы так живете...» Почему мы так живем?

Драматургия спектакля — путешествие иностранца по России — потребовала от русских актеров особой подлинности, человеческой и художественной. Здесь не брехтовско-любимовское остранение персонажа и актера-гражданина, а, напротив, своеобразный синтез человеческого «я» и «я» героев романа. В этот синтез на смысловом уровне входит и русская школа актерской игры. Возможно, как русский способ самовыражения.

«Наше» и «их» противостояние ярко, внятно и полнокровно выражено в дуэте В.Гвоздицкого и М.Гротта. Игра Гвоздицкого (Порфирий Петрович) вновь захватывает нервной, парадоксальной, беспощадной нюансировкой, как и в «Записках из подполья», тоже созданных в соавторстве с Гинкасом. В «Преступлении» добавляется новая тема — соревновательная, ревниво-

уполномочивает на это и Федора Михайловича...

Гинкас не философствует, а, как и обещал, выстраивает театральную игру, заставляя нас испытывать живые, порой острые ощущения. Вот, к примеру, эпизод с курицей.

Белая курица мечется по комнате — то ли покойницам принадлежала, то ли со двора забрела — и отвлекает Раскольникова от нервного разговора с Аленой Ивановной (Л.Ларионова) про заклад, про проценты и прочее. А на сцене, то есть в комнате, естественно, есть топор. И вот они разговаривают, поприжав курицу, чтобы не мешалась, а топор перед глазами маячит. И раздражены друг другом очень. Теперь уже не вспомнить, по-шведски или по-русски здесь говорил Гротт, потому что зал замер, оцепенев в ожидании — прикончат или нет эту несчастную курицу? Пронесло. Полегчало. Но из головы не уходит: за кого страшно было в этот момент? Кого мы

Фото И.Кравченко

«НЕТ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ЗАБВЕННО...»

Выставка «Столетье безумно и мудро. XVIII век. История и легенда»

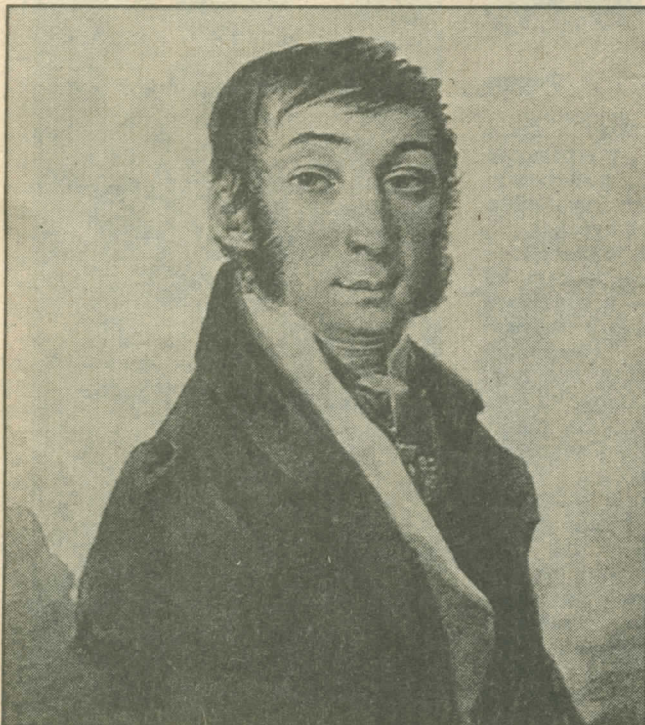
Государственный литературный музей

В конце века мы, как дети, играем в осколки прошедшего: трясем в калейдоскопе картинки с изображениями странствий и битв, тянем за усы императоров, норючим щелкнуть по носу мудреца. Может быть, оттого нас отпугивает строгая точность музеев — это ведь самый надежный способ напомнить нам, что именно от нас остается. Редкий прохожий дойдет и до выставки на Петровке, хотя стоило бы попытка собрать в одном месте утраченные временем осколки Духа Эпохи всегда поучительна.

Растянувшееся на век с

четвертью, это столетие часто бывает заслонено для нас следующим, девятнадцатым, — веком «вечно современной» классики. Между тем его гремучая смесь «безумства» и «мудрости» едва ли не более близка нам, свидетелям «постреволюций», в удивлении стоящим пред дверьми в наиновейшие времена. Отечественная культура в XVIII веке впервые заговорила на разные голоса, стала, как это подметил еще Карамзин, «авторской». Но век не принимал своих косноязычных гениев, непоняты остались Татищев и Прокопович, по-французски убеждал Кантемир в необходимости угловатых русских стихов... *Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро, Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех.* Нам, уставшим бунтовать, стается подписаться под словами «бунтовщика хуже Пугачева».

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Н.М. Карамзин

ПО ФЕНЕ БОТАЕШЬ?

«Затерянный в Сибири»
Великобритания при участии «Мосфильма», реж. А.Митта

После того как в несоветском фильме «Один день Ивана Денисовича» показали лепилу, который вставляет градусник зэку в рот, я гордо вышел из зала. С этим «а ля рюс», точнее «а ля советик», все было ясно. Но то ведь дикие иностранцы, с них какой спрос. А вот мы, цивилизованные заключенные одной шестой части земного шара, читавшие Солженицына под одеялом в 1974-м и в метро в 1990-м? Мы-то «проблему» знаем изнутри, из зоны. Фильм А.Митты и не помышлял приблизиться к страшной своей обыденностью ГУЛАГовской реальности. Наоборот, сколько мог, ушел от нее, прикинувшись Незнайкой, который забыл, каким образом меряют температуру 285 миллионов советских зэков. Это первоклассный истерн с элементами балагана и оперетты, совкового сюрреализма и лагерного фольклора. Но ведь залихватская эпопея ошибочного пленения американского археолога Миллера, которого на пять лет — детский срок — затеряли в Сибири, разыгрывается на глазах у изумленной и достопочтенной публики сейчас, когда доблестные потюпки НКВД продолжают самоотверженно охранять от всего мира тайну гибели дипломата Рауля Валленберга. Поэтому опереточным кульбитом выглядит хэппи-энд с выдачей Миллера под патронаж то ли иранской шахини, то ли шамаханской царицы. Туш и туши свет. У нас зря не сажают. Разберутся — и выпустят. Органы не ошибаются. Так ведь то органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ (далее — везде). А как быть с органами чувств художника?..

Валерий ТУРОВСКИЙ

«СОБРАТЬ ВСЕ КНИГИ БЫ ДА СЖЕЧЬ...»

О.Файнштейн.
«Невеста льва»
«Московский рабочий», 1990

Недавно состоялся необычный акт самосожжения: молодой писатель Олег Файнштейн уничтожил практически весь тираж своей первой книги. Возможно, это было сделано, чтобы издание стало раритетом. Однако данный отклик вызван не фактом акта, а качеством сожженной прозы. Психологическая проза сейчас не очень в чести — пройденный, считается, этап, — потому лучше назвать ее психоаналитической: истерические страхи, сложные комплексы, фрустрации, давние обиды, измены, предательства — все это сплетено в тугую, запутанный узел, который автор осторожно распутывает, по нитке вытягивая причины и следствия и стараясь добраться до глубин подсознания. Весь текст написан в будущем времени. Может, автор подсознательно имел в виду, что его проза принадлежит будущему? Может быть, и принадлежит. Тем более, что в настоящем осталось лишь несколько экземпляров...

Алена ЗЛОБИНА

ЗАМОРОЧКИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«Другая женщина»
США, реж. В. Аллен

Это второй на наших экранах фильм Вуди Аллена после «Пурпурной розы Каира». Не слишком преувеличивая, можно сказать, что о нем у нас знают только те, кто специально интересовался: а нет ли там, в Америке, режиссера такого, Вуди Аллена? Отчего же нет, есть. Знаком ли он там зрительским массам, а не только продюсерам? Отчего же нет, знаком. И это странно, потому что «предмет» его фильмов лежит (стоит, сидит и т.п.) в стороне от столбовой дорожки американского кино. Это — «высококолая интеллигенция» и ее заморочки. Впрочем, «прослойка» эта является одновременно и привилегированным кланом, а привилегии всюду привлекательны, хотя в данном случае они заключаются в том, что люди позволяют себе не участвовать в общем движении Процветания, зато мучаются традиционными вечными вопросами. Стоит сразу заметить, что в названии «Другая женщина» нет двусмысленного адюльтерного оттенка. Речь идет о том, как self-made профессорша-лингвист к пятидесяти годам при почти случайном стечении обстоятельств начинает понимать, что жизнь ее неправильная, ненужная, то есть — другая. Но из этого не надо делать вывод, что фильм сух, как его героиня. Вуди Аллен — режиссер с редким чувством юмора. Он бесконечно переворачивает догматы «американского образа жизни», поверяя их здоровой иронией. Конечно, в мирных целях.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

Марина ДРОЗДОВА

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ПО-ЧАПАЕВСКИ

«Каратель»

Австралия, реж.
М. Голдблэтт

Одна из любимых тем западного кино — одинокий мститель, действующий за гранью закона, но вызывающий у зрителей симпатию или хотя бы сочувствие. На этот раз в роли героя-одиночки выступает супермен Дольф Лундгрэн. Строго судить этот фильм, да и вообще хоть как-то судить, нельзя: он сделан по мотивам популярного комикса, а чаще всего такие картины крайне неудачны. Отмечу только, что, когда на пути Лундгрэна встают японские мафиози-ниндзя, он действует, как Василий Иванович в анекдоте о каратисте. Помните, вытирая окровавленную шапку о штанину, Чапаев сокрушенно качает головой: «Эх, дурак, полез голой пяткой против героя революции!»

ХОТЬ ТАК...

«Костер тщеславия»
США, реж. Б. де Палма

Пока различные наши издания и издательства анонсируют (но не печатают) роман Тома Вулфа «Костер тщеславия», видеорынок уже предлагает его экранизацию. Три главные роли исполняют три популярнейших актера Америки: Том Хэнкс, Брюс Уиллис и Мелани Гриффит. Одного этого уже достаточно, чтобы посоветовать не пропустить эту картину. Да и Брайан де Палма — режиссер, слава Богу, не последний. Фильм может нравиться или нет, но пока это наша единственная возможность познакомиться с нашумевшим романом. Спасибо и на этом.

НИ СУП, НИ ДЕСЕРТ...

«Идеальный муж»
Театр сатиры,
реж. В. Плукеч

На этом спектакле вряд ли кто-то будет смеяться до слез. Пьеса О. Уайльда, представляющая сложный коктейль из салонной комедии, комедии положений и комедии характеров, в сценической редакции театра потеряла десертную легкость, не имея при том ни малейшей возможности стать основным блюдом. Она разыгрывается в строгом, классическом стиле, в соответствии с текстом пьесы от начала до конца, с красивыми костюмами, музыкой настоящего оркестра и выходами персонажей на авансцену для оглашения в зал сентенций вроде: «Любовь к себе — это начало романа, который длится всю жизнь»... Легкие улыбки вызывают у зрителей некоторая глупость мисс Мейбл Чилтерн, не поддающийся ее чарам и настойчивым советам отца жениться на ком угодно лорд Горинг, а также воровские замашки очаровательной и

хитрой миссис Чивли, которая все время интригует и шантажирует товарища министра иностранных дел, требуя от него выступить в парламенте в свою пользу. Ничто не омрачает эту милую историю так, как появление супруги товарища министра (Р. Этуш), которой почти удалось — надрывом в голосе, заламыванием рук и настоящими потоками слез — превратить остроумную комедию в страшную драму из жизни советской семьи. В остальном спектакль хорош не только выдержанными в «английском духе» декорациями В. Левенталя, но и полным расхождением проблем, которые мучают героев, с проблемами тех, кто приходит в зрительный зал.

Дневник И.

Михаил КАМЕНСКИЙ

«ФАЛЬШАКИ» И ПОДЛИННИКИ АНАТОЛИЯ ЗВЕРЕВА

Прогулка по криминально-художественному рынку

До 1986 года художника Анатолия Тимофеевича ЗВЕРЕВА ценили в относительно узких кругах коллекционеров и столичной богемы. Иностранцы приобретали его работы, отдавая дань определенной традиции, сложившейся еще в 60-х, когда за железным занавесом возникла мода на русское подпольное искусство и диссидентство. Но вот художник умер, и одна за другой последовали выставки, аукционы и многочисленные статьи. Зверев проник в массовое сознание и в пантеоне кумиров российского обывателя занял место между Глазуновым, Шиловым и пестрой компанией футболистов, артистов и эстрадных звезд. На художественном рынке начался бум. Больше всего этому способствовали не публикации или телерепортажи, а периодические аукционы, где цены на произведения дотоле не представлявшего коммерческого интереса художника росли в геометрической прогрессии. Ажиотаж вокруг

имени Зверева подогревался и слухом о популярности и немалой стоимости его работ на Западе. На аукционах, проходивших в зале московского ДК медиков, бывало много иностранцев и людей, готовящихся к эмиграции. Попадались и известные в Москве персонажи. Так, выделялась увешанная драгоценностями дородная дама, в ком знатоки опознавали русскую жену отставного главы иностранного государства. Она слыла большой мастерицей вывозить за рубеж стоящие вещи и денег на ветер не бросала, поэтому ее присутствие было своеобразным подтверждением качества предлагавшихся картин. Скупка зверевских работ привела к суровым таможенным запретам на их вывоз, что добавило к посмертной славе художника чуждый ей контрабандно-чернорыночный душок. С «просветительской» точки зрения это имело и свои плюсы: к подписям Малевича, Кандинского и Шагала, распознаваемым зоркими часовыми границ за километр, добавились инициалы «А.З.».

Неотъемлемый атрибут художественной славы — подделки. Они стали появляться практически сразу после смерти Зверева. След их легко обнаруживается и ведет к тем его коллегам, с которыми А.З. проплавал последние месяцы своей жизни. Но главный поток фальшивок хлынул в конце 80-х, когда явно существовало несколько артелей по штамповке псевдозверевских лошадок, осликов, красавиц, церквушек, букетов и пр. Поначалу в этом потоке преобладали выполненные акварелью на ватмане завлекательные «дивы», размашисто подписанные «А.З.» и датированные преимущественно

83-м, 84-м, 85-м годами. Так же много было православных храмов и аляповатых коняг на толстом незагрунтованном белом картоне. Как-то раз знакомый показал мне только что купленную работу Зверева. Так случай привел меня в галерею на улице Герцена, где вперемешку с подлинниками открыто продавались фальшивки. В этом проглядывал определенный умысел: смешав подделки и подлинники, покупателя толкали на самостоятельный выбор без всякой гарантии (как это специально оговаривалось) со стороны продающей «фирмы».

Эпицентром распространения сомнительных «Зверевых» в 89 —

90-м годах стал выставочный зал галереи «Акция». Развесив и расставив фальшивки и подлинники (в соотношении 1:3), разбавив эту смесь немногочисленными работами В.Яковлева (часть которых на поверку тоже оказалась подделками), несколькими работами Э.Неизвестного, Д.Краснопевцева, О.Целкова, Д.Плавинского и других прославленных шестидесятников, устроители довольно успешно провели свою сомнительную коммерческую операцию. Вот, для примера, одна зарисовка будней той, уже куда-то переехавшей галереи. Посередине выставочного зала стоят банкетки, и на них лежит груда цветной

графики. Листы покрыты толстым слоем темно-желтого лака, вроде паркетного, и напоминают куски линолеума. Естественно, в уголке светятся две волшебные буковки «А» и «З», приносящие продающему большие по тем временам деньги — 5 — 6 сотен. (К сведению собирателей: Зверев никогда не покрывал своих работ лаком. Денег у него едва хватало на самые элементарные материалы. Работал он, как правило, с тем, что было под рукой: обоями, кусками оргалита, фанеры. Но самое главное — в его характере не было стремления к ремесленной аккуратности. Ему не был свойствен инстинкт сохранения работ на века с помощью дополнительных средств. Он полагался на судьбу и авторитет своей подписи.)

В той же галерее я обратил внимание на несколько гуашей в абстрактной манере, выполненных на одинаковой бумаге одними и теми же красками как бы в едином порыве и составляющих серию. Мое недоумение вызвала такая деталь: две работы были датированы 83-м, а две — 84-м годом. Можно, конечно, предположить, что А.З., вдохновившись, написал первые в канун Нового года, а еще две той же кисточкой отмахал сразу, как пробило полночь. Но вряд ли он был в состоянии писать в такие праздники. У него находились дела поважнее — выпить да повеселиться, что Зверев умел делать с неподражаемым мастерством.

Такого рода казусных подделок по Москве ходило очень много. Некоторые еще пахли свежим маслом и пачкались. Целая серия Спасителей и церквей была датирована 87-м годом — их авторы даже не подозревали, что в этом году художника уже не было в живых. Грубыми фальшивками торговали направо и налево: в галереях; салонах, букинистических магазинах на Арбате и Смоленской и даже в обычных комиссионках в центре.

Сегодня уже можно оценить урон, нанесенный горе-галерейщиками престижу Зверева. Наследие художника оказалось жертвой эпохи формирования новых экономических отношений, складывавшегося художественного рынка. Почему именно наследие Зверева, а не кого-нибудь другого? Думаю, что косвенными тому причинами оказались естественный поиск интеллигенцией 80-х годов новых героев взамен развенчанных и создание вокруг них по

традиции особого ореола. А стоит появиться такому персонажу, как немедленно вокруг него возникают проходимцы, жаждущие нажиться на посмертной славе.

Зверев в тот момент был самой удобной фигурой и для черного, и для легального рынков. На нем смогли заработать оборотный капитал те, кто первыми обратились к галерейно-аукционной деятельности в постсоциалистической России. А ими были, главным образом, дилетанты и проходимцы, только сегодня уступающие дорогу специалистам. Кинувшись за сиюминутной наживой, эти «первопроходцы» наводнили рынок сомнительными работами. Легко отличить «фальшаки» от подлинников в состоянии теперь только узкие специалисты да друзья художника. Артельщики-поддельщики отлично набили руку, поднаторов в имитации зверевской манеры, его придумок, финтифлюшек и штучек. Они сыплют табак на незасохшую поверхность картин, вклеивают в красочное тесто окурки, прилепляют листья к свеженапиченным роцам, лесам и опушкам. Уже в 1989 году сотрудники Третьяковки сетовали, что с каждым днем на экспертизу в галерею приносят все больше и больше «Зверевых», и бывают дни, когда не оказывается ни одного настоящего.

Всемирно известные аукционные фирмы Сотбис, Кристи, Филипс уже самым фактом приема вещи для продажи дают потенциальным покупателям гарантию ее подлинности. При этих торговых домах существуют эксперты, которые имеют право выдавать клиентам специальные сертификаты и гарантии. Во время московских аукционов ни одна из зверевских работ не имела документального подтверждения подлинности, и все же большинство из них было продано. Результаты этих распродаж не замедлили сказаться на ограниченном московском рынке — произошло затоваривание. Количество зверевских подлинных и мнимых работ достигло критической точки. Это поставило под сомнение художественную уникальность подлинников. Почти на два года среди отечественных собирателей заметно понизился спрос на работы художника.

Начиная с зимы нынешнего года интерес к наследию Зверева несколько оживился и цены на атрибутированные работы выросли. Немалую роль сыграл в этом лондонский

репортаж программы «Время» о некоммерческой выставке ранних работ Зверева из частного собрания, организованной при участии торгового дома Сотбис. Эта выставка уняла подозрения тех собирателей, для кого коллекционирование, в первую очередь, есть способ вкладывания средств и дальнейшей перепродажи. Недавно на одном из московских аукционов за живописную работу Зверева уже была назначена рекордная стартовая цена — 40 тысяч рублей.

Внутренний художественный рынок в СССР быстро развивается. Его успех во многом зависит от надежности экспертизы. Хотелось бы, чтобы большая часть подделок Зверева исчезла, ну а время все расставит по своим местам.

В заключение — несколько рекомендаций:

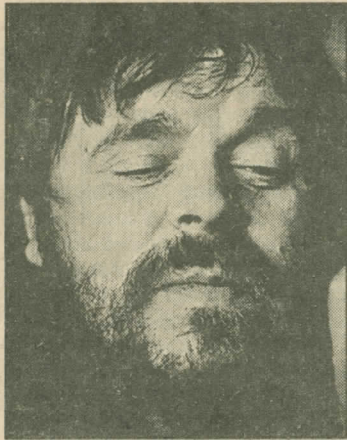
Прежде чем расплачиваться за работу в магазине, требуйте гарантий (сертификата эксперта). Если таковые представлены быть не могут, оставляйте залог и несите работу на экспертизу сами.

Если вы приобретаете работу у частного лица, прежде чем произойдет сделка и будет произведен обмен «деньги — товар», отправляйтесь к нейтральному эксперту вместе с владельцем вещи.

Остерегайтесь в первую очередь белых, словно попавших краем под дождь картонов, датированных восьмидесятыми годами, с изображением чрезвычайно привлекательных, ярких букетов роз и прочих цветов, храмов, в особенности посыпанных табаком, а также избушек-домишек на изумрудно-зеленом фоне, написанных столь толстым слоем краски, что речь уже идет о рельефе. Из графики опасно покупать букеты, Дон Кихотов, осликов и прочих гужевых парнокопытных. Пуще всего бойтесь приторно сладких расплывающихся красавиц, наплюханных акварелью по мокрой бумаге, и опять-таки акварельных «абстрактных» сюжетов на нарочито неаккуратно нарезанных листах. Это самые ходовые поддельные сюжеты.

Не публиковавшуюся ранее беседу Анатолия Зверева и искусствоведа Андрея Ерофеева читайте в рубрике «Арт-салон» на с.64.

«КАК УМЕЛ, ТАК И ЖИЛ...»

О художнике Анатолии ЗВЕРЕВЕ (1931-1986) и о печальной драматургии его судьбы в последние годы писали часто. Сегодня мы имеем уникальную возможность предоставить слово самому художнику, публикуя запись его беседы с искусствоведом Андреем Ерофеевым и его стихи, удивительно созвучные картинам.

— Часто тебя посещает вдохновение?

— Оно посетило меня всего один раз — летом 1968 года, на даче, на Николиной горе. Тогда я за несколько дней сделал более шестидесяти работ. А до этого было только желание нарисовать как можно лучше.

— Бывают ли у тебя плохие вещи?

— Как правило, я стараюсь делать хорошие. Мне кажется, что я делаю одно и то же. А уж там — как выйдет.

— Чем отличается художник от нехудожника?

— Рисовать может каждый. Даже собака или обезьяна, любое движущееся животное (червяк даже) может рисовать. А человек делает вещи, созвучные времени и настроению. Я отличаюсь темпераментом — раз и техникой — два. Я нахожу, что искусство — это случайное явление. Я мог не стать художником, если бы не случай. Начал рисовать острые моменты у ворот «Спартака» — копировал их из газет (это было в 14 лет), а в 9 лет нарисовал розу. У нас в доме висел лубок. Я его часто рассматривал. Заставлял рисовать брата и отца. Потом записался в кружок рисования — учитель положил на песок чайную розу. Я писал ее акварелью — и написал так, что вышла лучше, чем есть в натуре. С учителем стало плохо.

— Где ты учился?

— В художественно-ремесленном училище, в училище «Памяти 1905 года» (1,5 месяца), в кружках при детских городках в Сокольниках и в Измайловском парке.

— Кто учителя?

— Леонардо да Винчи (помнишь, у него написано: жалок тот ученик, который не превзошел своего учителя, — я его своим ташизмом прев-

зошел), Дмитрий Николаевич Лопатников, Луканин Афанасий Николаевич.

— Кто ты по призванию?

— Я пишу картины, леплю, делаю гравюры, офорты, пишу стихи, прозу, в шашки играю.

— А разве шашки относятся к искусству?

— Связь прямая. — графическая и живописная.

— Что же такое искусство?

— Артистизм.

— Самый интересный период творчества?

— Это ташизм, который начался с 1957 года. В нем самая большая отдача, доходящая до экстаза. Но все же самую лучшую свою вещь я написал акварелью, когда мне было 9 лет, — «Чайная роза на песке».

— Что ты больше всего любишь писать?

— Пейзаж, он легче всего получается. Раньше я рисовал, чтобы научиться рисовать. Сейчас не люблю рисовать. Рисую только для общества. В 1959 году я бросил рисовать для себя. Сейчас я должен обязательно угодить и понравиться. Неприятное я рисовал до 1959 года, сейчас — только приятное.

— Кого из художников любишь?

— Врубель, Саврасов, Васильев, Левитан, Иванов, Кипренский. В Третьяковской галерее почти все мне нравятся. Еще люблю Ван Гога (он на первом месте), Рембрандта (на втором) и Матисса. Почти нет художников, которые бы мне не нравились. Но не люблю карикатуру. Это — как оформление стенгазеты.

— Почему у тебя так много автопортретов?

— Я хотел себя прославить. Период эгоизма был.

— Какую технику ты предпочитаешь?

— Я люблю ту, которая проще, — соус. Вообще, никакая техника мне не нравится: масло неприятно пахнет, акварель расплывчата и капризна, гуашь — сыплется, карандаш требует много усилий. Больше других мне нравится тушь и гусиное перо. Мне хотелось бы, чтобы все рисовалось само собой: как подумал, так и рисовалось. Как в природе — все готово, надо только уметь пользоваться. Искусство — вещь специальная. Надо уметь находить пропорции, акцентировать.

— Искусство — серьезная вещь?

— Как и жизнь. Оно и серьезно, и несерьезно одновременно. Но для меня больше — серьезно. Игры в нем не может быть.

— А художник — серьезный человек?

— Художник сам по себе пьян без выпивки. Опьянен искусством.

— Какое искусство тебе больше нравится?

— Лучшее искусство — европейское. В нем большое стремление быть разным. Мое — европейское. Восточное искусство нарочитое. Традиционное. Его можно назвать ремеслом. Когда художник ничего не ищет, а просто ремесленно-здорово рисует. В искусстве должен быть элемент поиска. Поиска образа.

— Ты ощущаешь себя профессиональным художником?

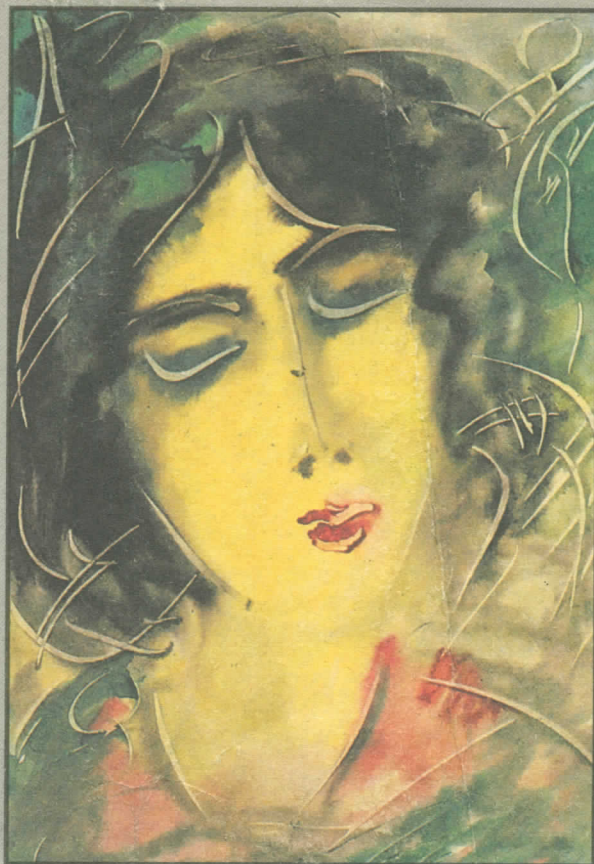
— Профессиональным абсолютно. Какой непрофессиональный художник смог бы так точно рисовать, как я? До меня не было художника, который, не глядя на натуру, так точно мог бы изобразить павлина. Я профессионал высшего класса, но не ремесленник.

24 апреля 1982 года

лягушки раки рыбы
животный мир и все
что называлось птицею
иль кошкой за окном
в весне все растворилось
все провалилось все
засуетились пташки
залели петухи
в полях в пшенице кашки
сиренево цвели
гудит болото вечером
поет гармонь в саду
от делать может нечего.
по листьям ветер дул
гуляет в травах молодость
и мнет в кустах цветы
и пишет поэт с гордостью
отдохнешь и ты

пруд пруди сколько книг
интересных
сколько разностей милых
смотри
и любовь к этому даже
трелет
а часов уже больше чем три
не утрируя есть искусство
оно разное и флаг его всяк
и пустяк что так все
безобразно
голос смелых еще не иссяк
солнце темное
солнце ясное
возле тучки пригрелось
напрасно я
плачу
льется слеза из глаз
дух уходит от нас

ты смотришь
чуть напуганная
чем-то
а мне не кажется
что плохо так тебе
я вижу
лишь тебя
и в сердце
нет сомнений
у солнечного
миленького дня
ты все такая же
с приподнятою бровью
и несколько нахмурена у лба
у лба
люблю улыбку я твою
любую
любуюсь
на волосы
на голос
на тебя
приятно мне рукопожатье
и твой прием меня
к тебе
где есть аллея у объятая
где нет другого понятия
лишь только знать тебя
и я смотрю
любовь тая

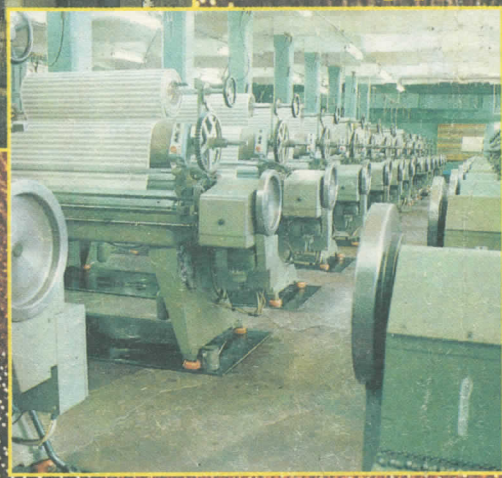
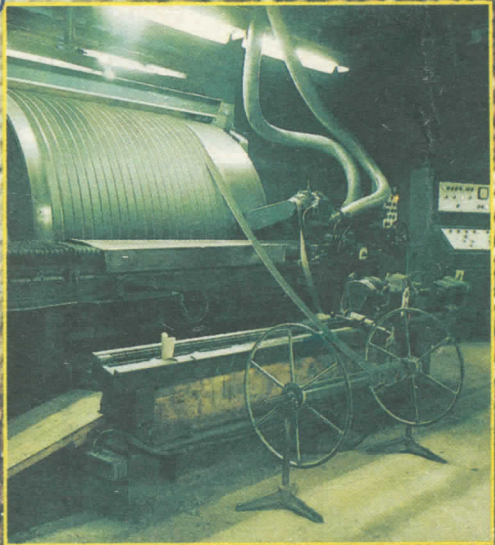
Женский портрет. 1981 г.

Котенок. 1986 г.

21-3-198

**СЕГОДНЯ
ЕЩЕ
НЕ
ПОЗДНО!**

**ОТПУСК — ТОЛЬКО ЛЕТОМ!
ПИТАНИЕ И ПРОЕЗД — БЕСПЛАТНО!
ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ — ПУТЕВКИ
В САНАТОРИИ, ДОМА ОТДЫХА,
ПИОНЕРСКИЕ ЛАГЕРЯ!
А ТАКЖЕ — ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ И ДЕФИЦИТНЫМИ
ПРОМЫШЛЕННЫМИ ТОВАРАМИ
ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРИДЕТ РАБОТАТЬ**

**НА МОСКОВСКУЮ КАРДОЛЕНТНУЮ
ФАБРИКУ ИМЕНИ 7-ой ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЯ**

МЫ ПРИГЛАШАЕМ:

НАЛАДЧИКОВ АВТОМАТОВ И ПОЛУАВТОМАТОВ — ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

900 РУБЛЕЙ

ОПЕРАТОРОВ АВТОМАТОВ И ПОЛУАВТОМАТОВ — ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

450 РУБЛЕЙ

УЧЕНИКОВ НАЛАДЧИКОВ И ОПЕРАТОРОВ

/СРОК ОБУЧЕНИЯ ОТ 3 МЕСЯЦЕВ ДО ГОДА, ВО ВРЕМЯ УЧЕБЫ

ВЫПЛАЧИВАЕТСЯ СТИПЕНДИЯ — 300 РУБЛЕЙ/

МЫ ЖДЕМ ВАС ПО АДРЕСУ: г.МОСКВА, МАРКСИСТСКАЯ ул., д.3

☎ 272-39-22